

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1898. a.

VIHK

212

ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ в 1898 г.

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ
XI

ТАРТУ 1968

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
TRANSACTIONS OF THE TARTU STATE UNIVERSITY
ALUSTATUD 1893. a. VIHİK 212 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

XI

Т а р т у 1968

Редакционная коллегия:

Р. Н. Блюм, А. И. Горячева, Т. В. Лойт, М. Г. Макаров, Я. К. Ребане,
Л. Н. Столович (ответственный редактор).

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

XI

На русском языке

Тартуский государственный университет ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18

Ответственный редактор Л. Н. Столович

Корректор Ю. Х. Сарв

Технический корректор М. Я. Митт

Сдано в набор 8/XII 1967 г. Сдано в печать 29/IV 1968 г. Бумага типографская № 3,
60 × 90/16. Бумажная фабрика «Кохила». Печ. листов 13,25. Учетн.-издат. листов 14,2.

Тираж 500 экз. МВ 04260. Заказ № 8202. Типография им. Ханса Хейдеманна. ЭССР,
г. Тарту, ул. Юликооли, 17/19. II.

Цена 95 коп.

КАТЕГОРИЯ ЦЕЛИ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

М. Г. Макаров

Никогда за все время своей многовековой истории проблема цели и целесообразности не подвергалась столь широкому рассмотрению, не велось вокруг нее столь жарких и столь многочисленных споров, как в наши дни. Эта проблема выдвигается на одно из первых мест в современной философии в связи с тенденцией усиления реакционности идеологии империализма, одним из основных проявлений которой служит активизация телеологических концепций. В то же время интерес к категории цели и связанным с нею вопросам в философии определяется развитием различных областей научного познания: биологии, физиологии, психологии, социологии. Особенно большую роль сыграло в этом отношении развитие кибернетики, в значительной мере по-новому поставившее вопрос категории цели и телеологии в науке. Тяготение значительной части буржуазных философов к телеологии выражает также осознанное или неосознанное стремление найти более прочную опору, чтобы противостоять нажиму марксистской философии. Телеология используется в качестве средства борьбы против философии рабочего класса, в особенности исторического материализма.

В данном обзоре мы ограничимся теми философскими теориями, которые больше других уделяют внимания интересующей нас категории. Подобное рассмотрение не может дать сколько-нибудь полной картины действительного состояния вопроса, уровня разработки категории в буржуазной мысли современности. Разработка категорий цели и целесообразности, вопроса соотношения телеологии и детерминизма происходит во все возрастающих размерах также вне собственно философских исследований, в трудах биологов, кибернетиков, социологов, но здесь мы этой стороны дела, самой по себе очень важной, рассматривать не будем.

Категория цели в телеологических системах современной идеалистической философии

Наиболее обширная литература по вопросу цели и целесообразности принадлежит в современной философии, несомненно, неотомизму и другим близким ему религиозно-философским течениям. Хотя этот большой объем и не связан со сколько-нибудь заметным обогащением самого понятия цели, однако обойти эту сторону эволюции категории цели и телеологии в современной буржуазной философии означало бы существенно исказить реальную историю данной категории.

По собственному признанию неотомистов, телеология — «основная и лучшая часть» их философии.¹ Более того, вообще только телеологические учения и достойны именоваться философскими системами. «Это гарантировано в томизме его глубоко телеологической структурой, структурой, высшим плодом которой является Первая Причина и Конечная Цель всего существующего».² Представляя, согласно Фоме Аквинскому, «пятое доказательство» существования бога, телеология является основой всей религиозной философии неотомистов, воскрешающей учение Аквинского о конечных причинах. Последнее, однако, не просто механически перенесено в современную эпоху, а несколько переработано неотомизмом в духе современности. Телеология Фомы подключена как форма к гносеологическим источникам современного познания, формулируя его проблемы на своем языке теологической догматики. Самой телеологии в ее роли «доказательства» бытия бога отводится современным томизмом большее значение, чем то, которое ей придавал сам средневековый создатель этой философии. «Пятый путь» оказывается теперь самым главным. Об этом говорилось, в частности, в специальном докладе, посвященном данному вопросу, на VI международном конгрессе томистов осенью 1965 г. Этот путь — решающее, наиболее эффективное доказательство именно потому, что по своему содержанию он, якобы, наиболее соответствует духу современной науки. Данные современной науки должны служить отправной точкой «пятого доказательства» в неотомистской философии.³

Неотомизм прилагает значительные усилия и проявляет большую изобретательность в области телеологического истолкования данных современной науки, модернизирует, насколько это возможно, свою телеологическую доктрину. На решение этой за-

¹ См. Р. Миллер. Личность и общество. М., 1965, стр. 102.

² J. C. Mihailich. Existentialism and Thomism. N. Y., 1960, p. 72.

³ G. Bortolaso. Nuovi aspetti delle cinque vie tomistiche — La Civiltà Cattolica, An, 116, 1965, vol. IV, n. 22, p. 360.

дачи направлены не только усилия отдельных философов — неотомистов, но и работа конференций, проводимых специально с этой целью. В качестве примера приведем совещание по вопросам телеологии, проведенное неотомистами в 1956 г., материалы которого мы в дальнейшем еще используем. На этом совещании выступили с докладами, кроме философов и теолога, физики, юристы, медики, филологи, астроном, историк, физиолог, палеонтолог, стоящие на позициях философии неотомизма. С гипотезой о «синтропических процессах» (связанных с уменьшением энтропии), связывающей формализм «сходящихся волн» в квантовой механике и возможную обратимость времени в процессах распада элементарных частиц с телеологическим пониманием явлений жизни, выступил математик, идеалист в философии, проф. Фантаппье. Совещанию была придана видимость свободной, творческой обстановки, а для создания впечатления полной объективности были разрешены даже единичные антитеологические высказывания, которые были приняты очень спокойно и корректно. Враг, против которого было направлено это совещание, — «слепая причинность» (т. е. материалистическое понимание причинности), как открыто признал в своем заключительном слове председатель совещания Ф. Карнелутти.⁴

Старой идее о телеологическом характере порядка вселенной, устремленного к богу, придается более современный вид. Положение об этом порядке представляется в качестве вывода из естественных наук, раскрывающих объективные законы природы. Понятие объективного закона получает телеологическое содержание. «Закон означает порядок и всеобщий закон означает порядок как в больших, так и в малых вещах, бледное и несовершенное отражение великой идеи и великого божественного плана»⁵ Закон содержит в себе целенаправленную тенденцию, определяющую его необходимость.⁶ Необходимость всегда предполагает определенное соотношение средств и целей.⁷ Поэтому развитие точных наук, раскрывающее все большее и большее количество законов природы и показывающее внутреннюю необходимую связь между ними, не может не представлять доказательства правильности телеологического миропонимания. Так и физика Галилея и Ньютона, сменившая устаревшую физику Аристотеля, отнюдь не опровергла самого принципа конечных причин. Наоборот, именно она дала обоснование телеологии, абсорбировав в свои причинные законы цели природы.

---

⁴ Causalità e finalità. Atti del Convegno «Il valore del fine nel mondo» a cura di M. Gentile. Firenze, 1959, p. 251.

⁵ Der Papst sagt. Lehren Pius XII. Frankfurt a. M., 1955, S. 156.

⁶ I. De Coster. Le Problème de la finalité. Louvain, 1887, p. 55.

⁷ C. Giacom, G. Polvani. I diversi significati e gradi della finalità. Causalità e finalità, p. 189—190.

«. Закон внутренне телеологичен», утверждает неотомистский историк науки Х. Дольх, «целестремителен во внутренней основе и силе, направлен на результат и самовластен по отношению к этому действию»⁸

Неотомисты стремятся показать, что их учение находится в полном согласии с законом причинности, подтверждаемым данными всех наук. Более того, только неотомистская телеология позволяет как следует обосновать и последовательно провести этот закон в сфере познания природы. Закон причинности включает необходимость момента соответствия следствия причине, определенный способ порождения следствия. Но это свидетельствует, с точки зрения неотомистов, о том, что должна быть еще некая особая причина, определяющая своим действием этот устойчивый и общий момент соответствия внутри причинных связей. Эта особая причина подчиняет «различные частичные факторы, участвующие в причинном акте, определенному эффекту».⁹ В соответствии с «современным способом выражения» это означает, что устойчивая структура причины «направляет причинный процесс на получение определенного следствия»¹⁰ Перенос структуры с причины на следствие понимается как направленность, а последняя трактуется как проявление действия формы. Однако поскольку форма выступает в качестве активного организующего принципа, направляющего своей деятельностью все существующее, она является целью.¹¹

Апелляция к современной науке не мешает однако сохранению неотомизмом типичных форм средневековой схоластики. Так, им используется схоластическое понятие «инструментальной причины». Оно связано с понятиями «свойства инструмента» и «инструментального свойства». У рубанка, например, имеется свойство строгать в силу остроты — его «свойства инструмента». Действие же его, создающее кровать, не является действием собственно самого рубанка, а действием плотника посредством рубанка. Через инструмент протекает сила деятеля, создающего вещь посредством свойств инструмента. Все явления природы и сам человек суть лишь различные инструменты в руках творца — «инструментальные причины». Инструментальная причина обусловливает особенное, специфическое в предмете, бог же — причина его бытия.¹² Мысли Фомы Аквинского по этому вопросу преподносятся таким образом, чтобы создать видимость какого-то соответствия науке. В сфере существования, где действует

---

⁸ H. Dolch. Kausalität im Verstandnis des Theologen und der Begründer neuzeitlicher Physik. Freiburg, 1954, S. 208—209.

⁹ A. Mösländ. Finalität, ihre Problematik in der Philosophie N. Hartmanns. Freiburg, 1964, S. 247.

¹⁰ Там же, стр. 227.

¹¹ Там же, стр. 256.

¹² J. Albertson. Instrumental Causality in St. Thomas. — The New Scholasticism. Vol. XXVIII, No 4, 1954.

инструментальная причинность, имеет силу закон сохранения. Причины не порождают нового бытия, а только модифицируют существующее. Причиной же самого бытия является бог.¹³ Зависимость бытия от бога есть зависимость сотворенного от творца и цели. Бог — высшее благо, дающее бытие всем вещам, причина самой причинности, причина бытия. К нему устремлен весь порядок вселенной.¹⁴

Противоречия этому собственному основному положению, некоторые неотомисты стремятся доказать, опираясь на известные элементы аристотелевской телеологии, что философия томизма проводит точку зрения имманентной телеологии. Внутренняя телеология вещей является первичной. Внешние телеологические отношения вещей, их порядок и субординация суть следствие внутренней целесообразности.¹⁵

Неотомисты решительно отказываются также от антропоморфизма и антропоцентризма телеологии. Некоторые из них указывают на содержащийся в телеологии Аристотеля элемент примитивного моделирования. Спекулируя на содержащемся в аристотелевской телеологии элементе примитивного моделирования, некоторые неотомисты утверждают, что телеология Аристотеля и Фомы — не антропоморфизм, а лишь особый модельный способ познания. Выражения этой телеологии, отвечающие волевым действиям человека, носят метафорический характер.¹⁶ Защищаясь от обвинений в антропоморфизме, неотомисты указывают также на идею Фомы о «естественном стремлении» вещей к осуществлению и сохранению форм, сохранению своего существования. «Этот аспект телеологии допускает наиболее точное установление параллелизма между естественной активностью и волевой деятельностью и позволяет исключить определенную форму антропоморфизма, которую многие современные авторы ставят в вину аристотелевской физике».¹⁷ Неотомисты (J. Schmitz, F. Carnelutti, G. Zunini, F. Olgiati) подчеркивают необходимость разграничения понятий «интенциональной цели» как сознательной цели преднамеренного действия (итал. *lo scopo*) и «цели» в значении «конечной причины» (итал. *il fine*).

На основании приведенных высказываний неотомистов можно утверждать, что встречающаяся в нашей литературе характеристика неотомистской телеологии как вульгарной телеологии

---

¹³ J. Anderson. *The Cause of Being. The Philosophy of Creation* in St. Thomas. Birmingham, 1952, p. 4.

¹⁴ M.-J. Farrelly. *Existence, Intellect, and Will.* — *The New Scholasticism*. Vol. XXIX, No 2, 1955, p. 151.

¹⁵ F. Olgiati. *I fondamenti della filosofia classica*. Milano, 1953, p. 111.

¹⁶ J. Schmitz. *Disput über das Teleologische Denken*. Mainz, 1960, S. 152.

¹⁷ F. Selva ggi. *Causalità e Indeterminismo. La problematica moderna alla luce della filosofia aristotelico-tomista*. Roma, 1964, p. 124.

внешней полезности, согласно которой виноград существует для того, чтобы давать людям вино, а пробковые деревья — чтобы делать пробки для бутылок с этим вином,¹⁸ плохо учитывает современное состояние вопроса о неотоимизме.

Рассмотрение неотоимизмом устойчивости структур явлений как проявления целесообразности позволяет подвести под телеологическое понимание все процессы природы, начиная с атома, в котором устойчивые системные связи определяют скорость и направление обращения частиц.¹⁹ Эта устойчивость структуры составляет содержание телеологической, с точки зрения неотоимизма, целостности явлений. Особенно отчетливо она выступает в живых организмах, где ансамбль органов существует ради совершенства живого существа как целого.²⁰

Телеологическое понимание живой природы принимает в тоимистской философии различные оттенки. Оно может безоговорочно присоединяться к открыто виталистическим учениям в биологии,²¹ но может также и отрицать наличие в организмах каких бы то ни было отдельных, чистых духовных сущностей. В таком случае в качестве воплощения идеального начала выступает одна из сторон организма как целого. Так, некоторыми представителями неотоимистской натурфилософии в качестве такого воплощения рассматривается субстанция зародышевой клетки. Зародышевая клетка — индивидуализация энтелехии, обеспечивающей сохранение видовой формы. Энтелехия не есть некий внешний фактор, воздействующий на органический вид в целях сохранения его черт, а — сама видовая специфичность, природа вида.²² Жизнь организма определенного вида является жизнеосуществлением воплощенной в нем энтелехии, «логоса вида». Так, например, цветок растения определенного вида служит для привлечения насекомых. Но одновременно он выражает лежащий в сущности живого логос, играя роль его глаза.²³ Некоторые же сторонники неотоимистской философии в качестве упомянутого воплощения рассматривают целостность организма. То, что у человека выступает как психология, у организма принимает вид его целостности.²⁴

Общим для всех разновидностей неотоимистской натурфилософии в вопросе понимания органической жизни является связь

¹⁸ История философии. М., 1965, т. VI, кн. 2, стр. 47.

¹⁹ A. Mösländ. Finalität, ihre Problematik in der Philosophie N. Hartmanns, S. 245.

²⁰ E. Gilson. Le thomisme. Introduction a la philosophie de saint Thomas d'Aquin. Paris, 1944, p. 267.

²¹ См., напр., R. Stölzle. Die Finalität in der Natur. Habelsschwerdt, 1924, S. 10.

²² H. Conrad Martius. Der Selbstaufbau der Natur. Entelechien und Energien, S. 56.

²³ H. Conrad Martius. Die «Seele» der Pflanze. Breslau, 1934, S. 70.

²⁴ G. Zucchini. La frontiera verso l'alto: il mondo psicologico. — Causalità e finalità, p. 33.

телеологии с абсолютизацией качественной специфики живого. Это соответствует учению томизма о иерархической ступенчатости бытия. Возникновение категорий более высоких слоев бытия следует рассматривать не как результат сочетания низших слоев, а как проявление божественной реальности.²⁵ «Стараться вывести природу и действия одушевленных существ из их же материальных составных частей означает для ученого совершить ошибку, на которую уже давно обратил внимание указующий палец философа». «Свести» природу к миру материи объявляется «серьезным интеллектуальным грехом против природы».²⁶ Объяснять явления жизни с точки зрения физики и химии равносильно попытке свести картины Рафаэля к химическому составу образующих эту картину красок.²⁷ Это не значит, что неотомизм отрицает большое значение биофизики и биохимии в изучении жизни. Дело в том, что, с его точки зрения, физико-химические исследования не затрагивают глубокой сущности жизни, относясь лишь к ее необходимым средствам, инструментальным причинам. Жизнь, этот целестремительный фактор, использует физико-химические инструменты, снаряжение, средства. Соответственно физико-химическая биология при всем ее бесконечном в дальнейшей перспективе прогрессе остается всегда только средством, подчиненным телеологической, «типологической» биологии.²⁸

Хотя начиная с тридцатых годов неотомисты и стали переходить на позиции признания эволюционизма, они продолжают оставаться по сей день непримиримыми противниками теории Дарвина, видя в ней «доктрину случая». Эволюция, органический прогресс трактуются телеологически как процесс, стремящийся к все более и более высоким целям. Естественные эволюционные изменения происходят только в рамках вида. Переход же от одного вида к другому осуществляется путем трансцендентного воздействия «Первой причины» Это воздействие проходит через сотворенные существа, используя их в качестве «инструментальных причин».²⁹ В роли инструментальной причины может, в принципе, выступать и среда.³⁰ Свой симпатии к ламаркизму неотомизм стал выражать уже давно. Дарвин вульгаризировал теорию эволюции, созданную Ламарком, утверждал томист Де Костер еще в конце прошлого века. Учение же Ламарка является «наиболее ярким образцом телеологии».³¹ Решительный переход нео-

---

²⁵ J. Schmitz. Disput über das Teleologische Denken, S. 208.

²⁶ A. Marie. Viruses: Are They Alive? — The New Scholasticism, Vol. XXI, N 3, 1957, p. 313.

²⁷ F. Olgiati. I fondamenti della filosofia classica. Milano, 1953, p. 172.

²⁸ J. Maritain. Philosophy of Nature. New York, 1951, p. 115.

²⁹ J. Donceel. Causality and Evolution. A. Survey of Some Neoscholastic Theories. — The New Scholasticism. Vol. XXXIX, No 3, 1965, p. 303.

³⁰ Там же, стр. 305.

³¹ J. De Coster. Le Problème de la finalité. Louvain, 1887, p. 111.

томизма к признанию органической эволюции придал ламаркизму в его глазах еще большее значение как эволюционному учению, делающему ненужной ненавистную для томистов теорию естественного отбора, телеологическому по своему существу. Неотомисты провозглашают в связи с этим «возрождение ламаркизма» в современной биологии.³² Неотомизм не отрицает существования случайных изменений у организмов. Чего он в принципе не может признать — это превращения случайных признаков в общие и необходимые. Подобное превращение означало бы, с точки зрения этой философии, возникновение идеального, духовного (общее, субстанциональная форма) из определяемых материей случайных индивидуальных различий. В связи с этим некоторые неотомисты предлагают разделение причинных связей на случайные и необходимые. Первые лишь модифицируют действия вторых и избираются ими. Включаться же в необходимую связь, переходить в нее случайные причины, как уже было сказано, не могут.³³

Телеология неотомизма, как и телеология самого Фомы Аквинского, имеет также этический аспект, свое аксиологическое обоснование. Этот момент, по признанию самих томистов, является самым важным в их телеологии.³⁴ Они нападают, с известным основанием, на субъективистскую теорию нравственности. Подлинная нравственность не может быть основана только на субъективном отношении к ценностям. Она должна иметь объективную основу в самой действительности в виде смысла бытия природы и человека. Но категория «смысл бытия», как и всякая ценность вообще, предполагает существование целевого отношения, которое не является произвольным целеполаганием человека.³⁵ Пойски смысла и цели человеческой жизни остаются тщетными, если их не основывать на признании телеологической структуры самой объективной реальности.³⁶ Обоснование в неотомизме этических ценностей телеологической структурой бытия в свою очередь превращается в обоснование телеологического понимания самого бытия путем отождествления моральных принципов с физическими.³⁷

Нетелеологическое понимание причинных связей человеческой деятельности исключает, согласно неотомизму, действие цели

---

³² R. Nachtwey. *Der Irrweg des Darwinismus*. Berlin, 1959. Об отношении неотомистов к ламаркизму см.: Г. Вессель. Вирусы — чудо — противоречия. М., 1965.

³³ A. Mösländ. *Finalität, ihre Problematik in der Philosophie* N. Hartmanns, S. 227.

³⁴ A. Gottardi. *La risposta del teologo al problema del fine. — Causalità e finalit *, p. 229.

³⁵ J. Schmitz. *Disput  ber das Teleologische Denken*. S. 5.

³⁶ J. Mihailich. *Existentialism and Thomism*, p. 86.

³⁷ E. Gilson. *Le thomisme. Introduction a la philosophie de saint Thomas d'Aquin*, p. 488.

человека как побудителя этой деятельности.³⁸ Активность сознательной цели человека исключает, с этой точки зрения, ее детерминацию материальными причинами.

Способы реагирования реакционной идеологии на процессы в общественной жизни и науке неоднозначны. Основным, наиболее адекватным классовым интересам, лежащим в основе данной идеологии, является открытая борьба против новых течений или использование их более или менее искаженного содержания для мнимого обоснования идеалистических, реакционных положений. Но может иметь место и следующее. В целях спасения дорогой ему идеологии отжившего класса идеолог может делать попытки приспособления ее к новым течениям, менее заботясь о соответствии ее интересам класса. Так, в наши дни мощные социальные процессы современности отражаются не только в адекватной им идеологии рабочего класса, но даже в некоторых идеалистических и религиозных учениях.

Подобное наблюдается с телеологией в работах Тейяра де Шардена. Чтобы влить новые силы в христианство, он пытается охватить своей телеологической философией живые силы современности: гуманизм, движение человечества к обществу, свободному от эксплуатации, науку. В связи с этим его телеология часто выступает лишь как ненужное дублирование излагаемой им общей теории развития действительности. Абстрактная, максимально удаленная от антропоморфизма телеология Тейяра имеет ряд гносеологических источников и аспектов. К ним относятся, во-первых, проблема направления абстрактно понимаемого процесса развития действительности. Развитие всего универсума происходит в одном направлении — направлении усложнения. Это есть направление ко все менее вероятным состояниям. Оно требует существования универсального центра объединения, фиксирующего это движение.³⁹ Последний должен рассматриваться как предсуществующий и трансцендентный. Таковым является конечный универсальный Очаг — «Омега». Подобный переход абсолютизации поступательности развития Вселенной в телеологию логически неизбежен. Это подтверждается опытом развития философии, в котором учения о направленном развитии Вселенной носят обычно идеалистический, телеологический характер.⁴⁰ Во-вторых, поступательность развития понимается Тейяром де Шарденом как постоянное повышение организации материи. Повышение структурности, организации материи объясняется Шарденом как действие особого рода энергии — «радиальной». Понятие «радиальной энергии» Тейяра, выдвинутое им до

---

³⁸ J. Schmitz. Disput über das Teleologische Denken, S. 159.

³⁹ П. Тейяр де Шарден. Феномен человека. М., 1965, стр. 294.

⁴⁰ См. А. Поликаров. Критика на схватывания за насоченото изменение на вселената. Известия на института по философия, т. III. София, 1958.

создания теории информации (1940 г.). является телеологизированным выражением отношений структуры и организации, процесса их возрастания. В своих последних работах Тейяр связывал его с противоположной энтропии космической тенденцией материи к «состояниям все более и более центроусложненной упорядоченности». ⁴¹ Во все возрастающей сложности организации материи проявляется, как полагает Тейяр, развитие связанного с этой организацией психического начала — внутренней стороны реальности. Сосредоточение очагов психического во все более мощные центры соответствует возрастанию и централизации материальной организации. «Дух в нашем понимании — это в сущности способность к синтезу и организации». ⁴²

Телеологизация свойственной всей материи способности, родственной ощущению и лежащей в его основе, является следующим гносеологическим источником этой телеологии. Хотя Тейяр и заявляет иногда, что в мире атомов и молекул мы имеем дело только с «малозаметными отдаленными истоками» свободной, целеполагающей деятельности, им все же допускается известное перенесение на них специфических качеств психики животного и даже человека.

Это связано также с отождествлением природного и общественного. Тейяр далек от понимания общественного развития и его специфических законов. Но он глубоко убежден в объективном и естественном характере общественного прогресса. Совпадение общих законов развития природы и общих законов развития общества понимается им в том смысле, что общество представляет собой лишь высший этап развития органического мира и природы вообще. Отсюда вытекает перенесение некоторых черт психики человека как социального явления, в том числе целеполагания, на всю природу. Решительный противник антропоморфизма, Тейяр сам делает шаг в сторону антропоморфизма. Целеустремленность деятельности людей является, с его точки зрения, высшей формой общих телеологических свойств действительности.

Тейяр де Шарден признает также ненаучность антропоцентрической телеологии. Его анализ антропоцентризма весьма содержателен. Выделяются субъективная и объективная стороны антропоцентризма. Первая состоит в том, что при наблюдении природных явлений мы неизбежно являемся центром перспективы. Объективная же сторона определяется реальным положением человека на шкале развития природы. Человек — вершина эволюции, центр конструирования универсума. ⁴³ Поэтому степень приближения к человеку может служить критерием при определении места той или иной органической формы в общем про-

⁴¹ P. Teilhard de Chardin. Un sommaire de ma perspective «phénoménologique» du monde. — Les Études philosophiques, An. 10, n° 4. 1965. p. 569.

⁴² П. Тейяр де Шарден. Феномен человека, стр. 254.

грессе природы. Каждая клетка «сможет быть понятна (т. е. включена в связную систему универсума) лишь тогда, когда она встанет на свое место между будущим и прошлым в линии эволюции». ⁴⁴ Чтобы понять новое, оценить его в самом его возникновении, надо было бы иметь возможность увидеть его расцвет в будущем. ⁴⁵ Это позволило бы различить тенденцию, направленность эволюции. ⁴⁶ Поэтому надо «искать с вершин». ⁴⁷ Подобное методологическое применение телеологии при ретроспективном определении общего направления развития по его итогу переходит у Тейяра в телеологию в ее значении идеалистического учения о конечных причинах. Низшие ступени развития начинают приобретать при таком рассмотрении характер средств достижения конечного результата как цели, превращаться в «мимолетный опорный пункт для курса», который проходит через них, игнорируя их самих. ⁴⁸

Подчеркивание ключевого положения человека на лестнице эволюции как ее полюса сливается у Тейяра с гуманистическим оптимизмом его мировоззрения. Человек — высший цвет Вселенной. Мир, приходящий в нем к мысли, ожидает, что мы усовершенствуем природу. Всеобщий закон эволюции ведет человека к прогрессирующему объединению в новой, лучшей организации. Человек шагает по волнам жизни, держа в своих руках судьбу Вселенной. Его лицо обращено к встающему солнцу. Всеобщая целенаправленность бытия представляет ему только возможность достижения счастья и справедливости. «Будучи брошенным в направлении определенной цели в будущем», мы не имеем полной гарантии ее достижения. ⁴⁹ Необходимо бороться, используя имеющиеся внутренние и внешние условия, чтобы достичь своей цели.

Значение оптимистического гуманизма Тейяра в реальной идеологической борьбе в странах, где распространен католицизм, весьма положительно оценивается коммунистами этих стран. Это — «гимн радости жизни и призыв к построению будущего ради человека». ⁵⁰ Конечная цель мирового развития, — пункт «Омега» телеологии Тейяра, представляет собой не просто «второе пришествие Христа», не царство церкви, а прежде всего — социализированный мир, который строится всеми людьми на основе братского сотрудничества. ⁵¹

⁴³ Там же, стр. 35.

⁴⁴ Там же, стр. 82.

⁴⁵ Там же, стр. 121.

⁴⁶ Там же, стр. 145.

⁴⁷ Там же, стр. 153.

⁴⁸ Там же, стр. 172.

⁴⁹ P. Teilhard de Chardin. *La Place de l' Homme dans la Nature*, 1956. Paris, p. 163—164.

⁵⁰ R. Garaudy. *Perspectives de l' Homme*, Paris, 1960, p. 191.

⁵¹ A. Moscato. *Da Mounier a Teilhard*. — *Il Contemporaneo*, 1965, n. 3, p. 15.

Обоснование реальности оптимистических перспектив человечества означает для Тейяра выяснение смысла жизни. Категория смысла жизни применяется им, как и неотомистами, в качестве онтологической характеристики бытия вообще. Это составляет еще один аспект или источник его телеологии. «. Или мир не имеет «смысла», он абсурден, и человеку остается лишь идти к космическому самоубийству, или мы открываем в мире и истории смысл и черпаем в этом основание для того, чтобы жить, надеяться, творить нечто большее, чем мы сами». ⁵² Смысл мира есть выражение целенаправленности эволюции. ⁵³ Это понятие выходит за рамки рационализма, философии Тейяра, превращаясь в объект веры. ⁵⁴ Правда, вера в понимании Тейяра не является противоположностью научного познания. Наоборот, она — итог высшего развития научных знаний, их всеохватывающего синтеза. Синтез позволяет различить общую ось эволюции, закономерное направление развития, чем ведет к телеологии. Анализ, дробящий целое, утрачивает картину общей целенаправленности и связан с материалистическим детерминизмом. Тейяру, применяющему в своем учении целый ряд диалектических идей, чуждо тем не менее понимание диалектики причинности. Отождествляя детерминизм с механистической концепцией внешней причинности, он отказывается втискивать процессы органического мира в ее тесные рамки. Расширение же, развитие детерминизма возможно, с его точки зрения, только на путях телеологических представлений о внутренней психической стороне вещей, создающей общую целенаправленность.

Относительно меньше телеология Тейяра связана с его антропологическими и палеонтологическими исследованиями. Он далек от мысли отрицать роль естественного отбора в эволюции. Тейяр едва ли не единственный из современных буржуазных философов, кто отчетливо сознавал важность для эволюции перехода случайности в необходимость ⁵⁵ — точка зрения, антитеологическая по своей направленности. Тейяр подчеркивает естественный характер происхождения человека. Однако, как и вообще многие представители палеонтологии, науки, имеющей дело с глубокими разрезами эволюционных пластов, он особенно выделяет направленность эволюционного потока. Это определяет его склонность к совмещению дарвинизма с точкой зрения теории ортогенеза.

Философия Тейяра показывает возможность относительно прогрессивного использования телеологии применительно к некоторым проблемам жизни современного человечества. С одной стороны, эта философия вызвала ожесточенные нападки сторон-

---

⁵² П. Тейяр де Шарден. Феномен человека, стр. 191.

⁵³ Там же, стр. 145.

⁵⁴ Там же, стр. 278

⁵⁵ Там же, стр. 74, 105.

ников ортодоксальной креационистской телеологии неотомизма. Так, западно-германский томист Хенгстенберг, выдвигающий в качестве противоположности тейяровской эволюции «теорию ступенчатого творения», обвиняет Тейяра в приближении к философии диалектического материализма. Тейярдизм беспомощен в борьбе с большевизмом. Если Маркс, — предупреждает Хенгстенберг, — поставил на службу интересам своей партии Гегеля, то насколько легче могут проделать это восточные ученики Маркса с Тейяром де Шарденом.⁵⁶ Поэтому этот томист требует полного отклонения всей системы Тейяра.

Но в томизме и католической церкви существуют сторонники и другого отношения к идеям выдающегося иезуита. Влияние этих идей вносит противоречия в трактовку телеологии в философии католицизма. Эти противоречия проявились, в частности, и на упоминавшемся нами совещании по телеологии. Президент совещания Карнелутти пытался с помощью телеологии оправдать существование социальной несправедливости, нищеты, болезней. Бедность создана богом для того, чтобы богатые могли заниматься благотворительной деятельностью, спасти свои души! В тот день, — восклицал он, — в который исчезли бы болезни и бедность, мир перестал бы существовать. Говоря это, Карнелутти прекрасно выразил традиционный партийный характер, основной социальный смысл телеологических концепций в наши дни. Но он получил неожиданный отпор со стороны самих же неотомистов. Хотя социальная несправедливость и болезни, — утверждали они, — и были сотворены богом с определенной целью, они не являются необходимостью. Против этого зла надо бороться, бороться за создание мира без деления на бедных и богатых. Социальное неравенство надо не принимать, а искать путей его уничтожения.⁵⁷ Заметим, что, как утверждают зарубежные марксисты, известные изменения в идеологической политике Ватикана в направлении отхода от крайнего антикоммунизма представляют собой «эхо тейяровской мысли».⁵⁸

Рядом с телеологией католической философии, энергичной и изобретательной в приспособлении к различным сферам современной мысли, телеология протестантского персонализма выглядит весьма убого, сводясь в основном к довольно плоским аксиологическим, этическим построениям. Наследница телеологии Лейбница и Лотце, она не восприняла не только гениальных прозрений первого, но и простого уважения к науке, свойственного

⁵⁶ H. Hengstenberg. *Evolution und Schöpfung. Eine Antwort auf den Evolutionismus Teilhard de Chardins*. München, 1963, S. 144.

⁵⁷ G. Lami, F. Carnelutti, C. Giacom. *La malattia, il dolore, la povertà. — Gausalità e finalità*, p. 245—247.

⁵⁸ J. Madalène. *Valori della persona e realtà comunitaria. — Il Contemporaneo*, 1965, n. 3, p. 11.

второму. Первичным элементом мира является духовный индивид, этическая и религиозная личность. Реальность — мир личностей во главе с верховной личностью. Телеология персонализма носит, как мы уже сказали, аксиологический характер, — «реальность мыслится в терминах ценности». ⁵⁹

Крушение системы ценностей класса буржуазии, превращение ценностей в больной вопрос отражается в сфере философии в виде гипертрофии этого понятия, приобретения им черт космического отношения («космическая реальность человеческих ценностей»), а также в виде изменения структуры ценностей. На первое место в их системе персонализмом и другими философскими учениями выдвигается уже не благо, не прекрасное или доброе, как это было прежде, а смысл жизни. Вопрос о том, дружелюбен или индифферентен мир ценностям человека, объявляется высшим вопросом философии. ⁶⁰ Но дружелюбным им может быть только мир, в основе которого лежит разумная цель. В противном случае он иррационален, лишен смысла, в силу чего теряет всякий смысл также и деятельность человека. ⁶¹ Потеря исторического оправдания, смысла буржуазным обществом должна компенсироваться телеологией всего мира. Для спасения ценностей во имя утверждения смысла жизни, определяющего уважение к ценностям и веру в них, телеология поддерживается набором подпорок, эклектически собранных персонализмом в различных идеалистических учениях.

К аргументам в пользу телеологии, которые наиболее полно приводятся Брайтменом, относятся: телеологические функции организмов, первичное возникновение приспособленности, факт существования целей в деятельности человека, духовная жизнь человека, взаимодействие духа и тела, в ходе которого цель контролирует органические функции, существование объективных законов, ⁶² эволюция, целостность явлений, понимание низшего в терминах высшего. Даже категорию материи Брайтмен ставит на службу телеологии: «материя, — пишет он, — есть целевое функционирование Высшего Разума» ⁶³

Понятие цели является основной категорией философии персонализма. Как центральную, высшую категорию ее рассматривал еще в своей системе категорий Боун, один из основателей этой философии. При этом надо иметь в виду, что согласно пер-

---

⁵⁹ R. Flewelling. *Creative Personality*. N. Y., 1926, p. 19.

⁶⁰ E. Brightman. *An Introduction to Philosophy*. N. Y., 1951, p. 226.

⁶¹ R. Flewelling. *Creative Personality*, p. 29.

⁶² Этот распространенный в идеалистической философии аргумент в пользу телеологии особенно подчеркивался эстонским персоналистом Э. Теннманом. «Вообще нет закона без цели», — утверждал этот крайне реакционный философ. См. E. Tennman, *Hinge suprematus*. Tartu, 1935, lk. 110.

⁶³ E. Brightman. *An Introduction to Philosophy*, p. 234.

сонализму категории — это объективные структурные принципы самой действительности.

При характеристике понятия цели в персонализме на первый план выдвигается целостность цели. Аналитическое рассмотрение цели невозможно. Она — целое, план, который смотрит в будущее, — «... органическое целое, которое не может быть полностью описано путем какого-либо анализа его элементов». ⁶⁴ «Цель выполняет функцию объединения и организации сложных деталей, принуждая каждую деталь служить конечной задаче. Цель есть реальный факт, который является также принципом тотальности ...» ⁶⁵

Философией, наиболее резко выдвигающей на первое место задачу защиты и обоснования телеологии, является в наши дни французский неофинализм, главный представитель которого — Рюйе. Особенностью, отличающей эту разновидность панпсихизма от многих сходных спиритуалистических направлений, является быстрое реагирование на развитие естественных наук, на возникновение новых научных теорий.

Рюйе признает зависимость своих взглядов от телеологических учений прошлого — Платона, Мальбранша, Лейбница, упрекая их, однако, в том, что они придавали телеологии мистический вид, непосредственно связывали ее с религией. Рюйе против тех направлений телеологии, которые, чтобы не противоречить направлению времени от прошлого к настоящему и будущему, включают цель в качестве идеального звена в естественную причинную цепь явлений. ⁶⁶ Действие цели как будущего на настоящее невозможно. Невозможно также существование цели как одной из множества причин, действие которых происходит в реальном пространстве-времени. Выход из положения Рюйе находит в введении мистического по существу представления о запространственном мире или мире аксиологического пространства. В этом мире существуют формы, идеи, ценности. Эти вневременные факторы оказывают регулирующее воздействие на течение причинных процессов, влияя на соотношение фаз естественного действия причин. ⁶⁷ Непространственная сама по себе форма принимает пространственно-временное существование, определяя структуру пространства-времени. Воплощенная в пространственно-временных структурах, форма играет роль «первичного психизма». Рюйе противопоставляет этот «первичный психизм» гиголоистическим представлениям об ощущении как всеобщем свойстве материи. «Первичный психизм» — не свойство, а бытие само по себе, определяющее координацию элемен-

---

⁶⁴ Там же, стр. 250.

⁶⁵ Там же, стр. 253.

⁶⁶ R. Ruyet. *Néo-finalisme*. Paris, 1952, p. 11.

⁶⁷ R. Ruyet. *Philosophie de la valeur*. Paris, 1952. p. 65.

тов в структурах.⁶⁸ Проявлениями следующих «этажей психизма» являются морфогенетические, затем адаптационные процессы в организме, инстинктивная деятельность, сознательные действия. Отдавая дань модному понятию «слоя», Рюйе выделяет «слои» и в своем трансцендентном мире. Ими являются: связанное с ощущениями сознание, индивидуальная память, ценности и, наконец, Логос или бог. Эти слои, предупреждает Рюйе, нельзя понимать в духе Н. Гартмана как качественные уровни, следующие один за другим, а — как волокна, находящиеся в состоянии тесного взаимопереплетения.⁶⁹ Этот образ был бы весьма уместен в качестве символического выражения самой системы неопифинализма, этой путаницы волокон, выдернутых из различных идеалистических учений. Все это обсыпано телеологическими интерпретациями разнообразных теорий современной науки. К ним относятся и теория относительности, и квантовая механика, и вирусология. Особенно много места уделяется кибернетике и биологии.

Рюйе выступает в этих вопросах как подлинный демократ. Он решительный противник любых монополий. Объектом его сокрушающей кумиры деятельности становится, между прочим, и обычный человеческий мозг. Рюйе восстает против узурпированной этим органом монополии на сознательную целеполагающую деятельность. Сознание и целеполагание он передает во владение всего организма, проявляющего свою скрытую разумность в процессах эволюции, органогенеза, адаптации. В своем уравнительском порыве он провозглашает, что и «амеба столь же сознательна, как и мы». Однако и это Рюйе кажется недостаточным. Он наделяет способностью разумного приспособления также неорганическую среду, несправедливо обиженные до этого молекулы элементов, из которых состоит живое вещество. Рюйе сурово расправляется с оппортунистическими направлениями вроде органицизма, холизма, гештальтизма, проводящими телеологию слишком непоследовательно. Зато он глубоко признателен теориям, которые сделали подлинный вклад в дело утверждения телеологии. Это относится в особенности к учению Ламарка. Все течения ламаркизма в своей сущности телеологичны. Независимо от субъективных намерений тех или иных ламаркистов, сама логика их теории приводит к неизбежности к признанию значения целевого, психического фактора. В связи с этим Рюйе горячо приветствует Т. Д. Лысенко, пришедшего в силу указанной логики к ярко телеологическим утверждениям, несмотря на все свои материалистические декларации.⁷⁰ Особенно ценным проявлением телеологии в ламаркизме является, по мнению Рюйе,

---

⁶⁸ R. Ruyet. *Eléments de psycho-biologie*. Paris, 1946, p. 23.

⁶⁹ R. Ruyet. *Néo-finalisme*, p. 151.

закон наследования приобретенных признаков.⁷¹ Он вполне последователен, когда выступает против Вейсмана и неodarвинистов потому, что они отвергают телеологию.⁷² Против дарвиновского положения о случайном характере наследственной изменчивости, служащей материалом для действия естественного отбора, Рюйе выдвигает аргумент «от маловероятности» происходящих в направлении эволюции изменений. Случайные генетические флуктуации непременно должны, с точки зрения Рюйе, канализоваться сознательным психическим началом, направляющим их в соответствии с определенным планом.⁷³ Органический вид — идеальная реальность, существующая через посредство индивидуальных особей подобно тому, как организм существует посредством органов и клеток. Рюйе открыто признает, что здесь его точка зрения совпадает с учениями реалистов в средневековой схоластике.⁷⁴

Отношение Рюйе к кибернетике двойственно. Он категорически отрицает возможности теории обратной связи в решении проблемы целесообразности и придает огромное философское значение теории информации. Машина, снабженная обратной связью, относится только к явлениям внешней телеологии и не может служить моделью организма с его внутренней телеологией.⁷⁵ Машина не имеет и не может иметь собственной внутренней целесообразности, не может иметь своей цели, так как цель идеальна, нематериальность ее безотносительна. Поэтому между работой кибернетической машины и психо-биологической деятельностью не может быть изоморфизма. Принцип обратной связи не может быть распространен на отношения психики и определяемые ею явления органической целесообразности.⁷⁶ Цели человека относятся к запространственному, аксиологическому миру. Цель всегда — ценность. Поэтому всякая целесооб-

⁷⁰ Там же, стр. 230.

⁷¹ R. Ruyer. *Elements de psycho-biologie*, p. 68.

⁷² Там же, стр. 68.

⁷³ R. Ruyer. *Les postulats du sélectionisme*. — *Revue philosophique de la France et de l'étranger*, 1956, t. 146, n° 3. И. Т. Фролов, отстаивая положение сторонников акад. Т. Д. Лысенко о всеобщем адекватном, приспособительном характере исходных наследственных изменений, пугает дарвинистов, отрицающих это положение, логической неизбежностью панпсихистских выводов в духе Рюйе. — См. И. Т. Фролов. О причинности и целесообразности в живой природе. М., 1961. Тем самым И. Т. Фролов, сам того не замечая, принимает за истину извращенное понимание современного дарвинизма Рюйе. Эти утверждения И. Т. Фролова, частично почти дословно, повторяются в антидарвинистской книге Н. В. Лебедева «Курс лекций по дарвинизму». М., 1962, (стр. 244—245). Их опровержение с позиций современной эволюционной теории дано в статье К. М. Завадского и З. И. Бермана Об одной из форм антидарвинизма. — *Вестник ЛГУ* 1966, № 9, Серия биологии, стр. 15—16.

⁷⁴ R. Ruyer. *Eléments de psycho-biologie*, p. 138.

⁷⁵ R. Ruyer. *Néo-finalisme*, p. 22.

⁷⁶ R. Ruyer. *La Cybernétique et la finalité*. — *Les Etudes philosophiques*, 16 An., 1961, n° 2, p. 166.

разность и телеология аксиологичны, аксиология же — телеологична.⁷⁷ Деятельность человека содержит в себе аксиологическую обратную связь, ее регуляции проходят через запространственный мир. То же имеет место и в деятельности животных. Поэтому, если их можно называть автоматами, то только «аксиологическими автоматами».⁷⁸ Механическая же обратная связь в искусственных устройствах есть выродившаяся аксиологическая обратная связь, поскольку она связана с циркулированием информации. Последняя представляет собой нематериальное начало, проистекающее из запространственных источников.⁷⁹ К этим источникам относится сознание, каждый акт которого содержит творение новой информации.⁸⁰ С позиций своего телеологического идеализма Рюйе рассматривает отношение негэнтропии и информации, селективной и семантической информации, информации и психического. Он разделяет информацию на физическую, психологическую и квази-информацию. Физическая информация это — негэнтропия, структурность вещей или сигналов. В органах чувств она превращается в психологическую информацию — структуру ощущений, переходя далее уже в чисто духовную, бесструктурную, свободную от пространственных ограничений квази-информацию, — значение, смысл, намерение. Квази-информацию открыли, как утверждает Рюйе, в той или иной мере уже давно философы-идеалисты, начиная с Платона, но связывали ее, к сожалению, со своими религиозными воззрениями. Она включает в себя целенаправленность. В целенаправленных действиях человека происходит переход от квази-информации — цели, через психическую структурную информацию к физической информации.⁸¹ Поскольку при этом аморфная квази-информация не обладает количественными характеристиками, она должна содержать возможность неограниченного и произвольного творения материальных структур.

Рюйе порицает отходящего от неофинализма Бунура, который решительно отказывается от панпсихизма. Но именно этот отказ позволяет Бунуру гораздо правильнее оценить также значение кибернетики для решения проблемы целесообразности в органической природе. Кибернетика, по его словам, обратила внимание на роль циклов с обратной связью во всех явлениях этого рода. Исходя из изучения механических устройств, она утвердила связь детерминизма и телеологии,⁸² показала, что телеологический строй действий высших животных «записан в

---

⁷⁷ R. Ruyer. Philosophie de la valeur, p. 65.

⁷⁸ R. Ruyer. La cybernétique et l'origine de l'information. Paris, 1954, p. 98—10.

⁷⁹ Там же, стр. 215.

⁸⁰ Там же, стр. 207.

⁸¹ R. Ruyer. La quasi-information. Revue philosophique de la France et de l'étranger, 1965, n° 3, p. 287—290.

нервных структурах и мозговых механизмах»⁸³ Бунур отказывается от «антропоморфического анимизма» Рюйе и отодвигает разделяемую им идеалистическую телеологию в более отдаленную область проблем возникновения общих органических типов, рассматривать которые он склонен в духе учения Платона.

От неофинализма Рюйе в совершенном восторге последователь неогегельянца Коллингвуда Э. Томлин. Он развивает концепцию «абсолютной телеологии», показывающей, между прочим, определяющее в конечном счете значение социальных и этических проблем для мистико-телеологической натурфилософии.

Всякое отрицание целей в процессах природы есть, согласно Э. Томлину, механицизм. При этом механицизм, утверждает Э. Томлин, нарушая этим древнюю традицию борьбы телеологии с материализмом, отнюдь не обязательно должен быть доктриной случайности. В скрытой приверженности к механицизму он обвиняет деизм, холизм и даже витализм, поскольку они допускают применение физики к исследованию биологических проблем. Биология же — совершенно автономная наука. Изучаемая ею жизнь не есть нечто третье наряду с материей и духом, а сама реальность, понимаемая как сознательное преследование ценностей.⁸⁴ Э. Томлин выдвигает особый вид идеалистической метабиологии, психобиологию, исходящую из основополагающей роли понятия формы как динамической духовной структуры, составляющей целостность. Целеустремленная деятельность организма как целого всегда сознательна или полусознательна. Одухотворяющее организм знание необходимо связано с объективной ценностью, хотя осознанная идея ценности возникает только на уровне человеческого сознания.⁸⁵

Телеологии томизма очень близка телеологическая концепция А. Венцля, всецело направленная на защиту и обоснование догм католической церкви, но пытающаяся при этом, как и неофинализм, опереться на данные современного естествознания. По своему содержанию телеология А. Венцля, в качестве предшественников которой он сам указывает, в частности, на Лотце и Э. Гартмана, отличается от многих сходных с ней современных телеологических концепций, пожалуй, лишь подчеркиванием индетерминистического момента. Объективный мир имеет ступенчатое строение. Каждая ступень обладает своими специфическими законами и своим элементом свободы. На низшей ступени свобода состоит в свойственной бытию многовозможности и вытекающей из нее неопределенности. Венцль показывает логическую близость телеологии и индетерминизма.

---

⁸² L. Bounoure. *Déterminisme et finalité*, Paris, 1957, p. 190.

⁸³ Там же, стр. 192.

⁸⁴ E. Tomlin. *The Philosophy of Life. Dialectica*, Vol. 13, No 50. 1959, p. 154.

⁸⁵ Там же, стр. 155.

Имеется два возможных отношения детерминизма и телеологии. Это, во-первых, отношение детерминизма и универсальной теистической телеологии, в которой мир рассматривается как машина бога. В этой телеологии законы сами не имеют смысла. Конечное состояние, к которому приводит их слепое действие, предвосхищено в божественной цели. Во-вторых, цель рассматривается как постоянно действующая побудительная причина. Это требует признания наличия в действительности недетерминированного поля действия свободы. Только в таком случае цель может выступать в качестве конечного условия, определяющего выбор и достижимого различными путями.⁸⁶ На уровне жизни недетерминированный момент духовного проявляется в целесообразности организмов. Целесообразность здесь — не только регулятивная идея, как у Канта, она имеет также онтологический смысл основной категории бытия живого.

Главные усилия Венцля направлены на развитие телеологии именно в вопросах биологической науки. Он обосновывает ее здесь прежде всего при помощи утверждений о несводимости биологии к физике. Воздействующие на организм раздражители выступают в этом взаимодействии не просто как физические агенты, но и как носители определенного значения, смысла. Отношения же биологического значения физическими законами не охватываются.⁸⁷ Факт существования информационных отношений в органической природе, целостность и целесообразность организмов доказывают, что биологические законы накладываются на физические. Последние представляют возможность для такого наложения, но не могут дать объяснения биологическим явлениям. Если все же когда-нибудь и будет открыта волновая функция органических видов, то это будет не физическая, а энтелехиальная, телеологическая функция. Вводимая Венцлем вслед за Дришем энтелехия и является несводимым к физике силовым и субстанциональным фактором, объясняющим целесообразность. Энтелехия — создающий целостность, формирующий, целестремительный деятель. Она воплощает цели не отдельного индивиду, а вида. Существуют также энтелехии более высоких порядков, которые определяют целесообразное взаимодействие различных видов между собой, и, наконец, энтелехия всего живого — энтелехия энтелехий. Критику антитеологических, антивиталистических теорий Венцль связывает с вопросом сводимости. Прежняя механико-материалистическая точка зрения опровергнута, как он утверждает, уже Дришем. Возник новый антивитализм, стремящийся освободиться от механицизма и признать существование особых биологических законов, отвергая в то же

⁸⁶ A. Wenzl. Freiheit und Wirklichkeit. Bayerische Akademie der Wissenschaften. Phil-hist. Klasse, Sitzungsberichte. 1948, H. I, S. 14.

⁸⁷ A. Wenzl. Metaphysik als Weg von den Grenzen der Wissenschaft an die Grenzen der Religion. Graz, 1956, S. 72—73.

время телеологию.⁸⁸ В качестве таких новых антителеологических направлений Венцль рассматривает теории Берталанфи и диалектического материализма. Если критика им Берталанфи представляет собой определенный интерес, то в критике антителеологизма марксистской философии он обнаруживает полное непонимание материалистической диалектики. Венцль представляет дело таким образом, как будто с точки зрения диалектического материализма закон перехода количества в новое качество дает объяснение возникновению нового, заменяет причинное рассмотрение. Поэтому диалектическое возникновение новых качеств Венцль приравнивает перманентному чуду.⁸⁹ Это искаженное учение диалектического материализма о качественных этапах развития Венцль объявляет аналогичным его собственному учению о четырех ступенях бытия.⁹⁰

От телеологии органической жизни Венцль переходит к рассмотрению ступени психического. Это рассмотрение должно, с его точки зрения, обосновать реальный, онтологический характер свободы человека. Она есть произвол и ответственность, — переживания, носящие субстанциональный характер. Решение, связанное с целенаправленным стремлением, представляет собой двойное переживание: переживание выбора и переживание ответственности. Венцль противопоставляет выбор и ответственность мотивированности, детерминации. Одно исключает другое. Если наше действие определяется мотивами, то понятия долга, совести, вины теряют всякий смысл.⁹¹ Это в свою очередь влечет за собой потерю доверия к духовным ценностям вообще. Вопрос же ценностей, возможностей человека приобретает особенно большое значение в связи с бурным развитием современной техники. Злоупотребление ее достижениями, использование во вред человечеству, против чего Венцль как убежденный гуманист решительно восстает, связывается им с пренебрежением ценностями, к которому приводит распространение материализма. Утвердить ценности человека призвана, по мнению Венцля, его телеологическая натурфилософия. Только признание целенаправленности, смысла бытия и становления может придать смысл жизни человека, основу всех ценностей.⁹² Активная и свободная деятельность духа человека возможна только при условии существования психических основ действительности, ее целестремительной, волевой сущности.⁹³

⁸⁸ A. Wenzl. *Metaphysik der Biologie von heute*. Hamburg, 1951, S. 7.

⁸⁹ A. Wenzl. *Bedeutung und Vieldeutigkeit der Dialektik*. Bayerische Akademie der Wissenschaften, Philos.-hist. Klasse, Sitzungsberichte. 1959, H. 7, S. 6.

⁹⁰ A. Wenzl. *Zur sowjetischen Kritik der kritischen Realismus*, Bayerische Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. Sitzungsberichte, 1962, H. 1, S. 6.

⁹¹ A. Wenzl. *Metaphysik als Weg von den Grenzen der Wissenschaft an die Grenzen der Religion*, S. 112.

⁹² Там же, стр. 14.

⁹³ A. Wenzl. *Freiheit und Wirklichkeit*, S. 11.

Телеология Венцля, переходящая в панпсихизм, служит в настоящее время отправным пунктом для религиозно-телеологических концепций, теряющих всякую, даже внешнюю связь с наукой. К ним относится телеология Б. Шулера, открывшего «нематериальность материи», ее «дофизическую сторону». Это «открытие» связано у него с «открытием» им же мировой души (для «открытия» которой ему было бы достаточно почитать Шеллинга) Она определяет «внутренне-внешнюю направленность материального бытия на его цели». ⁹⁴

Венцль признает, что он соприкасается с холизмом, когда утверждает, что физика представляет собой простейший случай спиритуалистически понимаемого органического.

Холизм и близкие ему концепции организмизма, органологии, эмердженизма и другие исходят из абсолютизируемого ими понятия целостности. ⁹⁵ Как известно, идея независимости и первичности целого по отношению к частям, и вообще утверждение об абсолютной несводимости сложного к простому, всегда служили, начиная с Платона, обычным признаком телеологического мышления. Поэтому, хотя и не все представители указанных направлений специально выдвигают принцип целевой зависимости в природе, а некоторые даже отрицают свою принадлежность к телеологии и идеализму, мы имеем здесь все же дело с разновидностями телеологического понимания действительности.

Согласно холизму, сущностное свойство жизни — целесообразность изначально как воплощение принципа целостности, лежит в основе всего мира.

Смэтс видел в целостности организма особый нематериальный фактор, координирующий деятельность клеток и органов, придающий определенное направление их функциям. Это определяет способность жизни образовывать активно координирован-

---

⁹⁴ B. Schuler. Die Materie als lebende Kraft. München, 1960, S. 138.

⁹⁵ Эти близкие друг другу концепции служат философским выражением существенных изменений в научном мышлении конца XIX—начала XX веков, связанных с выяснением принципиального значения факторов целостности и организации, сделавшим особенно очевидным ограниченность механического подхода в проблеме части и целого. Как указывает выдающийся представитель этих новых течений в области биологической науки Л. Берталанфи, среди разнообразных проявлений «целостного» подхода к явлениям выделяются две общие тенденции. К первой он относит «целостное» рассмотрение конкретных проблем в специальных научных исследованиях, видящее свою задачу в выработке соответствующего направления естественно-научных исследований. Вторую тенденцию составляют попытки создать на основе обнаруженного значения целостности общее мировоззрение. (L. V. Bertalanffy. Das Gefüge des Lebens, Berlin, 1937, S. 9.) Эти попытки носят, как говорит Берталанфи, по существу философский характер и не могут служить в своем полном объеме средством познания в точных науках. В данном разделе нашей работы мы ограничиваемся рассмотрением концепций, которые относятся, если следовать указанной классификации Берталанфи, ко второй тенденции.

ные целостности. Абсолютизируя целостность, структуру. Смэтс не делал определенных телеологических выводов, вытекающих из такой абсолютизации. В этом отношении другие холисты являются более последовательными.

Д. С. Холдейн пояснял, что активно координированная целостность в органической природе, о которой говорит холизм, есть «длящееся приспособление к изменениям окружающей среды».⁹⁶ Оно необъяснимо с точки зрения законов физики и химии. Применение последних в биологии всегда оставляет элемент неопределенности. Единство организма с внешней средой объясняется холизмом путем биологизации всей неорганической материи. Природа рассматривается как единый живой организм. Физическое снимается в биологическом в соответствии с «творческим синтезом Гегеля».⁹⁷ Биологическое же, в свою очередь, оказывается моментом универсального психологического. Физическое, биологическое и психическое — атрибуты, ступени единой духовной действительности, а также последовательные ступени ее познания. В теории относительности и в принципе соотношения неопределенностей Холдейн видел приближение физики к познанию ограниченности физического как момента в биологическом и духовном. Распад же атомов показывает их органическую природу, существование их биологической смерти.

Особенно ярко телеологический аспект холизма проявляется в работах Дессауэра. Уже в физике, говорит он, принципы минимума и инвариантов приводят к идее целенаправленного порядка природы. Более необходимой, ясной и содержательной телеология становится в биологии. В живой системе нормой являются процессы, в высшей степени маловероятные с точки зрения законов физики. Превращение этого маловероятного в общий закон не может быть объяснено существованием особого субстанционального носителя в духе витализма. Холизм показывает тщетность всех поисков в этом направлении. За основу он принимает сам порядок элементов, их системность, в силу которых события в мире являются необходимо целенаправленными, полными смысла. Порядок же природы есть ни что иное, как объективная духовная структура. Телеология в нашем познании соответствует целенаправленному порядку действительности, выражая понимание действительности, тогда как детерминизм дает объяснение последней. Исследователь начинает с телеологического понимания, переходя затем к направляемому этим пониманием индуктивно-причинному объяснению. Сам термин «телеология» неоднозначен. Одно дело — телеология как выражение направляющего порядка, другое — телеология, видящая в природе действие сознательных, преднамеренных целей. Дессауэр стоит на позициях

⁹⁶ J. S. Haldane. Die Philosophie eines Biologen, Jena, 1936, S. 64.

⁹⁷ A. Meyer. Nachruf auf J. S. Haldane, in J. S. Haldane. Die Philosophie eines Biologen.

телеологии в первом значении. В этой связи в применении к натурфилософским проблемам он предпочитает категории «цель-намерение» (das Ziel) категорию «цель-потребность» (der Zweck). Первая категория предполагает некоего «целящегося», намеревающегося, сознающего, в значении же «цели-потребности» цель может быть бессознательной.⁹⁸ В конечном счете обоснование телеологии Дессауэром должно служить, как он сам признает, делу примирения науки и религии.

Итак, мы видим, что телеология холиста Дессауэра мало чем отличается от телеологии томизма и других религиозно-идеалистических направлений, основой которым служит телеологизированное понятие порядка природы. Именно такой характер носят телеологические воззрения имеющих еще в наше время философских последователей Сведенборга. Порядок — условие, фиксирующее устройство всех явлений, благодаря которому каждое из них играет определенную роль, и совпадающее с качественной стороной реальности. Порядок есть бог, утверждал Сведенборг. Каждая более высокая ступень действительности несет в себе все возрастающие интегрирующие потенции, являясь все более отчетливым проявлением порядка, и все завершается, наконец, источником согласованности, соответствия в природе, самым чистым порядком — богом.⁹⁹

Организмизм связывает свои телеологические утверждения как с подчеркиванием целостности организма в духе холизма, качественной несводимости биологического к физико-химическому, так и с абсолютизацией активности организма. Направленная активность организма, обычно бессознательная, представляет собой «несводимую характеристику» жизни, непознаваемую при помощи причинных методов.¹⁰⁰ Общими объективными признаками целенаправленной активности являются следующие: наличие предела — цели, завершающего действие; продолжение действия, пока цель не достигнута; варьирование действий при достижении одной и той же цели; доминирование целенаправленной активности над окружающими условиями. Творческая активность живого составляет содержание творческой деятельности человека. При этом цель человека носит сознательный и внешний характер, цель же биологической активности организма является бессознательной и внутренней.¹⁰¹ В связи с этим телеоло-

---

⁹⁸ F. Dessauer. *Naturwissenschaftliches Erkennen, Beiträge zur Naturphilosophie*. Frankfurt a. M., 1958, S. 299.

⁹⁹ G. de Moubray. *A Critique of Materialism*. — *The New Philosophy*. 1959, No 1, p. 4.

¹⁰⁰ E. Russel. *The Directiveness of Organic Activities*. Cambridge, 1945, p. 4.

¹⁰¹ Там же, стр. 170.

гия организма предлагает вместо антропоморфного перенесения категорий человеческой деятельности на биологические процессы рассматривать целевую деятельность человека как специализированное развитие фундаментальной целенаправленности живого.¹⁰² Основанием для подобного рассмотрения является то, что и сознание и жизнь — свойства одной и той же органической субстанции, составляющей сущность всей действительности.

Свое возвращение к телеологии организмысты обычно представляют как якобы не имеющее общего с витализмом, энтелехией Дриша или «жизненным порывом» Бергсона.¹⁰³ Определение ими телеологии в качестве выражения несводимости биологического к физико-химическому особенно характерно. «... биология — автономная наука со своими собственными законами,

эти законы никогда не могут быть сведены к физико-химическим законам, даже если химик и физик и могут много помочь в исследовании биологических фактов. Следовательно, живое вещество и жизненная активность, поскольку их главной характеристикой служит организация, могут быть объяснены только телеологически».¹⁰⁴ В случае, если физико-химические законы все же включают в себя когда-нибудь и принципы организации, они смогут послужить объяснением биологических явлений. Однако физико-химическое объяснение жизни будет тогда не сведением целесообразности к причинности, а, наоборот, превращением самих причинных законов физики в телеологические законы организма.¹⁰⁵

В стремлении модернизировать телеологию некоторые организмысты предлагают вместо термина «цель» в его значении «конечной причины» употреблять термин «проект» или «план конструкции» (design) в значении модели систематического упорядочения элементов. Искомый элемент является целью постольку, поскольку он соответствует этой модели. Высказывание о том, что то или иное действие планомерно, представляет собой поэтому телеологическое высказывание.¹⁰⁶

Открыто панпсихистский характер организмизм приобретает в философии Э. Синнота. В своих телеологических построениях он, как и многие другие современные телеологи, опирается на факт саморегуляции организма, на закономерности морфогенеза и регенерации. В подчеркивании роли саморегуляции Синнотом чувствуется влияние успехов кибернетики, которую он пытается согласовать с телеологическим мировоззрением. Сам факт регуляции, говорит Синнот, предполагает существование определен-

---

¹⁰² Там же, стр. 176.

¹⁰³ E. Harris. Teleology and Teleological Explanation — The Journal of Philosophy. Vol. LVI, No 1, 1959, p. 13.

¹⁰⁴ Там же, стр. 13.

¹⁰⁵ Там же, стр. 13.

¹⁰⁶ Там же, стр. 10—11.

ной нормы или цели, на поддержание которой это регулирование направлено. Присущая, таким образом, идее саморегуляции, телеология не содержит того, что в идеалистической философии называлось «конечными причинами», мистического воздействия будущего на настоящее, противоречащего закону причинности. Телеологические отношения этого рода присутствуют во всяком автоматическом механизме, живом или неживом. Но при этом, цель машины находится вначале в сознании ее конструктора, а не возникает сама собой, как это имеет место в живом автомате.¹⁰⁷ Жизнь — это регулирование. Происхождения регуляции не может объяснить и естественный отбор. Он объясняет только ее совершенствование. Регуляция есть некий первичный, нематериальный фактор, заложенный в самой протоплазме и тождественный с переживаемой нами целью. Эта внутренняя саморегуляция протоплазмы проявляется особенно ярко в процессах регенерации. Каждая частица способна, по крайней мере потенциально, восстанавливать целое. Но это означает, делает вывод Синнот, что целое имманентно всем своим частям. Каждая крупинка живого несет в себе образ целого как цели, которая определяет развитие.¹⁰⁸

Вслед за Бергсоном и Венцлем Синнот рассматривает нервную систему в качестве простого условия, которое канализирует в определенном направлении и интенсифицирует рудиментарную активность, рассеянную во всей массе органической субстанции. Основной и простейшей формой этой активности является цель. Цель в протоплазме — это не особого рода сила или энергия, а только установленный путь, по которому будет протекать энергия. «Философы называют это «телосом», имманентным всей живой массе».¹⁰⁹ Протоплазматическая целенаправленность проявляется в целях развития и целях поведения. Цель развития фиксируется в статичной материальной форме. Цель же поведения изменчива. Это обычно скрывает внутреннее единство обеих. Первоначально цель поведения выражается в непосредственном действии. Позднее, с возникновением и развитием человека, действие стало отставать, откладываться. Возникло мышление. Мысль, таким образом, в своей основе — телеологический процесс. Идеи по своему содержанию суть цели. Синнот ссылается на утверждение Смэтса о том, что разум человека есть прямое продолжение органической регуляции, которая характеризует холизм в организмах.

Основа целенаправленности органического скрывается в самом фундаменте неорганического мира. Все объекты действительности обладают каким-то моментом психического. Последним является принцип организации, проявляющийся в кристал-

¹⁰⁷ E. Sinnott, *Matter, Mind, and Man*. N. Y., 1957, p. 53—55.

¹⁰⁸ E. Sinnott, *The Biology of the Spirit*. London, 1956, p. 36.

¹⁰⁹ E. Sinnott, *Matter, Mind, and Man*, p. 42.

лах, подымающий жизнь из хаоса и личность — из безличного вещества. Этот принцип Синнот отождествляет с богом.¹¹⁰ Поскольку понятие организма выше и конкретнее понятия материи и энергии, то наука должна стремиться объяснить мир в телеологических категориях биологии.

В целях человека проявляется имманентный смысл, тенденция жизни. Она совпадает с тем, что мы желаем. При постановке цели нет и не может быть принуждения, поскольку она заложена в самой протоплазме. Свобода — не в выборе цели, а в нашем согласии с нею и в ее успешной реализации. Наш разум руководится лежащими в основе его бессознательными целями, направляющими ход мыслей, подобно тому, как магнитное поле направляет стрелку компаса.¹¹¹ Цели образуют основу человеческих ценностей. Это цели, которые связаны с эмоциональными побуждениями, носящими социальный характер.

Организмические идеи принимают совсем уж фантастический вид в органологической философии Фейерабенда. Всякая закономерность вообще, с точки зрения этой философии, может быть понята только как биологическая. Поэтому в качестве органического рассматривается даже планетная система с закономерной регулярностью осуществляющихся в ней обращений. Земля и весь космос представляют собой органическое тело. Неорганическое есть выродившееся органическое, низшее происходит из высшего. Не человек произошел от обезьяны, а обезьяна от человека.¹¹²

Фейерабэнд различает материальную и формативную причины. Образно он представляет первую как действующую в горизонтальной плоскости между частями, а формативную — как направленную вертикально и управляющую первой. На основе понятия формативной причинности Фейерабэнд надеется разработать научное понимание конечной причины, причинно действующей цели. Вертикальные воздействия формативной причины совсем не обязательно должны быть связаны с намерением, сознанием. Они определяются силовым полем особого рода, в котором зафиксирован план в форме дифференцированного единства. Таким путем Фейерабэнд рассчитывает объединить идею конечных причин с понятием материальной причинности, придать первой рациональный, естественный характер.¹¹³ Будучи мистифицированным выражением информационных связей, формативная причина органической философии представляет собой исключительной анахронизм, возрождение «прапти» саутрантиков или формальной причины Аристотеля в век кибернетики и марксизма.

¹¹⁰ E. Sinnott. *The Biology of the Spirit*, p. 122.

¹¹¹ E. Sinnott. *Matter, Mind, and Man*, p. 140.

¹¹² O. Feyerabend. *Das organologische Weltbild*. Tübingen, 1956, S. 215.

¹¹³ Там же, стр. 22.

В отличие от некоторых других организмических теорий, органология подчеркивает материальность структур и составляющих их связей. Нематериальным фактором является лишь формативная причина, вызывающая перестройку тех или иных структур.

Материальной считает структуру органического и швейцарский зоолог-виталист А. Портман. Он ищет объяснения органическим процессом в некоем «внутреннем» или переживании. Под впечатлением достижений кибернетики Портман готов признать естественную природу и моделируемость значительной части явлений ориентации и регуляции в биологии. Однако именно кибернетика особенно подчеркивает якобы справедливость идеалистической теории Портмана, оставляя за пределами своего материалистического объяснения таинственное «я», переживание, которое принципиально не может быть воспроизведено в технических устройствах.¹¹⁴

Те же мистические элементы, которые свойственны органо-логическому учению Фейерабенда, развиваются в современной теософско-телеологической концепции Беннета, последователя русских мистиков Гурдиева и Успенского. Вселенная Беннета имеет целых шесть измерений. Два из них трансцендентны, недоступны для человеческого мышления и опыта, ограниченных пространством и временем. В трансцендентных измерениях пребывают возможности и вечные, неизменные ценности, служение которым является целью существования человека. Органические виды — живые сверхсущества. словно рисуя карикатуру на телеологические концепции в биологии, представляющие виды в качестве целенаправленно действующих сверхорганизмов, Беннет утверждает, что, например, собака и лошадь суть сознательные атомы колоссальных существ: «большой собаки» и «большой лошади», человек же — атом «большого человека».¹¹⁵ Органические виды как большие организмы являются в свою очередь частицами одушевленных существ еще более высокого порядка. Указывая на то, что отношение числа клеток головного мозга человека к числу клеток его тела того же порядка, что и отношение числа людей на земном шаре к числу населяющих его отдельных организмов, Беннет заявляет, что человек есть нейрон биосферы, — высшего сверхорганизма, обладающего особым сознанием. Биосфера же — переходная стадия к сверхживой природе, ступенями которой являются планеты, солнечная система, галактики и, наконец, мир как целое. Возрастающим уровням космической иерархии соответствуют возрастающие потенции сверхсознания. Все небесные тела стремятся выполнить свое назначение в соответствии с целями, установленными для них планом великого целого. Цель

¹¹⁴ A. Portmann. *Neue Wege der Biologie*. München, 1960, S. 64.

¹¹⁵ J. Bennett. *The Dramatical Universe*, vol. I, London, 1956, p. 408.

органической жизни вообще — осуществлять связь между миром материальных процессов и миром космических целей.¹¹⁶ Все это завершается теософскими рассуждениями о боге, Иисусе Христе и пр.

Космическая телеология Беннета высмеивается и в самой буржуазной печати как «предупреждение всем математикам и физикам» против спиритуалистических спекуляций.¹¹⁷

Отдадим все же должное силе фантазии Беннета. Его телеология обладает по меньшей мере увлекательностью мифов первобытных племен. Подобное сильное воображение даже в области мистических построений встречается не столь уж часто в идеалистической философии современной буржуазии. Здесь и сейчас еще можно встретить пошлейшие рассуждения о всеобщей внешней полезности вещей в духе Хр. Вольфа. Как будто не было ни Вольтера, ни Гейне. Объективный идеалист Вудбридж, например, утверждает, что все в природе контролируется в целях всеобщей пользы. Долина с окружающими ее горами, река с ее течением проявляют, как и живые существа, приспособленность средств к целям. Заботливый бог образует вершину всего этого целесообразного, состоящего из взаимополезных вещей бытия.¹¹⁸

Понятие организма занимает место понятия мировой материи и в философии Уайтхеда. Организм — телеологическое единство как живое существо и как опыт, обладающий определенной целенаправленностью. Весь мировой организм есть опыт как с объективной, так и с субъективной структурой. Телеология Уайтхеда соединяет в себе элементы телеологии организмизма, переносимой на всю действительность отношения органической целесообразности, субъективно-идеалистической телеологии, близкой телеологии эмпириокритицизма, а также аксиологической телеологии, переносимой на сущности вещей и на логические процессы этические характеристики. «Цель» — важнейшая определенность организма, выражающая исключение из множества возможностей всех, кроме одной данной, и образующая путь объединения элементов в единую систему. Цель, будучи «чистым идеалом», выступает в качестве направляющего фактора творческого процесса. Разумность творческого процесса мирового целого предполагает ограничение или отбор. Принцип отбора нацелен на благо. Принцип космического отбора и одновременно высшее воплощение цели есть бог.

Отдельные вещи суть «капли опыта». Связь между ними в процессе изменения предполагает связь и взаимопроникновение прошлого, настоящего и будущего. Будущее включается в цели настоящего. Оно имманентно ему.¹¹⁹ Диалектика зарождения

¹¹⁶ J. Bennett. The Dramatical Universe. Vol. II, p. 16.

¹¹⁷ S. Raimes. Nature, 2077, 1957, No 33.

¹¹⁸ F. Woodbridge. Nature and Mind. N. Y., 1937, p. 113.

¹¹⁹ A. Whitehead, Adventures of Ideas. Cambridge, 1942, p. 246—247.

нового в недрах старого, будущего — в предшествующих ему явлениях, отражения причины в ее следствии также принимает мистический, телеологический вид. Связь сущностей осуществляется через связь объективного и субъективного. Она представляет собой «схватывание». «Схватывание» производит регуляцию, выбор в соответствии со своей целью, определяет целенаправленность процесса.

Последователь Уайтхеда Уиттекер рассматривает мир как фрагмент плана вечности. Выражением разумного плана в природе являются ее объективные законы. Существованием их природа извещает о высших, духовных реальностях. Материальная природа и существует с целью помочь нам перебросить мост к божественному.¹²⁰

Другой ученик Уайтхеда Ч. Хатшорн истолковывает уайтхедовский мир неподвижных объектов в духе мира «личностей» персонализма. Выяснение современной наукой большого значения статистических законов истолковывается им в том смысле, что обладающие свободой воли материальные частицы движутся в границах, которые образует причинность. Причинность является таким образом формой, в которой проявляется масса свободных актов. Она — осуществленная свобода, ее кристаллизация.¹²¹ Следовательно, причинность есть только отпечаток действия целей. Высшее понимание действительности может предоставить только общая психология, абсорбирующая в себе все естественные науки.¹²²

Телеологическая тенденция, содержащаяся в одностороннем качественном подходе к развитию, особенно ясно проявляется во взглядах некоторых сторонников эмерджентной эволюции. Вопрос отношения причины, следствия и цели рассматривается с позиций принципа уровней. Каждое следствие, порожденное причиной более низкого уровня, продолжает осуществляться в качестве части системы причинных связей более высокого уровня. Являющееся спонтанным различием в понятиях одного уровня причинности может выступать как тождественное, если его выражать в понятиях другого уровня. Причинные связи необходимо рассматривать в плоскости различных уровней, поскольку обусловленность одного какого-то уровня никогда не бывает полной. Эта неполнота компенсируется причинами на других уровнях. Таким образом каждое следствие оказывается связанным с многими тенденциями.¹²³ Каждое эмерджентное целое имеет свое

---

¹²⁰ E. Whittaker. *Eddington's Principle in the Philosophy of Science*. Cambridge, 1951, p. 35.

¹²¹ Ch. Hartshorne. *Mind, Matter, and Freedom*. — *Scientific Monthly*, Vol. LXXVIII, No. 5. 1954, p. 320.

¹²² Там же, стр. 317.

¹²³ A. Bahm. *Emergence of Purpose*. — *The Journal of Philosophy*. Vol. XLIV, No 23. 1947, p. 634.

особенное качество, особые законы и особое время. Своим особым временем обладает и каждая из множества причин, вызывающих то или иное явление. Причинная детерминация оказывается погруженной в множество «настоящих», «прошедших» и «будущих» времен. Отдельный причинный процесс порождения некоторого явления имеет всегда много будущих и прошедших. То, что в одном отношении является настоящим, в другом может быть будущим. Поскольку явление низшего уровня обусловлено более высоким уровнем, то часть последнего, являющаяся настоящим по отношению к нему, играет роль будущего по отношению к первому явлению низшего уровня, в связи с чем действие единиц более высокого уровня выступает в качестве будущего как причины настоящего на более низком уровне. Но если явление обусловлено отношением к единице более высокого порядка, содержащей в себе момент будущего, то это значит, что это явление подчинено цели. В этом смысле каждое явление обладает определяющими его целями. Причинность и телеология взаимно включают друг друга.¹²⁴

Итак, телеология обосновывается здесь путем развития идеи первичности целого по отношению к включенным в него элементам, абсолютизации качественного различия уровней организации и связанной с этим релятивизации времени.

Со спекуляциями на своеобразии психологического времени, смещении его с объективным временем связаны телеологические воззрения американского психиатра и музыковеда А. Моулина, посвятившего проблеме категории цели специальные работы.

Эти воззрения могут служить примером дуалистического подхода к рассматриваемому нами вопросу. В них механический материализм получает своеобразное дополнение в виде идеалистической телеологии с аксиологической окраской, определяемой самим Моулином как «телеологический холизм». Соответственно этому дуализму имеются, как полагает Моулин, две биологии: в узком и широком смысле. Первая исходит из объективности внешнего мира. Ее основные понятия — понятия структуры и функции. Метод ее также строго объективен. Она строится исключительно на принципе причинности, категорически исключая понятие цели, как создающее брешь в научной картине мира.¹²⁵ Причинные отношения всегда совершенно равны друг другу по своей роли в объективном процессе. В сфере причинных отношений не существует подчинения более существенному менее существенного, иерархии.¹²⁶ В силу этого причинные связи могут образовывать некоторые единства, но никогда не в состоянии созда-

---

¹²⁴ Там же, стр. 636.

¹²⁵ A. Moully. Structure, Function, and Purpose. N. Y., 1957, p. 11.

¹²⁶ Там же, стр. 181.

вать целое, с его структурой соподчиненных связей.¹²⁷ Чисто механическим, причинными, в понимании Моулина, являются и отношения стимула и реакции организма. По сути своей они тождественны приливу океана под воздействием притяжения луны. Строго причинный, механический характер носит и вся работа нервных механизмов, в том числе мозга. В головном мозгу нет и не может быть каких-либо аппаратов целеполагания. Причинная природа деятельности мозга осуществляется в объективном времени и поэтому всегда в одном направлении, что исключает какую-либо цель и целесообразность. Не может быть объективной целесообразности без отношения к сознанию человека. Никакой целесообразностью сама по себе, вне этого отношения, не обладает и техника. Если бы человечество перестало существовать, то оставшаяся после этого техника была бы таким же причинно обусловленным явлением, как и остальные явления природы, ничем среди них не выделяясь.¹²⁸ Лишена способности иметь цели как образы будущего и психика животных. Они не могут руководствоваться будущим в своем поведении. Цель у них одновременна действию, заключена в непосредственно переживаемом настоящем. Видимая целеустремленность действий высших животных объясняется тем, что у них расширяются границы их настоящего.

Действительное целевое отношение, цель находятся вне объективного времени. Сфера цели — субъективное время, «длительность», согласно учению Бергсона, разделяемому в этом вопросе Моулином. Субъективное время познается только путем интуитивной интроспекции. В нем, в противоположность объективному времени, существует взаимопроникновение в настоящем элементов прошлого и будущего. Поэтому здесь осуществляются целенаправленные действия, которые не могут быть приурочены к объективному времени и пространству. Сама сущность субъективного времени телеологична. Она представляет собой своего рода разность потенциалов, напряжение между прошлым и будущим, разрядом которого является целевой акт человека. Субъективное время — мир целей и ценностей. Только ценность позволяет осуществить градацию причин по их значению, а следовательно, — создать целостность. Телеологическое отношение познается только интроспективно и не подлежит количественному анализу, как причинная связь. Интроспекция и является методом биологии в широком смысле, основными категориями которой служат цель и субъективное время и которая включает в себя психологию и социологию. Деятельность в субъективном времени, цель не может быть приурочена к какой-либо структуре. Между деятельностью высшей нервной системы и целевыми

---

¹²⁷ A. Mouly n. Structure, Function, and Purpose, p. 180.

¹²⁸ Там же, стр. 27.

психическими процессами нет причинной зависимости. Это два совершенно различных мира.

Эта дуалистическая точка зрения Моулина определяет и его понимание возможностей кибернетики. Кибернетические модели деятельности животных, соглашается он, имеют большое значение для физиологии, для изучения механических регуляций при помощи обратной связи, которые осуществляет нервная система. Но кибернетические машины сами по себе не обладают никакой целеустремленностью, как не обладает ею и сама нервная система. Кибернетические машины могут быть телеологическими явлениями лишь постольку, поскольку в них воплощается целеустремленность человека. Они — гибрид инертной природы и человеческой деятельности. Отличие работы кибернетического устройства от деятельности человека заключается в отсутствии цели как внутреннего субъективного, нематериального фактора.¹²⁹

Рассуждения Моулина представляются нам весьма поучительными. Механистическое понимание причинности и связанное с ним полное исключение цели и целесообразности из сферы материального означают дуализм, отнесение целенаправленности к области независимого от материальных структур духовного.

Проблема целевой причинности в неопозитивистской философии

Несмотря на нигилистическое отношение современного позитивизма к исторически сложившейся философской проблематике, философы, связанные с этим направлением, все чаще обращаются сейчас к классической философской проблеме телеологии.

Высказываемые ими по этому вопросу точки зрения неоднородны и противоречивы. Общая исходная субъективно-идеалистическая позиция неопозитивистов приводит их к отрицанию объективного существования причинности. Наши же психические процессы, опыт, которыми в той или иной форме подменяется ими материальный мир, целенаправленны. Тенденция к объективизации субъективного опыта ведет одновременно с отрицанием объективного характера причинности к телеологии, как это можно видеть и на примере эмпириокритицизма. Сведение детерминизма и телеологии в научных теориях к языку, не имеющему отношения к объективной действительности, делает их в принципе равноправными. В то же время спекуляция неопозитивизма на развитии наук, особенно физико-математических, необходимость учитывать логику последних, требуют от неопозитивистов решительного предпочтения причинности, отбрасывания идеалистической телеологии. Вытекающая отсюда антителеологическая тенденция отвечает также тому, что неопозитивизм складывался

¹²⁹ A. Moul yn. Purposeful and Non-Purposeful Behavior. — Philosophy of Science. Vol. 18, No 2. 1951, p. 154.

отчасти как реакция на спекулятивные, телеологические теории бергсонизма, неосхоластики и других объективно-идеалистических направлений.

Внимательное отношение к данным современной науки дает неопозитивистам возможность поднимать иногда новые проблемы, связанные и с общим интересующим нас вопросом.

Широкое применение формализации понятий, строгость в применении терминов приводят отнюдь не только к тому, что неопозитивистская философия начинает превращаться в своего рода формализованную схоластику, но и к определенным ценным результатам при разработке и уточнении философских понятий. Это относится и к рассматриваемым нами категориям.

Мы не будем здесь специально рассматривать понимания неопозитивизмом причинности, хотя оно и имеет близкое отношение к занимающему нас вопросу. Как известно, закон причинности в науке сводится современным неопозитивизмом к группе формально-логических правил, позволяющих осуществлять приблизительные предсказания будущего опыта. Задача философии в этом вопросе, с точки зрения неопозитивистов, состоит в том, чтобы, по словам советского исследователя этой философии, «находить логически адекватные способы символического выражения распространенных в науке (а также и в различных видах традиционной философии) понятий причинно-следственной связи, совершенно не касаясь проблемы адекватности этих понятий по отношению к объективно существующим связям и зависимостям внешнего мира».¹³⁰ Любой выход за пределы этого значения, приписывание причинности чего-то большего означает, с точки зрения неопозитивистов, остаток анимистических представлений. Происхождение категории причинности, связанной с убеждением в объективной необходимости причинной обусловленности явлений, объявляется в соответствии с традициями позитивизма результатом самонаблюдения и веры в существование духов.¹³¹ Некоторые неопозитивисты доходят даже до объявления категории причины формой панпсихизма, предполагающей в вещах существование скрытого агента, «автора», аналогичного сознанию.¹³² Если же «причинная наука мистична», детерминизм анимистичен»,¹³³ то отпадает всякое основание для противопоставления и предпочтения детерминизма телеологии.¹³⁴

¹³⁰ И. С. Нарский. Современный позитивизм. М., 1961, стр. 131.

¹³¹ A. J. Ayer. The Foundations of Empirical Knowledge. London, p. 186—188.

¹³² M. Rieser. Causation, action, and creation. — The Journal of Philosophy. Vol. XXXVII, No 18. 1940, p. 492.

¹³³ Там же, стр. 498.

¹³⁴ Тем самым неопозитивизм непосредственно соприкасается с открыто телеологическими концепциями религиозной философии. В частности, на уже упоминавшемся нами совещании неотомистов по вопросам телеологии профессор Падуанского университета, телеолог М. Джентиле использовал эти

К этому же выводу неопозитивизм подходит также в итоге понимания им как причинности, так и телеологии как только определенного языка, не имеющего никакого отношения к объективной реальности. Вся проблема сводится лишь к употреблению или замене одних или других словесных обозначений.¹³⁵ Допустим, — рассуждает один из современных позитивистов, я в течение нескольких месяцев перед тем, как открыть получаемые мною письма, произношу «Щелк!» и каждый раз после этого не нахожу в письме предъявляемого мне иска. В таком случае будет вполне разумно, с точки зрения этого позитивиста, произносить это словцо всегда перед распечатыванием конвертов для того, чтобы эти конверты не содержали в себе искон. Это будет, как он полагает, суеверием не в большей мере, чем вера в причинные законы.¹³⁶ На это другой позитивист заметил весьма резонно, что стараться с помощью слова «Щелк!» изменить ранее имеющееся содержание равносильно попытке принудить курицу снести яйцо тем, что съесть яичницу из этих ее яиц.¹³ Однако рассуждения «открывателя писем», столь напуганного возможным получением иска, полностью отвечают логике доктрины неопозитивизма. Наиболее сильное возражение, которое смог сделать с позиций неопозитивизма критик этих рассуждений (М. Блэк), сводится к утверждению, что описание предшествующего явления в качестве следствия последующего, т. е. телеологическое описание, нарушает установленное нами использование слов «причина» и «следствие».¹³⁸

Указанное противоречие выступает особенно резко в работах Рейхенбаха. Этот крупный представитель современной буржуазной философии категорически отвергает телеологию.

Интересна критика им идеалистических теорий Дриша, связанная с диалектическим применением им в данном частном вопросе категории причины. Развитие яйца морского ежа ни в коем случае не направляется целью, как это думал Дриш. Оно детерминировано исключительно причинными факторами, «хотя эта

неопозитивистские идеи для обоснования указанных концепций. Как телеология, так и антитеология, отстаивающая принцип причинности, представляют собой антропоморфизм. Только первая рассматривает вещи в форме деятельности человека во всей ее сложности и открывает поэтому возможности для неограниченного развития познания, вторая же переносит на всю природу структуру простейших, механических действий человека, ставя препятствия для более глубокого познания. Обе — «два различных и противоположных способа рассмотрения действительности, но являющихся в равной мере финалистическими». М. Gentile. *Il finalismo come atteggiamento della coscienza e della mente*. — *Cuasalità e finalità*, p. 198.

¹³⁵ J. Canfield. *Teleological Explanation in Biology*. — *The British Journal for the Philosophy of Science*. 1964, p. 285.

¹³⁶ M. Black. *Why cannot an effect precede its cause?* — *Analysis*. Vol. 16, No 3. 1956, p. 57.

¹³⁷ Там же, стр. 58.

¹³⁸ Там же, стр. 56.

детерминация более сложна, чем полагали детерминисты». Будущее состояние отдельных клеток яйца детерминируется не только настоящим состоянием самих этих клеток, но также положением их в яйце как целом, их отношением к их биологической среде. Причинная обусловленность включает здесь в себя, таким образом, отношение каждой отдельной части к структуре яйца в целом.¹³⁹

Вселенной управляет не целенаправленность, а причинность. Это, согласно Рейхенбаху, является важнейшим физическим законом. Указывая на связь закона причинности, ее необратимости с направлением времени, Рейхенбах отмечает, что второй закон термодинамики исключает телеологизм из природы. Телеологизм означал бы развитие от более вероятных состояний систем к состояниям менее вероятным в противоположность реальному возрастанию энтропии.¹⁴⁰ Но если согласиться считать, что время течет в обратном направлении, то телеология окажется совместимой с этим законом физики.

Оказывается, что борьба, которую Рейхенбах вел против телеологии, не была принципиальной. Причинность лучше телеологизма только тем, что она отвечает направлению переживания времени в нашей психике, психологическому времени. Язык детерминизма и язык телеологии не истинны и не ложны. Вопрос об истинности одного из них бессмыслен.¹⁴¹

Если телеология, как и детерминизм, есть лишь способ описания последовательности данных нашего опыта, то как быть с нашей сознательной деятельностью, в отношении которой субъективный опыт показывает совершенно отчетливо, что именно цель вызывает определенные действия? В этом вопросе целенаправленной деятельности человека позитивизм сталкивается с принципиальными трудностями. Ведь приступать к решению вопроса о соотношении телеологизма сознательной деятельности и причинной связи объективных процессов можно только при условии выделения познавательно-практической деятельности человека из всей массы материальных процессов действительности, относительного противопоставления ее этим процессам. Но именно это противопоставление и считается позитивизмом ненаучным, бессмысленным. Позитивизм относит телеологию к ненаучным способам выражения, а опыт, к которому он апеллирует, казалось бы подтверждает телеологию в сфере наших сознательных действий. Позитивизм, не желающий заниматься «бессмысленными» метафизическими вопросами, рискует здесь погрязнуть в худшей телеологической метафизике.

---

¹³⁹ Н. Reichenbach. *Modern Philosophy of Science*. London, 1959, p. 87.

¹⁴⁰ Г. Рейхенбах. *Направление времени*. М., 1962, стр. 210—211.

¹⁴¹ Там же, стр. 209.

Затруднения, в которые попадает неопозитивизм, находят свое отражение и в предлагаемых им определениях цели.

Позитивист М. Бродбек, пытаясь дать объективное определение цели, говорит, что цель — не то, что «наблюдаемо в настоящее время, а способ говорить о чем-то, возникновения чего мы ожидаем, при завершении действия. Цель — термин, стоящий в одном ряду с такими терминами, как, например, «высокий», но он сложнее, чем последний, хотя и в равной мере физический». ¹⁴² Бродбек требует такого расширения понятия «физический», чтобы оно включило в себя не только термины физики и химии, соответствующие движению в пространстве, но и термины, обозначающие различные моменты разумного поведения, в том числе и термин «цель». ¹⁴³

Другой представитель неопозитивизма Г. Бергман утверждает, что цели человека ничем не отличаются от остальных явлений опыта: «человеческие цели суть факты среди фактов, причины среди причин, действия среди действий». ¹⁴⁴ Поэтому телеологическое высказывание о цели человека можно заменить причинным. Например, высказывание: «Х имеет цель жениться» можно записать как высказывание «тело Х находится в таком-то и таком-то состоянии». ¹⁴⁵ Бергман предлагает употреблять термин «цель» только в значении «сознательной цели человека». Все остальные случаи применения этого термина носят метафорический характер или должны быть специально определены. К такого рода производным от собственного значения «цели» относятся: «подсознательная цель» в психоанализе, «цель социальной группы» в социологии, «целевое поведение» в изучении поведения животных. ¹⁴⁶

Э. Ньюбери связывает цель, целенаправленность с критерием отбора среди бесчисленных возможных изменений, определяющим порядок событий. ¹⁴⁷ Он видит в описании цели сознательных действий человека, которые, даже будучи причинно-объективными, не могут быть выражены без целевых терминов, связующее звено между телеологическими и детерминистическими системами. ¹⁴⁸

Семантик-операционалист А. Рапопорт определяет цель человеческого действия как модель предстоящего действия и его результата: «вид духовного воспроизведения действия или его

---

¹⁴² M. Brodbeck. *Meaning and Action — Philosophy of Science*. Vol. 30, No 4, 1963, p. 319.

¹⁴³ Там же, стр. 321.

¹⁴⁴ G. Bergmann. *Purpose, Function, Scientific Explanation*. — *Acta Sociologica*. Vol. V. Fasc. 4. 1962, p. 226.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же, стр. 233.

¹⁴⁷ E. Newbury. *Teleology and Determinism in Motivational Concepts*. — *The Journal of General Psychology*. Vol. 72, Half. I. 1965, p. 88.

¹⁴⁸ Там же, стр. 92.

результата». С этим предвосхищением результата связаны нервные явления, предшествующие действию. Мы мыслим об этом результате как существующем в будущем и нам кажется, что «будущее» — «цель» является причиной наших действий. Но для того, кто мог бы наблюдать наш нервный процесс извне, этот процесс предшествовал бы действию, и причина и следствие выступали бы в их естественном порядке следования.¹⁴⁹

Неопозитивисты игнорируют обычно общественную природу познавательной деятельности человека. Однако при определении цели они иногда вынуждены признать ее социальный характер. Так, Бродбек сталкивается с этим характером цели при рассмотрении вопроса о том, всегда ли цель действия личности является ее собственной целью. Он констатирует, что некоторые наши целенаправленные действия определяются установленными в обществе нормами поведения, стандартами.¹⁵⁰

Естественно было бы ожидать, что неопозитивизм свое главное внимание при рассмотрении вопроса цели и целесообразности обратит на то применение телеологических понятий, которое в свое время описал Кант в качестве регулятивного, эвристического принципа. Действительно, наиболее интересные работы неопозитивистов и близких к ним философов, посвященные проблеме телеологии, относятся к именно этой функции интересующей нас категории. В них осуществляется логический анализ телеологических высказываний и делается попытка установить условия их применимости в науке. Из этих работ мы остановимся здесь на исследованиях Брейтуэйта, Нагеля, Штегмюллера и Лагершпетца, представляющих нам весьма важными.

Брейтуэйт отнюдь не намерен защищать телеологию в ее значении определенной идеалистической доктрины. Более того, он в свое время резко критиковал религиозно-телеологическую концепцию Уайтхеда, считая, что вопрос бытия бога, так занимавший последнего, является детски-бессмысленным, а телеологически-аксиологические высказывания о процессах природы представляют собой с логической точки зрения тавтологию.¹⁵¹ Как и для всех неопозитивистов, для Брейтуэйта основным пороком телеологии как идеалистической концепции является не введение ею духовного фактора в причинную связь явлений природы, а нарушение временной последовательности событий, данных нам в опыте. Он рассматривает вопрос сведения телеологических объяснений к причинным, исключаяющим ссылки на будущее.

Брейтуэйт констатирует тот факт, что в биологической науке указанный вопрос состоит в причинном объяснении чего-то, что

---

¹⁴⁹ A. Rapoport. *Operational Philosophy*. N. Y., 1954, p. 70.

¹⁵⁰ M. Brodbeck. *Meaning and Action*, p. 320.

¹⁵¹ R. B. Braithwaite. Review A. Whitehead. *Science and the Modern World*. — *Mind*. Vol. XXXV, No 140. 1926, p. 498—499.

существует во всех организмах с целенаправленным поведением и не может быть проанализировано в чисто физико-химических понятиях. Он хочет устранить затруднения, связанные с телеологическим объяснением, согласовать его с обычным научным детерминизмом, очистив от мистических элементов, не сводя в то же время всех биологических законов к физике и химии. Для этого он намерен выяснить, в чем заключаются особенности причинной цепи, входящей в телеологическое объяснение. Брейтуэйт отклоняет предложение Б. Рассела видеть эту особенность, по крайней мере в поведении животных, в том, что она образует цикл с конечной фазой — условием временного покоя. Как указывает Брейтуэйт, такое понимание является слишком широким, так как не дает возможности отличить цикл целенаправленного поведения от других серий повторяющихся явлений. Специфику причинной цепи целенаправленной активности он видит в ее пластичности, следуя тем самым уже приводившейся нами объективной характеристике целенаправленности организмистом Э. Расселом. Вопрос сводится к выяснению природы пластичности без введения нефизических факторов.¹⁵²

Для исследования структуры телеологической причинной цепи С в некоторой целенаправленно действующей системе В Брейтуэйт фиксирует следующие моменты: начальное состояние системы е; цель — явление Г, представляющее собой конечное событие причинной цепи, которое не содержится в ее предыдущих звеньях; причинные факторы среды системы — «условия поля» *i*; класс причинных цепей, достигающих цели *r*; варьирование — класс тех условий *f*, при которых цепь С заканчивается в Г диапазон, амплитуда условий, при которых система достигает цели, обозначается $\emptyset$. Если в $\emptyset$ содержится только один член, то система не обладает пластичностью. Пластичность имеет место только тогда, когда $\emptyset$ имеет больше одного члена. При этом может быть два случая. Во-первых, $\emptyset$ может содержать несколько членов, а в системе В может существовать только одна причинная цепь. Звенья этой цепи должны быть связаны со всей системой как целым таким образом, что когда переменные условия поля воздействуют на те или другие элементы системы, данная причинная цепь непременно приводит, несмотря на эти изменения в воздействиях, к одному и тому же результату. Более обычным является второй случай, когда система обладает более чем одной причинной цепью. Пластичность в этом случае осуществляется путем включения различных цепей в зависимости от изменений поля. Тем не менее основной чертой пластичного поведения является, согласно Брейтуэйту, то, что цель может быть достигнута при варьирующих условиях, а не то, что для этого могут быть использованы различные средства. Таким обра-

¹⁵² R. B. Braithwaite. *Scientific Explanation. A Study of the Function of Theory.* — *Probability and Law in Science.* Cambridge, 1953, p. 329.

зом, при анализе телеологического объяснения существенным является то, что величина ϕ больше числа возможных причинных цепей в системе.¹⁵³

Введенная Брейтуэйтом величина варьирования ϕ позволяет ему установить условия и границы телеологического объяснения, не противоречащего общему детерминистическому мышлению. Если наши знания о некотором варьировании получены путем дедукции из уже имевшегося знания причинных законов, то всякое телеологическое объяснение является излишним. Но когда наше знание о варьировании получается не на основе знания причинной детерминации составляющих вариацию ϕ условий f , а путем индукции из предшествовавшего опыта аналогичного целенаправленного поведения, или дедуктивным путем из знания общих задач системы, то телеологическое объяснение представляет собой познавательную ценность, так как оно не опирается на знание причинных цепей. Такое объяснение удовлетворяет требованиям, предъявляемым научному объяснению: оно дает возможность понимания связей и предсказания будущего. Ему соответствуют телеологические законы, по которым явления в определенным образом организованной системе обуславливаются последующими явлениями в этой системе.¹⁵⁴ Брейтуэйт считает эти законы ничуть не менее ценными, чем причинные.

Он не желает касаться несущественного и неразрешимого, с его точки зрения, вопроса об отношении нашего сознания к миру объективной действительности. Свое исследование категорий закона, причинности, цели он намерен осуществлять, по его выражению, «ограничиваясь лишь первым этажом»,¹⁵⁵ т. е. замыкаясь в рамки субъективного. Вопрос о соответствии детерминизма и телеологии объективной реальности не имеет для него смысла. Достаточным признаком истинности той или иной теории объявляется ее способность доставить интеллектуальное удовлетворение субъекту.¹⁵⁶ Поскольку прием целевого объяснения дает такое удовлетворение в области биологических наук, телеологическое понимание природы оказывается «заслуживающим не меньшего доверия, чем обычное причинное.»¹⁵⁷ Брейтуэйт отождествляет переход от телеологического понимания процессов природы к причинному с переходом от менее глубокой сущности к сущности более глубокой. В связи с этим отношение телеологии и детерминизма для него лишь просто соотношение различных относительных истин между собой. Он приходит к заключению, что применение понятия цели в биологии столь же правомерно, сколь правомерно использование понятий атома или мо-

¹⁵³ R. B. Braithwaite. Scientific Explanation, p. 332.

¹⁵⁴ Там же, стр. 336.

¹⁵⁵ Там же, стр. 3.

¹⁵⁶ Там же, стр. 323.

¹⁵⁷ Там же, стр. 334.

лекулы в химии. Таким образом, логика неопозитивистской доктрины приводит этого незаурядного исследователя, противника религии и витализма к фактическому оправданию телеологии.

На исследование Брейтуэйта опирается в своем анализе телеологического объяснения (мы придерживаемся при изложении взглядов Брейтуэйта и Нагеля того способа использования термина «объяснение», который применяют сами эти авторы, несмотря на всю его спорность) Э. Нагель. Хотя Нагель и не разделяет в целом субъективно-идеалистических положений неопозитивизма, однако в своем рассмотрении структуры науки он стоит на общих с этим направлением позициях. Роль логических и математических средств познания, не имеющих никакого отношения к действительности, является, с его точки зрения, чисто инструментальной.

Телеологические объяснения, применяемые в биологии, представляют собой, как пишет Нагель, указание на некоторую функцию, осуществляемую объектом при сохранении или достижении системой определенного состояния, или указывают на роль некоторого действия в этом достижении. Высказывания подобного рода отнюдь не обязательно должны быть связаны с наделением объекта сознательной целью или с допущением воздействия будущего на настоящее.¹⁵⁸ Эти телеологические высказывания могут обладать определенной познавательной ценностью на определенных этапах исторического развития познания. Указание на целевую зависимость, содержащееся в этих высказываниях, требует дальнейшего причинного обоснования. Научная телеология не может представлять собой далее неразложимой категории.¹⁵⁹ Все телеологические высказывания могут быть переведены в эквивалентные нетелеологические. Это обращение выступает прежде всего как замена высказывания, в котором от следствия переходят к причине, высказыванием, в котором от причины идут к следствию. Однако, как показывает Нагель дальше, употребительные в науке телеологические высказывания обычно более содержательны, чем соответствующие им нетелеологические. В отличие от простых детерминистических высказываний, телеологические положения содержат указание на одну определенную систему, по отношению к которой данное условие осуществляет ту или иную функцию. Это добавочное значение не есть нечто вообще не выразимое на нетелеологическом языке. Оно может быть в принципе всегда причинно объяснено, но, как можно понять Нагеля, уже на другом уровне причинных отношений.

Указанный смысловой избыток телеологического объяснения он все же склонен относить только к психологическому момен-

---

¹⁵⁸ E. Nagel. The Structure of Science. London, 1961, p. 23—24.

¹⁵⁹ Там же, стр. 417.

ту — направленности внимания познающего субъекта. Телеологическое высказывание фокусирует внимание на роли тех или иных элементов в сохранении или достижении некоторого свойства или состояния, нетелеологическое же — на элементарных факторах, из которых складывается целое.¹⁶⁰

Это не мешает Нагелю в его анализе постоянно опираться на онтологические представления об объективных свойствах действительности. Телеологическая интерпретация экстремальных принципов в физике, связанная в истории науки в особенности с именем Мопертюи, совершенно необоснована и не разделяется современными физиками.¹⁶¹ Это является результатом того, что все системы взаимодействий, в которых находится тот или иной физический фактор, равноправны между собой и ни одной из них нельзя отдать предпочтения. С другим типом организации мы имеем дело в органических системах. Последние организованы таким образом, что они достигают при значительно изменяющихся условиях среды некоторых особых, постоянных значений каких-то величин. Это, по выражению Нагеля, «направленные» или «телеологические» системы. Существование кибернетических машин показывает, что телеологически организованная деятельность живых систем может анализироваться без допущения целей как особых силовых агентов.

Нагель предлагает абстрактную структуру телеологических систем. Компенсация вызываемых в этих системах отклонений происходит не за счет изменений факторов внешней среды, а путем соответствующих изменений внутри самой системы. Возмущающие воздействия на одни компоненты системы компенсируются изменениями ее других компонентов. Величина дезорганизующих изменений, которые могут быть скомпенсированы в этой системе, является мерой ее пластичности.

Нагель подчеркивает относительную сторону понятия «направленно организованная система». Имеются, по его мнению, случаи, когда систему невозможно полностью отнести ни к «направленным», ни к ненаправленно организованным. Резкие границы здесь отсутствуют.

Он делает попытку также дать обоснование нашему интуитивному убеждению в том, что простые системы типа маятника, упругого твердого тела, химической системы в термодинамическом равновесии, стремящиеся к сохранению или восстановлению при возмущающих воздействиях своих определенных характеристик, направленно организованными, телеологическими не являются. В них восстанавливающие или противодействующие силы детерминируются непосредственно и однозначно силой, вызывающей отклонение.¹⁶²

---

¹⁶⁰ E. Nagel, *The Structure of Science*, p. 421.

¹⁶¹ Там же, стр. 407.

¹⁶² Там же, стр. 420.

Момент относительности понятия телеологической системы, историческое изменение понимания человеком некоторых систем, приводит Нагеля в силу его уже упоминавшейся общей субъективистской точки зрения к мнению о том, что различие между направленно организованными и остальными системами не имеет объективной основы и зависит лишь от того угла зрения, под которым их рассматривает тот или иной наблюдатель.¹⁶³ Но этим он противоречит тому весьма содержательному анализу, который сам проделал, опираясь на формулировки объективных свойств и закономерностей систем.

В. Штегмюллер в своем анализе телеологических высказываний опирается в основном на работы Нагеля. Он еще более резко отвергает идеалистическую телеологию, связывая ее с демонологией и телепатией,¹⁶⁴ но в то же время более категорически настаивает на позитивистском тезисе о безотносительности логических форм и научных высказываний к объективной реальности. Проблема телеологического и нетелеологического относится только к высказываниям, но не к самим объектам. Существование объективной целесообразности отрицается.

Заслуживает внимания идея Штегмюллера выделить уровни телеологических высказываний (металогический анализ высказываний у него постоянно переходит в онтологический анализ структур объективных биологических и технических систем): элементарно-телеологический уровень, уровень целенаправленно организованных систем и, наконец, уровень возникновения, генезиса этих систем. Задача научного подхода к телеологическим объяснениям состоит в переводе высказываний, содержащих в той или иной форме понятие цели, в нетелеологические, причинные объяснения. Этот перевод осуществляется по-разному в зависимости от того, с каким из трех вышеуказанных уровней мы имеем дело. На первом — составляющие его высказывания о приспособительных свойствах объектов переводятся в соответствующие им причинные высказывания типа нереальных условных предложений. Последние рассматривают данные свойства или функции в качестве предпосылок существования систем с определенной организацией. Вслед за Нагелем Штегмюллер указывает на избыток значения сопоставимых телеологических высказываний, заключающийся в указании организованной системы, на сохранение которой направлено специфическое действие данного условия.¹⁶⁵ На втором уровне функционирование целенаправленно-организованных систем объясняется полностью при

---

¹⁶³ Там же, стр. 419.

¹⁶⁴ W. Stegmüller. Einige Beiträge zum Problem der Teleologie und der Analyse von Systemen mit zielgerichteter Organisation. — *Synthese*, Vol. XIII, Nr. 1. 1961, S. 8, 13.

¹⁶⁵ Там же, стр. 16.

помощи причинных высказываний. Перевод высказываний третьего уровня в настоящее время затруднен (исключительно малая вероятность первоначально случайного возникновения целенаправленной системы, космическая редкость жизни) Все же достижения кибернетики, показывающей принципиальную возможность искусственного создания самоусовершенствующихся и размножающихся систем, представляют указание на то, что и явления этого порядка смогут в дальнейшем быть объяснены на основе причинных, физико-химических закономерностей.

Для мировоззренческого нигилизма позитивиста Штегмюллера характерно то, что он ставит в один ряд высказывания как о приспособительной окраске бабочки, так и о сотворении живой природы богом, хотя это и противоречит решительному осуждению им же самим телеологии как антинаучного мышления.

Из работ неопозитивистского направления, посвященных вопросу телеологических высказываний и объяснения в науке, работа К. Лагерспецца выделяется своей отчетливо выраженной материалистической тенденцией. Неопозитивизм в ней заключается скорее в методе рассмотрения, чем в решении проблем, относится больше к форме, чем к содержанию. Идеалистическая, виталистическая телеология отвергается так же, как и в только что рассмотренных работах. Но в отличие от них она содержит признание объективной причинной связи явлений природы, неполным выражением которой служат наши понятия и высказывания о причинности. Причинность поэтому отнюдь не совпадает с предсказуемостью.¹⁶⁶ Лагерспец четко различает телеологические высказывания и объекты, к которым эти высказывания относятся. Он утверждает, что на основе телеологических высказываний в отличие от причинных вообще невозможно делать каких бы то ни было предсказаний. Телеологическое высказывание возможно только по отношению к уже происшедшему, оно ретроспективно.¹⁶⁷ Телеологическое высказывание следует рассматривать как выражение необходимого условия явления, описывающегося в этом высказывании в качестве конечной причины. Подобного рода высказывания являются «стенографической записью» причинного объяснения, экплананс которого известен только отчасти.¹⁶⁸ Они играют важную роль при описании биологических систем с их большой сложностью. Телеологические гипотезы представляют собой эвристические схемы, успешно используемые при отыскании необходимых или достаточных условий явления. Лагерспец возражает против приписывания телеологическим высказываниям роли научных объяснений, имею-

¹⁶⁶ K. Lagerpetz. Teleological Explanations and Terms in Biology. — *Annales Zool. Soc. Zool. Bot. Fenn. «Vanamo»*, t. 19, No 6, 1959, p. 22.

¹⁶⁷ Там же, стр. 6.

¹⁶⁸ Там же, стр. 35.

щего место, как мы уже видели, у Брейтуэйта и Нагеля. Подобное преувеличение научного значения телеологических высказываний может привести только к дискредитации этой полезной при ее правильном использовании формы. «Телеологическое» относится не к самим объектам, выражает не свойства самих биологических систем, а служит лишь высказыванием о понятиях и утверждениях, применяемых в биологической науке,¹⁶⁹ лишь — a manner of speaking.

Позитивистский элемент взглядов Лагерспеча приводит в конце концов к игнорированию им отражательного аспекта телеологических высказываний. Это же обуславливает игнорирование финским исследователем онтологической основы эвристической ценности телеологических высказываний, с чем связана недооценка им значения новой, онтологической интерпретации телеологии Н. Винером.¹⁷⁰

Антителеологические теории в современной буржуазной философии

Противоположность телеологии и причинного мировоззрения в истории философии не всегда совпадала с противоположностью материализма и идеализма. С элементами телеологизма было связано материалистическое учение Анаксагора, антителеологическими были в разные эпохи идеалистические философии буддизма и Канта. В наше время это несовпадение особенно возросло. Правда, больше не существует материалистических теорий с чертами телеологизма, хотя современный материализм и внимательнее, чем когда-либо, относится к телеологии и принимает ее рациональное содержание, но зато многие идеалисты сейчас решительно отрицают телеологическую концепцию.

Телеологическое мировоззрение при всей возросшей его активности явно теряет свои позиции в самой буржуазной философии. Мы только что говорили о резких антителеологических высказываниях неопозитивистов. Это отрицание не является, конечно, принципиальным и в итоге позитивизм оказывается не в состоянии последовательно защищать научное познание от фидеистских и мистических в своей тенденции идей телеологии. Непозитивисты не дают развернутой критики телеологических теорий, так как это означало бы, с их точки зрения, заниматься мировоззренческими, «метафизическими» вопросами. В современной буржуазной философии имеются и такие философы, которые придадут опровержению телеологии особое, самостоятельное значение. Среди них находятся как мыслители, переходящие на позиции материализма, борьба которых против телеологии служит выражением этого перехода, так и довольно последовательные

---

¹⁶⁹ Там же, стр. 66.

¹⁷⁰ Там же, стр. 34.

представители идеализма. В работах и тех и других имеются мысли, углубляющие критику идеалистической телеологии и обобщающие теорию цели и целесообразности.

Видным представителем идеалистической философии, выступавшим с весьма глубокой критикой телеологии, был Николай Гартман. Его антителеологизм, как и в значительной мере вся его философия вообще, представляет собой буржуазную рационалистическую реакцию на доминирующие в философии империализма субъективизм и мистику. Объективной задачей этой рационалистической реакции является препятствовать тому, чтобы оппозиция определенных кругов интеллигенции очевидным проявлениям загнания буржуазной философии не стала бы развиваться в направлении к диалектическому материализму.¹⁷¹

Телеология нарушает естественное направление времени.¹⁷² Целевая связь есть обращение причинности, она содержит зависимость предшествующего от последующего. Телеология противоречит поэтому науке, останавливает познание. Она — лень мысли.¹⁷³ Одновременно она находится в противоречии и с практикой человека. Если бы процессы природы имели свои собственные цели, человек не мог бы использовать эти процессы в своих целях, происходила бы коллизия целей.¹⁷⁴ Н. Гартман восстает против основ аксиологического оправдания телеологии. Телеология приводит к этическому обесценению человеческой деятельности. Ее сущность глубоко аморальна. Осуществление ценностей не является, с ее точки зрения, делом самого человека. Последний выступает в роли проводника независимого от него телеологического процесса, что уничтожает его как нравственное существо.

Телеология нарушает структуру бытия, его всеобщие законы, ставя низшие, простейшие и всеобщие принципы в зависимость от высших, более сложных и более специальных, тогда как на самом деле высшие категории зависят от низших, представляя собой их особое соединение.¹⁷⁵ Она подчиняет онтологические отношения природы аксиологическим отношениям ценностей и в конце концов приводит к утверждению о существовании бога, — положению, которое более всего недоказуемо. Всякая телеология является также всегда антропоморфизмом.¹⁷⁶

На понимании Н. Гартманом источников телеологического мировоззрения сказывается идеалистическая сущность его фи-

¹⁷¹ См. Die deutsche Philosophie von 1917—1945. Berlin, 1961, S. 27

¹⁷² N. Hartmann. Teleologisches Denken. Berlin, 1951, S. 3.

¹⁷³ N. Hartmann. Teleologisches Denken, S. 22.

¹⁷⁴ N. Hartmann. Philosophie der Natur. Abriss der speziellen Kategorienlehre. Berlin, 1950, S. 333.

¹⁷⁵ N. Hartmann. Ethik. 1926. Berlin u. Leipzig, S. 184.

¹⁷⁶ Там же, стр. 183.

лософии. Телеологическая тенденция взглядов поднимается из «темных чувственных глубин бессознательного». Человек стремится избежать подавляющей его бессмысленности бытия путем веры в его целенаправленность. Как и позитивисты, Н. Гартман считает телеологическое сознание человека первичным по отношению к детерминистическому мышлению.¹⁷⁷ В отличие от мифологической телеологии, применяющей цели ко всему существующему без разбора, философская телеология опирается на определенные факты в явлениях природы. Объективная целесообразность в органической природе — не просто прилаженность одних явлений к другим. Подобная прилаженность существует и в неорганической природе. Применение понятия «целесообразность» к этой прилаженности представляет собой просто пересказ факта, ничего не дающий познанию, тавтологию. Содержательным понятие «целесообразность» становится только в науке об органической природе, где оно указывает направление зависимости, активного приспособления.

В рассмотрении Н. Гартманом отношения целесообразности и причинности ценным является то, что он связывает вопрос этого отношения с вопросом структуры причинного ряда. Причинность в форме линейной связи есть лишь простейший вид детерминации, который может играть роль материала в более высоких по их уровню структурах взаимосвязей явлений. Более высокий, по сравнению с причинными связями неорганического мира, тип детерминации представляет органическая целесообразность. Еще более высоким типом детерминизма является сознательная целевая деятельность человека. Только здесь цель выступает в качестве реальной категории. Целевая связь пронизывает все слои бытия практического действия человека. При этом в целом она подчиняется направлению времени. Однако на ступени выбора средств, составляющем, согласно Н. Гартману, второй слой целевой деятельности, движение цели принимает направление, противоположное течению времени. Такое нарушение всеобщего закона природных явлений возможно потому, что цель — вневременное образование, содержание идеального сознания. В итоге детерминированный ценностями телеологический ряд актов деятельности человека вплетается в причинную структуру объективного мира, перестраивает ее и добывается господства над нею путем управления.¹⁷⁸

Н. Гартман полагает, что раскрытие структуры сознательного целенаправленного действия, осуществленное в общих чертах еще Аристотелем, предоставляет решающие данные для полного опровержения телеологии, показывая невозможность целевых связей в процессах, не включающих в себя мысли, сознания.

Преувеличение Н. Гартманом различия между человеческим

---

¹⁷⁷ N. Hartmann. Teleologisches Denken, S. 14—15.

¹⁷⁸ N. Hartmann. Ethik, S. 190.

целепологанием и причинной связью природы закрывает путь к отысканию переходов между ними, отысканию возможностей искусственного создания целенаправленно действующих неорганических устройств. Этот недостаток гартмановского антителеологизма используется неотомистами, которые указывают на отождествление Н. Гартманом категории цели с понятием намеренной, интенциональной цели, на несоответствие его понимания цели применению этой категории в кибернетике. Надо заметить, что неотомисты, вопреки утверждениям некоторых советских авторов,¹⁷⁹ отнюдь не в восторге от философии Н. Гартмана. Антителеологизм Н. Гартмана с его атеистической тенденцией подвергается ими яростной критике как вид богохульства.

Против телеологии направлены работы современного французского философа Ж. Моро, близкого по своим взглядам к известному швейцарскому философу Ф. Гонсету

Телеология, утверждает Ж. Моро, есть детерминизм наизнанку. Она противоречит реальному направлению течения времени. Неизбежно содержит дуализм. Не в состоянии с методологической точки зрения ничего дать познанию. Представляет собой тавтологию, *petitio principii*. Телеология объявляет самоцелью те явления, которые она не в состоянии объяснить, подменяя объяснение их ложной видимостью.¹⁸⁰

Довольно грубая в целом критика Ж. Моро телеологии не ставит задачи раскрыть рациональное содержание последней. В качестве главного довода против телеологии Ж. Моро использует принцип естественного отбора, понимаемый им как универсальный закон природы, имеющий силу не только в биологии, но и в физике и психологии. Этот закон — «наиболее грозный противник телеологического духа».¹⁸¹ Именно им обеспечивается приспособление как автоматический процесс, противоположный телеологии.¹⁸² Основание для антителеологических выводов предоставляет, с точки зрения Ж. Моро, также теория относительности Эйнштейна, опровергающая возможность дальнего действия. Подрывает основы телеологических воззрений и кибернетика, рассматриваемая Ж. Моро специально в этом аспекте.

Против телеологии выступает «эволюционный натуралист» Р. В. Селларс. Он пытается так развить понятие причинности, чтобы оно охватило и отношения целепологания в деятельности человека. Причинность есть развивающееся и усложняющееся

---

¹⁷⁹ А. Ф. Зотов. Николай Гартман и его «критическая онтология». — «Вопросы философии», 1957, № 4.

¹⁸⁰ J. Moreau. Problèmes et pseudo-problèmes du déterminisme. Paris, 1964, p. 198.

¹⁸¹ J. Moreau. Au carrefour de deux philosophies: finalisme et déterminisme. — *Revue Générale des sciences*, t. LXII, n° 7-8. Supplément, 1955, p. 11.

¹⁸² J. Moreau. Problèmes et pseudo-problèmes du déterminisme, p. 76.

отношение, структура которого изменяется в ходе эволюции явлений природы, их организации. Одну из характеристик причинности составляет направленность. Направленность не является сама по себе телеологической категорией, но из нее может вырасти целевая зависимость, финализм. Это происходит на высшем уровне причинной связи — уровне деятельной (agential), причинности. Деятельная причинность включает самоуправление. Последнее проявляется в деятельности человека как свобода воли. Фокусом, объединяющим активности человека, его цели и планы, является его «Я». Здесь «деятельная причинность» выступает как естественная, действующая причина, поднятая благодаря разуму и языку на уровень «проективной телеологии», внутренней причинности, руководимой идеями.¹⁸³

Подход Р. В. Селларса к решению вопроса об отношении причинности и цели весьма абстрактен, выражая по существу известное положение материализма о включении цели человека в общую цепь причинно-следственных отношений. Неизбежная ограниченность такого рассмотрения связана в первую очередь с тем, что оно производится при отвлечении от социальной детерминированности поведения, мышления, целей человека. Р. В. Селларс, правда, не отрицает существования регулирующего воздействия социальных условий на целенаправленную деятельность человека, но все же считает допустимым не учитывать это воздействие при своем анализе.

Наиболее содержательное исследование проблемы целевой зависимости в современном немарксистском материализме мы находим у приближающегося во многих вопросах к диалектическому материализму М. Бунге. Вполне возможно, что анализ вопроса отношения детерминизма к телеологии, осуществленный в его фундаментальном исследовании закона причинности, более всего показывает плодотворное воздействие на Бунге идей материалистической диалектики. В отличие от всех остальных представителей немарксистского материализма и антителеологизма, Бунге свое основное внимание сосредоточивает на выяснении положительного содержания телеологии и на его материалистическом истолковании.

Целенаправленные структуры, функции и поведение — телеологическая форма детерминации. Она объективна и совсем не обязательно связана с сознанием и намерением. Применение в биологии и науке об обществе телеологии, очищенной от традиционных ненаучных наслоений, в определенных границах вполне оправдано. В то же время Бунге обстоятельно опровергает телеологическую интерпретацию экстремальных принципов физики.

¹⁸³ R. W. Sellars. Levels of Causality: The Emergence of Guidance and Reason in Nature. — Philosophy and Phenomenological Research, Vol. XX, No 1. 1959.

Утверждать, что при прохождении пути физические объекты движутся «с целью» минимизации, равносильно утверждению, что события происходят так, как если бы они происходили «для того, чтобы» осуществлялись законы природы.

Бунге показывает, что полная подмена причинной связи функциональной зависимостью, предлагаемая позитивистами, может привести к телеологическим взглядам на физическую реальность.

Современная наука не изгоняет телеологию в ее рациональном понимании, а скорее освобождает ее от налета представлений о сверхъестественном, делающих ее враждебной науке. Эта ненаучная телеология представляет собой утверждение о том, что целесообразная деятельность или направляема сверхъестественными силами, или вообще необъяснима. Телеология этого рода — или мистика, или тавтология. Реальные же телеологические законы возникают как исторически сложившаяся организация действия причин, как способ поведения материальных систем, являющихся продуктом отбора в ходе исторического развития и приведенных в состояние устойчивости (в случае биологических систем) механизмом наследственности.¹⁸⁴

К сожалению, анализ целевой зависимости и целесообразности не связан у Бунге с рассмотрением законов и категорий диалектики, поскольку диалектика причинной связи им рассматривается лишь как особый, частный случай детерминации.

Рассмотрение проблемы телеологии, эволюции категории цели в современной буржуазной философии показывает исключительно пеструю картину разнородных теорий и точек зрения. На этом частном примере можно убедиться в растущей дифференциации и противоречивости буржуазной философской мысли нашего времени.

Происходит, при всех колебаниях и попытках обновления, дальнейшая активизация идеалистической телеологии, средневековых доктрин, мистики. Но в то же время идет серьезная работа обобщения новейших данных науки, глубокая разработка отдельных аспектов вопроса. Ведь буржуазная философия — важное орудие господства империализма и, чтобы быть эффективной, она не может не отражать правильно некоторых сторон действительности, не отвечать некоторым действительным потребностям общественного развития. И все-же у самых различных концепций вопроса цели, целесообразности, телеологии в современной буржуазной философии имеется по крайней мере одна общая характерная черта: реакционность мировоззренческих выводов, делаемых на основе тех или иных решений данного вопроса. Эта реакционность состоит как в переходе на

---

¹⁸⁴ М. Бунге. Причинность. М., 1962, стр. 345.

фидеистские, мистические позиции, так и в подчеркнутом игнорировании мировоззренческой стороны дела, открывающем путь для самых крайних идеалистических, религиозно-телеологических выводов.

Отметим наиболее существенные, на наш взгляд, моменты положительной стороны концепций вопроса цели и целесообразности в современных буржуазных философских учениях. К ним относятся: связь с проблематикой биологии и кибернетики, логический анализ телеологических высказываний в качестве специфического элемента в общей структуре научного познания, усиление интереса к аксиологической стороне вопроса.

Поступила в редакцию 15 сентября 1966 г.

О ВЛИЯНИИ ЯЗЫКА НА КАТЕГОРИАЛЬНУЮ СТРУКТУРУ МЫШЛЕНИЯ

Я. К. Ребане

Человек выступает в качестве субъекта познания как социальное существо. При этом реальным субъектом познания является не только отдельный индивидуум, но и человечество в своем историческом развитии. В прошлый опыт конкретного человека входит в той или иной мере опыт человечества (общественная информация, общественная память), к которому индивидуум приобщается в социальной среде, начиная с первых дней своей жизни.

Из всех механизмов передачи общественной информации в настоящее время больше всего внимание исследователей процесса познания привлекает язык. Это вполне закономерно, учитывая реальное значение языка и речи в формировании человеческой личности, способности мышления, в передаче знаний. Современной наукой накоплен огромный материал, с одной стороны, раскрывающий роль языка в процессах логического мышления индивидуума, и с другой, указывающий на связь языка с историческим развитием человеческих знаний, типами обобщения, самими логическими средствами.

Однако для обобщения лингвистических и этнографических данных, говорящих о влиянии языка на мышление, в марксистской философии пока сделано мало. В центре внимания исследователей находится влияние мышления на язык, а обратное влияние языка на мышление и миропонимание считается настолько незначительным, что им можно пренебречь.

В то же время многие современные¹ идеологические и философские спекуляции связаны с неверным толкованием роли языка в познании. Речь идет не только о собственно философско-методологических течениях семантико-позитивистского типа, но и о гипотезах и теориях, возникших в рамках конкретных

---

¹ Конечно, не только современные. Вспомним, что о влиянии языка на мышление и на философские понятия говорили такие совершенно разные мыслители как Гумбольдт и Кассирер.

наук — лингвистики и этнографии — и приобретших впоследствии мировоззренческое значение. Такими учениями являются гипотеза Сепира-Уорфа, направления антропологической лингвистики и этнолингвистики в США, учение неогумбольдтианцев (Л. Вейсгербер и др.) в ФРГ. Иногда их объединяют под общим знаменателем «лингвистической относительности»

В теориях «лингвистической относительности» используются многочисленные данные, свидетельствующие об обратном воздействии языка на мышление людей, говорящих на этом языке. Но эти интересные данные получили в результате гиперболизации роли языка в познании совершенно неприемлемую философскую интерпретацию. (Крайним выражением этого является так называемая «общая семантика».)

В течение последних лет гипотеза Сепира-Уорфа и учение Вейсгербера неоднократно рассматривались и критиковались в марксистской лингвистической литературе.² Суть критики можно в большинстве случаев свести к следующим двум моментам. Во-первых, признается известное влияние языка на мышление людей, говорящих на данном языке. Но размеры, интенсивность, характер этого влияния остаются в критических материалах вне поля зрения. Во-вторых, указывается, что теория языковой относительности преувеличивает значение влияния языка на мышление, превращая в результате этого язык народа в своеобразную перегородку, отделяющую мышление от объективной реальности.

Для того, чтобы упрекать кого-нибудь в «преувеличении» чего-либо, надо возможно более точно знать реальное значение рассматриваемого явления. Поскольку же действительное влияние языка на мышление более подробно не рассматривается, сама критика «преувеличения» повисает в воздухе. Более того, в отдельных случаях критикуемой точке зрения противопоставляется положение о неизменности логических понятий — категорий. Вот одна из оценок гипотезы Сепира-Уорфа: «Правда, в зависимости от исторических, культурных и этнографических условий языки могут наполняться некоторым количеством понятий, не имеющих взаимных абсолютных аналогий. Но в гипотезе Сепира-Уорфа речь идет не о понятиях, связанных с местными

---

² О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, стр. 36—57. В. Звегинцев. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа. — Новое в лингвистике, I. М., 1960. В. А. Звегинцев. Неопозитивизм и новейшие лингвистические направления. — «Вопросы философии», 1961, № 12. Т. А. Дегтерева. Пути развития современной лингвистики, III. М., 1964, стр. 17—37. Д. М. Сегал. Рецензия на книгу «Language in culture». — Структурно-типологические исследования, М., 1962. М. М. Гухман. Лингвистическая теория Л. Вейсгербера. — Вопросы теории языка, в современной зарубежной лингвистике. М., 1961. А. Шафф. Введение в семантику. М., 1963, стр. 316—342. А. Леонтьев. Язык и разум человека. М., 1965, стр. 55—61. А. Кондратов. Звуки и знаки. М., 1966, стр. 60—78.

реалиями, а о таких всеобщих категориях, как категории субстанции, времени, пространства. Эти категории, как категории логические, не могут иметь локальных или иных различий, что доказывается их полной переводимостью с языка на язык, независимо от словесной формы их выражения»³

Не ставя здесь задачи исчерпывающего анализа и оценки гипотезы Сепира-Уорфа (В. А. Звегинцев в своей статье в целом правильно показывает многие недостатки этой гипотезы), отметим лишь, что в приведенном высказывании имеются два момента, вызывающие возражения. Во-первых, непонятно, почему категория времени (именно в отношении категории времени Уорф констатирует наиболее существенные различия в хопи и SAE — языках среднего европейского стандарта) не может исторически изменяться. На такое развитие указывают не только история науки (понимание времени Ньютоном и Эйнштейном), но и многочисленные данные истории культуры. Что же касается времени в языке индейцев хопи, то в интерпретации Уорфа содержится весьма правдоподобная идея: время понимается в хопи как последовательность процессов, как становление. Это очень хорошо согласуется с диалектическим представлением о времени. Если оставить в стороне субъективистские высказывания Уорфа (утверждение, что время существует только в сознании индивидуума) и проследить реальную связь временных представлений хопи с формами их хозяйственной деятельности и материальными условиями жизни, то из указанных им фактов можно извлечь немало полезного для понимания исторического развития временных представлений.⁴ Гипотеза Уорфа во многом неверна, но, тем не менее, приходится согласиться с М. Блэком, что «ошибки Уорфа гораздо интереснее избитых банальностей».

Во-вторых, утверждение о «полной переводимости» логических (философских) категорий вряд ли может быть безоговорочно принято. Правда, можно предположить, что мы можем перевести любой философский текст с одного языка на другой. Если же для выражения мысли на другом языке не хватает слов, можно создать новые слова-термины. На деле это не так просто. Философские категории редко выражаются при помощи специально созданных терминов. Подавляющее большинство философских учений предпочитает использовать в качестве терминов слова естественного народного языка. При этом их многозначность в какой-то мере ограничивается, но отнюдь не исключается

---

³ «Вопросы философии», 1961, № 12, стр. 94.

⁴ Надо отметить, что сам Б. Л. Уорф в статье «Отношение норм поведения и мышления к языку». — Новое в лингвистике, I. М., 1960, стр. 165—166 подчеркивает зависимость понятия времени у индейцев хопи от условий их материальной жизни, в частности — от производственной деятельности. К сожалению, это обстоятельство не всегда учитывается при оценке гипотезы Сепира-Уорфа.

ется полностью. Это вполне понятно, если учесть, что предметом философского исследования являются логические связи не столько в системах научных терминов, сколько в реальном человеческом мышлении, использующем многозначность выражений естественного языка. (Эта многозначность обеспечивает, между прочим, гибкость реального мышления в отличие от жесткости моделирующих мышление формализованных систем.) Другими словами, содержательно-логическая (категориальная) структура мышления связана со структурой языка. В таком утверждении нет ничего агностического или идеалистического. Человеческое мышление отражает объективную реальность. Но реальность отражается не в чистом «духе», а в реальном мышлении с помощью материального кода — языка (речи).⁵ Язык создан в течение предыдущей истории народа. Он неизбежно содержит не только фонетические или грамматические, но и смысловые своеобразия. Смысловые сетки разных языков («языковые модели» мира) не могут полностью совпадать. Поэтому содержательно-логические (категориальные) сетки тоже видоизменяются в известной степени при переводе с одного языка на другой. Это обстоятельство может оказаться чрезвычайно полезным для выяснения действительного содержания той или иной философской категории. Видоизменения, связанные с переводом, служат своеобразным индикатором, позволяют уточнить реальное содержание понятия-инварианта, обнаружить разные смысловые оттенки, которые оказываются скрытыми, если ограничиться изучением категории только на материале одного языка.

Прежде всего, изучение вариаций, связанных с языковыми различиями, помогло бы выяснить размеры действительной зависимости мышления от языка. Пока мы интуитивно (вероятно, вполне обоснованно) считаем эту зависимость «малой», но не имеем точного представления, что значит, собственно, «малая зависимость». Далее, это открыло бы новые подходы к выяснению зависимости логики мышления от различных факторов материальной жизни народа. Человека не окружает природа как таковая. Его окружает природа, преобразованная деятельностью предшествующих поколений. Поэтому тонкие различия в исторических типах мышления зависят не только от производственной деятельности, уровня техники, но и от особенностей таких средств фиксации социальной информации как язык, формы культуры, обычаи, социальные институты. Наконец, такое изучение поможет уточнить само понимание категорий, более четко отделить языковое от собственно логического.

⁵ Отрыв мышления от языка неизбежно ведет к признанию непосредственного, «чистого» познания в духе Бергсона или Гуссерля. С другой стороны, реальное человеческое мышление не идентично развернутому языковому выражению мысли. Реальное мышление характеризуется полиморфностью: сокращенная внутренняя речь сочетается в нем с различными образно-наглядными неязыковыми компонентами.

Практическое осуществление такого исследования связано с серьезными трудностями. Главная из них — это требование в совершенстве владеть языком. В противном случае неизбежно происходит экстраполяция на другие языки смысловых значений родного языка (своеобразного эталона) вместе со всеми вытекающими отсюда последствиями. Возможно даже, что этому удовлетворяет только знание родного языка или родных языков.⁶

Попытаюсь на основе собственных наблюдений показать некоторые смысловые расхождения, которые возникают при переводе философских категорий. (Мне приходится в течение ряда лет иметь дело с переводом философской литературы на эстонский язык с русского, отчасти и с немецкого.) Исходя из вышеуказанного требования (знания языка), рассматриваем расхождение значений с точки зрения перевода на эстонский язык. Если же взять в качестве отправного пункта эстонский язык и перевести с него на русский или немецкий, возникают новые смысловые разветвления.

В качестве примеров возьмем некоторые традиционные философские категории. Надо подчеркнуть, что нашей целью является только констатация наличия известных расхождений, отнюдь не их анализ, выяснение причин их возникновения и т. д. При этом мы ограничиваемся рассмотрением лексических значений слов. Схема показывает, как данное слово (выражающее категорию) переводится, в зависимости от контекста, соответствующими эстонскими словами (указано стрелками). Смысловые переводы на русский язык (в скобках рядом с эстонскими словами) приведены для того, чтобы пояснить новые смысловые оттенки, возникающие на эстонском языке.

Einheit	↔ единство	I	
		→ ühtsus	(«единство» как «материальное единство природы»)
		→ ühtekuuluvus	(«единство» как «общность»)
		→ ainsus	(единственное число, в противоположность «множественности»)

⁶ Говоря о принципиальных затруднениях, возникающих в этнолингвистике, Г. Хойер пишет: «В каждом конкретном случае она (этнолингвистика — Я. Р.) требует также такого глубокого овладения изучаемыми языками и их культурным окружением, какое возможно только для родного языка и очень редко может быть достигнуто, если это вообще осуществимо, ученым, имеющим дело с чужим языком и культурой». — Новое в лингвистике, вып. 4, М., 1965, стр. 306.

wesentlich ↔ существенное	→ oluline («существенное» как «значительное», «важное») → olemuslik («существенное» как «сущностное»)
Allgemeine ↔ (все)общее	→ üldine ((все)общее) → ühine («общее» как «всем принадлежащее», «всюду проявляющаяся»)
Wirkung ↔ действие	→ mõju («действие» как «влияние») → toime («действие» как «функционирование», напр., «действие закона») → tagajärg («действие» в связи «причина и действие»)
Ziel ↔ цель	→ eesmärk («цель» как «цель», кем-то поставленная)
Zweck ↔ цель	→ siht («цель» как направленность)
	→ otstarve («цель» в смысле «подобности», «полезности», напр., «целесообразность на следственных изменений»)

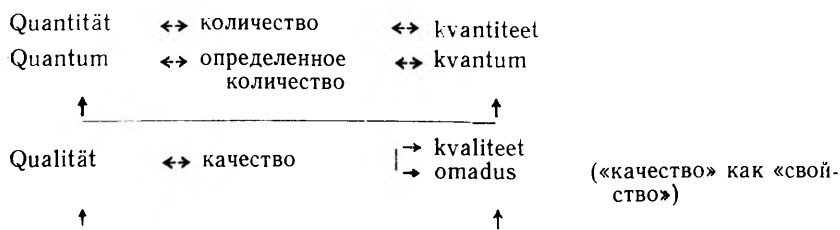
II

Erscheinung ↔ явление	→ nähtus («явление» как «факт», «событие») → nähtumusilmum («явление» как «феномен»)
Möglichkeit ↔ возможность	→ võimalus («возможность» как «удобная возможность») → võimalikkus («возможность» в противоположность «действительности»)
Widerspruch ↔ противоречие	→ vasturääkivus (противоречие в логическом смысле) → vastuolu (противоречие как диалектическое противоречие)

III

Entwicklung ↔ развитие	→ arenemine (саморазвитие) → arendamine (развитие кем-то чего-либо)
------------------------	--

IV

Некоторые разъяснения. В первую и вторую группу включены те категории, в отношении которых наблюдаются наиболее значительные смысловые разветвления при переводе на эстонский язык. Из нашей схемы видно, что взаимно-однозначных смысловых соотношений между русским и немецким языками в рассматриваемой области значительно больше, чем между ними и эстонским языком. Это вызвано, по-видимому, длительным культурным обменом, в первую очередь — взаимными переводами научной и философской литературы.⁷ С эстонским языком дело обстоит иначе. Единый эстонский литературный язык образовался относительно поздно, только в начале 20 века. Первый нормативный словарь вышел в 1918 году. Процесс создания собственной научной, технической, философской, политической терминологии в какой-то мере продолжается еще до сих пор. Поэтому на примере эстонского языка мы можем непосредственно наблюдать процессы образования терминов и легко отличать специально созданные философские термины от слов, входящих в словарный фонд народного языка. Следует также учесть, что развитие эстонской культуры было тесно связано с русской и немецкой культурой и в эстонском языке имеется множество заимствований из немецкого и русского языков. Поэтому можно предположить, что обнаруживаемые здесь смысловые расхождения по «мировой шкале» относятся к разряду незначительных.

Первая группа (I) в нашей схеме состоит из слов, принадлежащих к обыкновенному народному языку. Именно здесь наблюдаются наибольшие семантические расхождения.⁸ При прак-

⁷ А. В. Федоров специально обращает внимание на роль взаимных переводов в обогащении словаря и формировании точных и постоянных лексических соответствий тому или иному научному или общественно-политическому термину. — См. А. В. Федоров. Введение в теорию перевода. М., 1953, стр. 125—126.

⁸ «В отличие от научных и общественно-политических терминов, возможности перевода которых могут расширяться с течением времени, слова, обозначающие наиболее обычные предметы и имеющие лишь неполное словарное соответствие в другом языке, обычно не находят новых средств передачи».

тическом переводе задача решается, исходя из контекста. Контекст подсказывает, какое слово следует употребить для правильной передачи смысла. Конечно, смысл некоторых фраз может при этом видоизменяться, но семантическая избыточность обыкновенного языка гарантирует в основном правильное (адекватное) понимание смысла читающим. Принципиальные трудности возникают тогда, когда речь идет о категории как таковой, о данной категории вообще, например, в таком плане, как в «Логике» Гегеля. В подобном случае конкретный национальный язык выступает в качестве «метаязыка» и его смысловые оттенки приобретают существенное значение. Если в конкретных предложениях «единство — *Einheit*», «действие — *Wirkung*» переводятся на эстонском языке в зависимости от контекста, то теперь это становится уже невозможным. Очень трудно, например, говорить о категории «*ainsus, ühtsus, ühtekuuluvus*»: это уже не категория, а фрагмент из словаря. Некоторые примеры. «Общие (закономерности)» должны переводиться как «*üldised ja ühised (seaduspärasused)*», «целесообразность» как «*eesmärgipärasus ja otstarbekohasus*» («целенаправленность и целесообразность-полезность»). В последнем случае эти характеристики отнюдь не всегда совместимы (например, в развитии живой природы в целом нет такого явления как «*eesmärgipärasus*» в смысле «целенаправленности», но имеется «*otstarbekohasus*» в смысле «целесообразности»).

Во вторую группу (II) входят как слова из словаря народного языка, так и слова, получившие значение философских терминов, т. е. служащие специально для обозначения философских категорий. Их можно называть семантическими неологизмами, так как для уточнения философских понятий было придано значение терминов некоторым словам из обычного языка. Например, для отличения явления-феномена от явления-события

(А. В. Федоров. Введение в теорию перевода. М., 1953, стр. 126.) Из-за многозначности обыкновенного языка значение слова или словосочетания невозможно определить только на основе вербального значения текста. «Во многих случаях для определения значения нужны более обширные знания в данной области. Для установления значения необходимо учитывать философско-научные, логические, исторические, эмоциональные, эстетические и социальные соображения.» (A. Eschkenazi. Zu einigen logischen Problemen der sprachlichen Übersetzung. — Deutsche Zeitschrift für Philosophie, 1966. № 5, S. 573.) Роль этих обстоятельств при организации машинного перевода общезвестна. Из-за семантических трудностей И. Бар-Хиллель, например, считает высококачественный машинный перевод вообще невозможным. Н. Винер был также довольно скептически настроен насчет возможностей «чистого» машинного перевода и считал, что наиболее обнадеживающий путь состоит в создании системы, включающей в качестве критика и эксперта человека — как для обучения машины, так и для критической оценки машинной продукции. Он отмечал также, что ни одна из систем машинного перевода не доказала, что она заслуживает доверия в тех случаях, когда от точности перевода зависит принятие важных решений. (См. Н. Винер. Творец и робот. М., 1966, стр. 87—90.)

был введен термин «nähtumus» (еще раньше «ilum»), для обозначения возможности как диалектической противоположности действительности был введен термин «võimalikkus», (эквивалентом «возможности» в повседневном смысле, например, «Мне представилась возможность получить путевку», является слово «võimalus»). Для того, чтобы отличить логическое противоречие от реального, диалектического противоречия, было закреплено значение терминов за словами «vasturääkivus» и «vastuolu». Если исходить из очень распространенного представления, что создание терминов является наиболее удобным путем преодоления трудностей, возникающих при переводе категорий, то данный способ, казалось бы, должен быть очень плодотворным. На деле же это не так. Нововведения-термины только ухудшили положение, так как на русском и немецком языках «явление» — «Erscheinung», «возможность» — «Möglichkeit», «противоречие» — «Widerspruch» в качестве обозначений философских категорий употребляются полисемантически. Введение специальных терминов создало смысловые расхождения там, где их раньше не было.⁹

Третью группу (III) составляют отглагольные существительные, имеющие на русском и немецком языках одновременно транзитивный и интранзитивный аспекты. В эстонском языке транзитивность и интранзитивность выражаются, например, с помощью специальных словообразовательных элементов: «arep-damine» (транзитивность), «arenemine» (интранзитивность). «Развитие» — «Entwicklung» вне контекста, а во многих случаях также в контексте, может одновременно означать и то, и другое. Если при переводе категории «развитие» это обстоятельство вызывает относительно небольшие трудности, то при переводе некоторых других категорий этой группы (например, «отчуждение») различие транзитивности и интранзитивности играет существенную роль.

Четвертую группу (IV) составляют иностранные слова (главным образом, латинского происхождения). Они, как правило, переводимы полностью, без смысловых разветвлений.

Приведенные примеры не охватывают всех смысловых разветвлений, возникающих при переводе даже рассмотренных философских категорий на эстонский язык, они только иллюстрируют наличие их. Кроме того, в данном случае мы почти не коснулись тех смысловых разветвлений, которые возникают из-за различий в грамматической структуре языков (например, система падежей, связанные с ней принципы словообразования).

---

⁹ Например, «Явления текучи» можно перевести как «Nähtused (т. е. явления — события) on voolavad», либо как «Nähtumused (т. е. явления — феномены) on voolavad», либо как «Nähtused, nähtumused on voolavad». Такое же положение возникает при переводе предложений, в которых говорится о «противоречии вообще», о «возможности вообще».

В то же время схема смысловых разветвлений наглядно демонстрирует различие между философско-логическими категориями и их словесными обозначениями. По-видимому, в качестве собственно философско-логической категории выступает некий *понятийный инвариант, сохраняющийся при переводе с языка на язык*.¹⁰ Однако одной ссылки на наличие такого инварианта недостаточно. Следует еще учесть и то, что само содержание категории исторически меняется и не является совершенно одинаковым на различных ступенях исторического развития. Для выяснения такого понятийного содержания следует обратиться также к внеязыковым явлениям.

Далее, хотя бы положение о полной переводимости логических категорий требует уточнений. Если иметь в виду перевод слов, обозначающих категории, то «полный перевод» невозможен. Соответственно невозможен полный взаимно-однозначный перевод некоторых «метавысказываний» («метаязыковых высказываний» на конкретном национальном языке) относительно тех категорий, при которых обнаруживается разветвление языковых смысловых сеток. Если же иметь в виду логические структурные связи, выражаемые с помощью категорий, то они «переводимы», но передаются с помощью несколько видоизмененной смысловой сетки.

Нашей целью была постановка вопроса, а не всесторонний анализ проблемы. Поэтому мы ограничились констатацией небольшого числа лингвистических фактов, надеясь в будущем вернуться к более подробному анализу отмеченных явлений.

Поступила в редакцию 10 января 1967 г.

---

¹⁰ Следует подчеркнуть, что сопоставление и анализ содержания категорий, выраженных различными языковыми средствами, помогает уточнить реальное содержание той или иной категории. Один пример. В. И. Чернов в своем *Анализе философских понятий*. М., 1966, стр. 188—197 анализирует понятия «сущность и существенное». Интересно, что в нашей схеме находят языковые выражения некоторые смысловые аспекты «сущности» и «существенного», которые он выделяет.

ТОЖДЕСТВЕННОСТЬ МАССЫ И ЭНЕРГИИ

П. Г. Кард

1. Это уже не лоскут, это целая огненная хламида. — Л. Б. Баженов в сборнике статей «Философия естествознания» пишет (стр. 100): «... на некоторых наших философов слова «эквивалентность массы и энергии» производили впечатление, аналогичное тому, какое красный лоскут производит на быка во время корриды: они немедленно бросались в бой, обвиняя физиков в смертных грехах энергетизма, не утружая себя анализом вопроса по существу». ¹ Сам Л. Б. Баженов не считает эту формулу проявлением энергетизма, утверждая, однако, что она неудачна с физической точки зрения, так как «дает повод думать о качественной тождественности массы и энергии». Почему именно с физической точки зрения нельзя так думать, остается сугубо неясным. Несколько выше автор говорит только о различных сторонах материальных объектов, фиксируемых массой и энергией. Тождество массы и энергии, конечно, не ликвидирует различия этих сторон; но почему последнее должно означать ликвидацию тождества массы и энергии, никак не разъясняется, и даже вопрос об этом не ставится. Невольно создается впечатление, что не физические соображения диктуют Л. Б. Баженову отказ от тождественности массы и энергии, а страх все перед тем же энергетизмом. Во всяком случае, те философы, о которых он говорит в вышеприведенной цитате, обвиняли физиков в энергетизме именно потому, что «эквивалентность» звучала для их уха как «тождественность». Л. Б. Баженов спасает закон Эйнштейна $E = mc^2$ от призрака энергетизма фактически только тем, что он разграничивает оба эти понятия. Но эта защита ненадежна; как ни разграничивай, а все-таки «эквивалентность» дает повод думать о тождественности; следовательно, кто так думает, вновь оказывается повинным в энергетизме.

Но так ли все это? Пишущий эти строки в одном лишь условно согласен с Л. Б. Баженовым: формула «эквивалентность массы и энергии» является, действительно, неудачной. Но неудачна она не тем, что дает повод думать о качественной

---

¹ Л. Б. Баженов. В сб.: Философия естествознания, вып. 1. М., 1966, гл. III.

тождественности массы и энергии, а, наоборот, тем, что не дает достаточного повода думать так. Она не выражает с достаточной ясностью идеи тождественности. Да, она намекает на тождественность, но не более; она как-бы затуманивает и «смягчает» истинное содержание закона Эйнштейна, состоящее в полной — количественной и качественной — тождественности массы и энергии.

Вот она, красная хламида! Если иные философы бросались в бой против энергетизма при одном лишь намеке на тождественность массы и энергии, то, услышав такую предельно законченную формулировку, им остается только руками развести: говорить уже не о чем. И действительно, не говорят. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что почти во всех философских статьях, трактующих вопрос о соотношении массы и энергии, точка зрения, полагающая эти величины тождественными, не обсуждается. Всякое аргументирование по поводу этой точки зрения считается как бы излишним. Она только фигурирует в рассуждениях как образец абсурда. Чтобы опровергнуть какое-либо воззрение, доказывают, что оно приводит к выводу о тождественности массы и энергии, т. е. к абсурду.

2. На самом деле, истинное содержание закона эквивалентности (взаимосвязи, пропорциональности и т. д.) массы и энергии состоит именно в тождественности обеих величин. Поэтому точнее всего было бы называть этот закон законом тождественности массы и энергии.

Нужно ли доказывать эту точку зрения? Казалось бы, для непредубежденного физика и философа вопрос предельно ясен — никакое иное толкование просто неспособно выразить истинный смысл формулы Эйнштейна $E=mc^2$. Достаточно сослаться на авторитетное мнение самого А. Эйнштейна. В работе «Творческая автобиография» он пишет: «Инертная масса замкнутой системы тождественна с ее энергией, так что масса перестает быть самостоятельным понятием». ² Несколько иными словами то же положение выражено в другой книге А. Эйнштейна: «Масса и энергия сходны по существу — это только различные выражения одного и того же». ³ Еще иная по форме, более наглядная, хотя менее точная формулировка дана в популярной книге А. Эйнштейна и Л. Инфельда «Эволюция физики»: «Согласно теории относительности нет существенного различия между массой и энергией. Энергия имеет массу, а масса представляет собой энергию.» ⁴

Нужно заметить, что все эти различные по форме, но выражающие одну и ту же идею формулировки основаны на чисто

---

² А. Эйнштейн, Творческая автобиография. — Физика и реальность. М., 1965, стр. 154.

³ А. Эйнштейн, Сущность теории относительности. М., 1955, стр. 43.

⁴ А. Эйнштейн, Л. Инфельд. Эволюция физики. М., 1965, стр. 164.

физическом понимании закона тождественности массы и энергии. Напомним, кстати, что Л. Б. Баженов, наоборот, находит какую-то «физическую точку зрения» с тем, чтобы отринуть тождественность. Налицо странное противоречие. Оно наблюдается и у многих других авторов, главным образом из числа философов, пишущих на эту тему. Подчеркнем еще раз: по всему видно, что не физические соображения, а необоснованная боязнь энергетизма препятствует им принять единственно правильное толкование.

Никакого энергетизма на самом деле утверждение о тождественности массы и энергии в себе не содержит. Если бы мы признали это воззрение «энергетическим», то пришлось бы приклеить ярлык энергетизма вообще ко всей современной релятивистской физике. Не столь давно так и делали некоторые наши философы, которым по крайней мере нельзя было отказать в последовательности. Ныне теория относительности реабилитирована, но последовательность утрачена. Нелогично, в самом деле, принимать с философских позиций теорию относительности как целое, и в то же время пытаться пересмотреть под предлогом опасности энергетизма один из ее важнейших выводов.

Странное впечатление производит обсуждение соотношения массы и энергии во многих выступлениях по этому вопросу. Обычно автор очень убедительно ведет рассуждение, вплотную подводящее к выводу, что масса тождественна энергии, и что в этом выводе нет никакого энергетизма. Но почему-то этот вывод не делается. Вместо этого, самого собой напрашивающегося вывода, подается малосодержательное и противоречивое решение, уводящее в сторону от сущности проблемы и лишенное убедительного физического обоснования, притом в противоречии со всеми предшествовавшими рассуждениями. Проследим, для примера, ход мыслей в цитированной выше статье Л. Б. Баженова, так как она является в этом смысле типичной.

В этой статье автор главные усилия направляет на опровержение мнения о взаимопревращаемости массы и энергии. На ряде общеизвестных примеров (ядерные реакции, аннигиляция и рождение пар) он добросовестно и убедительно показывает, что никакого взаимопревращения нет, так как во всех процессах масса остается массой и энергия энергией, ни во что другое не превращаясь (см. стр. 97 и сл.) Все это совершенно правильно. Непонятны, однако, мотивы, по которым Л. Б. Баженов предпринимает эти рассуждения, и непонятны делаемые им отсюда дальнейшие выводы. Л. Б. Баженов думает, что, опровергая взаимопревращаемость массы и энергии, он преграждает этим путь энергетизму. Ход его мыслей таков: если отождествить массу с материей, то превращение массы в энергию означало бы «исчезновение материи», превращение ее в энергию. Но ведь сам он всего лишь несколькими строками выше утверждает

ложность отождествления массы и материи. Следовательно, одного этого и так достаточно, чтобы лишить энергетизм всякой почвы. Вопрос же о взаимопревращаемости массы и энергии уже никакого отношения к «исчезновению материи» иметь не может. Если бы даже масса превращалась в энергию, это не означало бы никакой лазейки для энергетизма.

Следовательно, если все-таки, как и показывает Л. Б. Баженов, масса и энергия не могут превращаться друг в друга, то отсюда надлежит сделать выводы совсем иного порядка. Не торжествовать запоздалую победу над энергетизмом, а поставить естественно напрашивающийся вопрос: если по признаку взаимопревращаемости масса и энергия друг от друга не отличаются, то чем иным можно было бы обосновать их принципиальное различие? И существует ли вообще подобный критерий, который позволил бы отличать в принципе массу от энергии? Дело в том, что, доказывая непревращаемость массы и энергии, не следует забывать их эквивалентности (пропорциональности), выражаемой равенством $E = mc^2$. Если бы масса превращалась в энергию, то эта формула получила бы сразу смысл равенства, связывающего две существенно различных величины, превращающиеся друг в друга в эквивалентных количествах. Но превращаемости нет, а формула стоит и ждет толкования. Мы не знаем теперь, по какому признаку отличать массу от энергии. Нельзя сказать: вот была масса, а теперь ее уже нет, она превратилась в энергию. Тогда было бы ясно, что это две существенно различные величины. А раз этого нет, то и возникает настоятельный вопрос: чем отличить массу от энергии, и, если нельзя ничем, то не тождественны ли обе величины? Л. Б. Баженов этого естественно возникающего вопроса не ставит. Тем самым он просто уходит от его решения. Вместо этого он пускается в длинные рассуждения относительно того, почему, несмотря на отсутствие взаимопревращений массы и энергии, физики часто говорят о таковых превращениях. Не отрицая самостоятельного значения подобных изысканий, мы должны подчеркнуть, что они мало что дают для уяснения истинного смысла закона эквивалентности массы и энергии. Кстати говоря, найдя четыре обстоятельства, порождающих такую терминологию, Л. Б. Баженов даже не упоминает главной причины, дающей физикам известное реальное основание говорить о превращении массы в энергию. Подробнее об этом будет сказано в конце настоящей статьи.

В заключение Л. Б. Баженов останавливается (стр. 101—102) «на действительном философском значении закона пропорциональности массы и энергии». Оно формулируется им в двух пунктах. Оба пункта страдают крайней малосодержательностью, чему и не приходится удивляться, поскольку автор все время старательно уходил даже от постановки основного вопроса, не

говоря уже о его решении. Ни в том, ни в другом пункте Л. Б. Баженов не дает фактически никакого толкования формулы $E = mc^2$. Он дает только словесный пересказ этой формулы, сводящийся, после устранения риторически-диалектических украшений, к утверждению: существуют две различных величины — масса и энергия, которые раньше считались независимыми, а теперь они взаимосвязаны.

Ясно, что получение такого вывода означает отсутствие всякого продвижения в интересующем нас вопросе. Что масса и энергия взаимосвязаны, было известно уже с самого начала: взаимосвязь и есть просто сама формула $E = mc^2$. Вопрос не в том, существует ли взаимосвязь или нет (она существует, вот она: $E = mc^2$), а вопрос в том, какова причина этой взаимосвязи, в чем заключается ее внутреннее содержание. Физик никогда не примирится с простой констатацией взаимосвязи двух величин. Не имея вразумительного толкования, ему оставалось бы сослаться на странную, иррациональную игру случая.

3. Выше мы видели, что А. Эйнштейн считает массу и энергию тождественными по своей сущности величинами. Отметим прежде всего, что эта точка зрения полностью фундирует формулу $E = mc^2$: масса и энергия пропорциональны друг другу просто потому, что они являются одной и той же величиной, выраженной в различных единицах и имеющей различные размерности. Далее, эту точку зрения следует признать единственно мыслимой. Отвергнуть можно было бы ее только в том случае, если бы были найдены определенные критерии, которые позволили бы различать массу и энергию по существу. Мы уже видели выше, что подобным критерием не может служить взаимопревращаемость массы и энергии, поскольку ее не существует. Фактически никто из противников тождественности массы и энергии не указал такого критерия. Кто может сказать, например, как отличить массу фотона от его энергии? Существует ли хотя бы один процесс с участием фотона, в котором его масса и энергия вели бы себя по-разному? Таких процессов нет в природе, а если бы вдруг подобный процесс где-либо открылся, то это означало бы просто отмену формулы $E = mc^2$. Масса перестала бы быть эквивалентной энергии. Но закон этот является для нас исходной точкой; нашей задачей является как-раз установление его точного смысла. Поэтому мы не можем сослаться на гипотетические, фактически нигде не установленные обстоятельства.

Таким образом, тождественность массы и энергии является простым следствием одинаковости физической роли обеих величин. Обе они обладают в точности одними и теми же предикатами: все, что можно сказать о массе, верно и для энергии, и наоборот. Ни в чем существенном они не различаются. Следовательно, они тождественны по существу.

Рассмотрим возможные возражения. Часто утверждается, на-

пример, что масса является мерой инерции, а энергия мерой работы; а так как инертность и способность совершать работу являются, очевидно, двумя совершенно различными свойствами физических тел, то и масса и энергия являются качественно разнородными величинами. Примерно такой ход мыслей можно найти во многих статьях, в том числе и в цитированной выше статье Л. Б. Баженова (см. стр. 99) Но это возражение несостоятельно. Оно было бы уместно, если бы формула $E = mc^2$ не существовала. Инертность и способность производить работу являются, конечно, двумя различными свойствами материи, но, поскольку $E = mc^2$, то энергия в качестве меры инерции столь же хороша, как и масса, а масса столь же хорошо измеряет работу, как и энергия. Если бы это было не так, то не было бы и универсальной взаимосвязи $E = mc^2$. Существует, словом, только одна величина, которая одновременно является мерой как инерции, так и работы. Тут нельзя возразить, что этого не может быть; субъективные причины непринятия этого очевидного вывода, корнящиеся в привычных воззрениях нерелятивистской физики, не могут приниматься во внимание. В противном случае пришлось бы из соображений последовательности распространить эти субъективные мотивы на всю теорию относительности. Нет никакого смысла говорить, в силу старых привычек, о двух величинах там, где нет никакого реального критерия для их различения.

Здесь будет полезно напомнить хорошо известную аналогию. Тождественность массы и энергии имеет смысл, вполне аналогичный общеизвестному и общепризнанному тождеству инертной и тяжелой масс. Инертность и гравитация тоже являются (как и инертность и способность производить работу) двумя совершенно различными свойствами физических тел. Тем не менее, никто на этом основании не считает нужным признавать существование двух масс. Наоборот, принципиальное тождество инертной и тяжелой масс существенно для обоснования общей теории относительности; следовательно, отрицание этого тождества привело бы неизбежно к отрицанию общей теории относительности. Но если одна и та же величина — инертнотяжелая масса — способна быть мерой двух разнородных свойств материи, то почему нельзя признать то же и для меры инертности и работы? Эта общая мера и есть энергия, т. е. масса. Фактически, согласно только что сказанному, она является общей мерой трех свойств материи: гравитации, инертности и работы.

Иногда против тождественности массы и энергии выдвигаются и соображения размерности. Массу и энергию считают возможным различать по их размерности. Однако это возражение еще менее существенно, чем предыдущее. Конечно, масса и энергия имеют в обычных системах мер разные размерности; в этом ограниченном, чисто математическом смысле они являются, бес-

спорно, различными величинами. Однако у нас речь идет все время не о математических представлениях физических величин, а о самих физических величинах, т. е. о их сущности. Нас интересует то содержание понятий физических величин, которое не зависит от математического представления. Размерность же, как хорошо известно, не является подобным внутренним качеством, присущим физической величине, так как она зависит от ее представления в той или другой системе мер. В зависимости от выбора системы мер размерности могут быть различны. Следовательно, различие размерностей массы и энергии не означает различия их сущности. Известно, что легко можно построить такую систему мер, или даже бесчисленное множество систем, в которых масса и энергия не только численно совпадают, но имеют также одинаковую размерность.

Остановимся в заключение еще раз на вопросе о взаимопревращаемости массы и энергии. Хотя в самом общем смысле масса и энергия тождественны, и говорить о их превращении друг в друга не имеет поэтому смысла, можно, изменив терминологию, восстановить подобное словоупотребление. Можно условиться называть массой не всякую массу, а только энергию покоя. Наоборот, энергией можно условиться называть не всякую энергию, а только кинетическую массу. Тогда в любом процессе, где масса покоя не сохраняется (например, в процессе аннигиляции), мы будем иметь превращение массы в энергию (или наоборот). Эта формула вполне корректна, если только помнить, что термины «масса» и «энергия» имеют в ней новый, условный смысл. Следует подчеркнуть всю условность такой терминологии. Она неудобна в качестве универсальной терминологии уже потому, что привела бы к отмене законов сохранения массы и энергии в их привычной форме. Фактически в процессе аннигиляции происходит превращение одной формы энергии в другую форму массы (тут вновь «энергия» означает в силу закона тождественности в точности то же, что и «масса»). Говорить о превращении массы в энергию можно только приняв для одной из этих форм преимущественное название «масса», а для другой — «энергия».

Некоторое разумное обоснование эта условная терминология находит себе все-таки в том, что в нерелятивистском пределе массой называется именно энергия покоя, а энергией — кинетическая масса. Если помнить точное значение этих условных терминов «масса» и «энергия», то едва ли целесообразно полностью изгонять их из физического обихода. И выражение «взаимопревращаемость массы и энергии» тоже должно сохранить известные права на существование. По крайней мере, это и подобные ему выражения могли бы допускаться в тех случаях, когда по контексту исключается возможность каких-либо недоразумений относительно их точного значения. Можно с уверенностью сказать, что ни один физик не поймет таких выражений в смысле отказа от закона тождественности массы и энергии.

Поступила в редакцию 13 апреля 1966 г.

О ХАРАКТЕРЕ ЗНАНИЙ В ДРЕВНЕЙ ХИМИИ

Р. А. Вихалемм

Известно, что «практическая химия так же стара, как и мыслящее человечество, занимающееся производствами». ¹ Основы химии заложены в наблюдениях и практике «специалистов» по обработке металла, ювелиров, гончаров и др. Хорошую характеристику практической химии дает Дж. Бернал. Он пишет: «Процесс выплавки руд, очистки металлов, окраски их, покрытие глазурью — все это представляло собой сложные химические реакции, которые должны были изучаться во многих опытах, большей частью безуспешных. Положительные результаты воплощались в рецептах, которые должны были заботливо передаваться по наследству и точно исполняться». ²

Такой характеристике соответствует первая ступень познания в химии, ступень чувственно-практического знания (знания определены, являются знаниями лишь в отношении к чувственной, практической ситуации: это — умения) В рецептах фиксировали практические приемы и все наблюдаемое при проведении превращений веществ.

У Дж. Бернала имеются и интересные соображения о происхождении рационального мышления. Он пишет: «... возможность рационального мышления человека возникает при его отношениях с окружающим его физическим миром. Обладая таким простым изобретением, как, например, рычаг, можно было со временем узнать, что происходит с одним его концом, если передвинуть другой. Именно на основе координации глаза-руки впервые возникла рациональная наука механика. И именно в этой области стало возможным *увидеть* и интуитивно *почувствовать*, как что-то действует» ³ Ясно, что знания о таких явлениях, которые можно «увидеть и интуитивно почувствовать», становятся относительно самостоятельными, «отрываются» от, так сказать, актуальной чувственно-практической ситуации, т. е. ста-

¹ Б. Н. Меншуткин. Химия и пути её развития. М.—Л., 1937, стр. 6.

² Дж. Бернал. Наука в истории общества. М., 1956, стр. 77—78.

³ Дж. Бернал. Указ. соч., стр. 51.

новятся понятными, имеют определенный смысл и вне чувственно-практической ситуации. Однако химические явления невозможно было понимать таким же образом. Дж. Бернал пишет: «Тем же рациональным способом невозможно *увидеть*, что случилось бы в результате любого действия в приготовлении пищи или напитков. Но можно *узнать*, прежде всего сделав что-нибудь, а затем вспоминая и обдумывая проделанное». ⁴

Познание начинается с постепенного осознания практической деятельности. В. В. Быков, рассматривая развитие познания исходя из процесса труда, показывает, что у непосредственного производителя должны существовать знания в форме логических моделей, которые воспроизводят системы взаимодействий простых моментов труда. ⁵ «Однако, — пишет он, — в процессе труда непосредственный производитель, наряду с механическими взаимодействиями приводит в движение сложные химические (например, производство красок и их применение), биологические (животноводство и земледелие) взаимодействия. Поэтому логические модели непосредственного производителя не представляют собой такие системы понятий, все элементы которых имеют логические связи. Логическая модель непосредственного производителя прерывна». ⁶

Поэтому (т. е. ввиду прерывности логической модели) вначале были чувственно-практическими не только химические, но и механические знания. Знания имели определенный смысл лишь в непосредственном процессе труда. Они и передавались от поколения к поколению посредством обучения в процессе труда и коллективной деятельности. «Лишь разработка механических конструкций средств производства и потребительных стоимостей создала предпосылки для выхода к логическим моделям, все элементы которых логически связаны между собой». ⁷

Чисто чувственного познания не существует, ибо познание предполагает осмысливание чувственных данных. Это осмысливание на чувственно-практической ступени познания происходит наглядно-образным мышлением на «фоне» («при помощи») непосредственного процесса труда и коллективной деятельности, т. е. в практике.

С появлением относительно самостоятельных рациональных знаний становится уже возможным осмысливание чувственных данных не только на «фоне» непосредственной производственной деятельности, но и на «фоне» этих рациональных знаний

⁴ Там же.

⁵ Имеется в виду определение К. Маркса: «Простые моменты процесса труда следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 189.

⁶ В. В. Быков. Гносеологическое значение «Капитала» К. Маркса для изучения структуры процесса познания. — Дialeктика — теория познания. Историко-философские очерки. М., 1964, стр. 158.

⁷ Там же, стр. 159.

посредством *аналогий*, построением модельных представлений. (Кстати, вместе с тем становятся возможными и иррациональные знания.)

Предполагают (исследования проф. Дэвиса), что химия, как определенное *учение* зародилось в Китае.⁸ Дж. Бернал пишет: «химические идеи возникали из применявшегося в то время метода мышления посредством аналогий. Химии внутренне присуща некая двойственность (которая, как мы теперь это знаем, обусловлена недостатком или избытком электронов), примером чего могут служить металлы и неметаллы. Имеются основания для того, чтобы считать первыми, кто определил наличие такой двойственности китайцев, которые уже в доисторические времена использовали красную киноварь в качестве магической замены для крови и разлагали ее на основные элементы — серу и ртуть. Отождествляя эти последние со всеобщими мужским и женским началами Ян и Инь, которые сами имели тотемистическое происхождение, секта даоистов разработала систему алхимии, весьма вероятно породившую сначала индийскую, а затем арабскую алхимию».⁹

Установление дуализма в химии и мышление аналогиями соответствует уже второй ступени познания, это — первые рациональные (т. е. не чувственно-практические) знания в химии, первые выражения логики химии. Аналогично тому, как по выражению В. И. Ленина, «... практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики» и «фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер в силу этого миллиардного повторения»,¹⁰ и дуализм, существование «первоначал» ртути и серы получил в химии «прочность предрассудка», вначале в виде женского и мужского начал.

Такое химическое знание уже принципиально отличается от знаний, фиксированных в рецептах (т. е. от чувственно-практических знаний), так как оно является относительно самостоятельным, является определенным знанием уже вне практической, конкретной ситуации проведения химических превращений, становится в какой-то мере понятным и нехимику, человеку, который не занимается проведением химических превращений. Ян и Инь, мужское и женское начала, конечно, не объясняют свойств серы и ртути, но таким образом выражается рациональное знание (хотя и в форме аналогии) — знание об объективно существующем в химии дуализме.

То обстоятельство, что именно сера и ртуть играли важную роль в истории химии, является не случайным. Здесь, во-первых, важны химические и физические свойства этих веществ. Сера

⁸ Б. Н. Меншуткин. Указ. соч., стр. 16.

⁹ Дж. Бернал. Указ. соч., стр. 166.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 198.

относится к весьма распространенным металлоидам и встречается также в самородном состоянии. Она очень хорошо горит и является при нагревании химически весьма активным элементом, который соединяется почти со всеми металлами. Надо иметь в виду, что большинство других активных металлоидов являются труднооткрываемыми, ибо они суть газы. С другой стороны, следует отметить, что соединение серы с ртутью — киноварь (сульфид ртути — HgS) — является важнейшей рудой ртути. Если к этому еще добавить, что разложить киноварь довольно легко и металлическая ртуть имеет своеобразные, заметные внешние свойства (находится в жидком состоянии и легко образует сплавы с другими металлами — амальгамы), то становится понятным, почему именно ртуть и сера были теми элементами, на основе изучения которых начала вырисовываться логика химических явлений.

Во-вторых, надо иметь в виду закономерности познания. Познание начинается с установления внешних свойств объектов. А так, как в общественно-исторической практике важную роль играл огонь, который был естественным и первым самым мощным и обыкновенным фактором проведения химических превращений, то свойства веществ выяснялись прежде всего в отношении к огню. При этом, как пишет Б. М. Кедров, на первых порах познания «свойства стали рассматриваться не как относительные, а как некоторые абсолютные, вечные, неизменные «сущности», или «субстанции». Способность тела загораться и гореть выступила поэтому не как отношение данного тела к огню, каковым она была в действительности, а как некое «начало», как скрытая в теле горючая «сущность», названная «серой».¹¹ В установлении этого «начала» горючести «прототипом» была, несомненно, реальная сера.

Изучение металлов началось также с внешних свойств, которые обнаруживаются в отношении к огню. Л. А. Чугаев писал: «Еще у египтян сложилось представление, что в основе всех металлов лежит некоторое первичное вещество, сообщающее им, как казалось, наиболее характерное свойство — плавкость, затем ковкость и т. д.; и за такое вещество считали легкоплавкий свинец».

Когда стала известна ртуть, то свойство ее — жидкое состояние (так сказать абсолютная плавкость), соединенное с металлическим видом, произвело настолько сильное впечатление, что в нее перенесли роль *materia prima* или «души» металлов». ¹² Древние химики признавали несколько сортов ртути, а общим началом, как и в случае серы, считали некоторую особую субстанцию — «ртуть философов».

¹¹ Б. М. Кедров. О количественных и качественных изменениях в природе. М., 1946, стр. 17.

¹² Л. А. Чугаев. Избр. труды, т. III. М., 1962, стр. 362.

Следует отметить, что, в основном, действительное развитие химии осталось и во весь алхимический период (т. е., в основном, от VII до начала XVI вв.) на ступени чувственно-практических знаний; рациональный момент не становился относительно самостоятельным *химическим* знанием; на рациональной ступени не возникли новые химические знания. Л. А. Чугаев, например, обоснованно отмечал: «Идейная сторона алхимии опиралась на философские системы Платона, Аристотеля и неоплатоников, к которым присоединялись еще некоторые верования восточного происхождения»¹³ Действительные химические знания были чувственно-практическими (это были знания о том, что и как делать, и что при этом можно наблюдать), которые можно было усвоить лишь непосредственно от мастера в химической лаборатории (мастерской).

М. П. Крослэнд в своем исследовании о языке химии приходит к следующим выводам об алхимии:

«а) алхимические знания не были предназначены для случайного (casual) читателя;

б) практические умения невозможно было получать из книг;

в) лишь немногие алхимические авторы писали о личных опытах;

г) алхимическая литература содержит много заблуждений или неверных утверждений».¹⁴

Но постепенно возникали и логические обобщения (хотя часто в форме труднопонимаемых аналогий), развивалась рациональная сторона в химическом познании.

Что касается древнегреческих натурфилософских учений, с которых обычно начинают изложение истории химии, то следует отметить, что они не так уж тесно связаны с возникновением и развитием химических знаний. Химические знания лишь впоследствии пытались связать с натурфилософскими догадками.

Правильно отмечает Дж. Бернал: «Химия никогда не входила в классический канон, и элементы Аристотеля — земля, вода, воздух и огонь — всегда имели скорее метеорологический и физический, чем химический аспект».¹⁵ Об этом же писал П. Вальден: «Его (древнего грека — Р. В.) личные нужды, его зависимость от климата, от воды, огня, земли приводят его к четырем элементам. Его личная психология переносится на эти элементы, снабженные поэтому чувствами дружбы, ненависти (имеется в виду учение Эмпедокла — Р. В.) и т. д.»¹⁶

¹³ Там же.

¹⁴ М. P. Crosland. Historical Studies in the Language of Chemistry. Cambridge, Massachusetts, Harvard university Press, 1962, p. 45.

¹⁵ Дж. Бернал. Указ. соч., стр. 260.

¹⁶ П. И. Вальден. О влиянии физики на развитие химии. — Наука и жизнь, ч. III. Пг., 1921, стр. 41.

Атомистические учения Левкиппа, Демокрита, Эпикура, Лукреция Кара тоже не были прямо связаны с химической практикой, а возникали как умозрительные объяснения некоторых явлений, наблюдаемых в повседневной жизни. В поэме Лукреция Кара «О природе вещей» рассматриваются, например, следующие явления при изложении атомистического учения: ветер, вода, запах, жара, холод, звук, платье, которое сыреет и сохнет, кольцо, которое становится тоньше, и др.¹⁷

Итак, химические знания были в древности, в основном, чувственно-практическими. Но благодаря повторению результатов при проведении химических превращений и мышлению посредством аналогий, имелись также некоторые рациональные знания, была известна в какой-то мере и так называемая химическая логика.

Поступила в редакцию 10 декабря 1966 г.

---

¹⁷ Лукреций. О природе вещей. М., 1937, стр. 40—42.

ДВИЖЕНИЕ ПОЗНАНИЯ ОТ БЫТИЯ (НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ) К СУЩНОСТИ В ИСТОРИИ УЧЕНИЯ О ХИМИЧЕСКОМ СРОДСТВЕ

Р. А. Вихалемм

В. И. Ленин, материалистически переосмысливая «Науку логики» Гегеля, подчеркивал, что категории суть ступени развития познания. Такими наиболее общими ступенями являются бытие (непосредственные явления) и сущность, причем познание движется от менее глубокой сущности (1-го порядка) к сущности все более глубокой (2-го и т. д. порядков). В. И. Ленин писал: «Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность — таков действительно *общий ход* всего человеческого познания (всей науки) вообще. Диалектика Гегеля есть, *постольку*, обобщение истории мысли. Чрезвычайно благодарной кажется задача проследить сие конкретнее, подробнее, на *истории отдельных наук*». ¹

В данной статье рассматривается движение познания от непосредственных явлений (бытия) к сущности на материале истории учения о химическом сродстве. (История познания сущности химического сродства является, собственно говоря, историей познания сущности химизма, химической формы движения вообще.) В связи с этим обращается внимание и на чувственно-практическую, рациональную (до экспериментов и теории), эмпирическую (экспериментальную) и теоретическую ступени познания. ²

*   *
*

Начальный этап познания химического сродства. Термин «сродство» (affinitas) употребил в химии впервые Альберт Великий в XIII веке. Он писал: «Сера делает серебро черным и вообще сжигает металлы вследствие ее сродства с этими вещест-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 298.

² См. об этом нашу работу О ступенях познания. — Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 187, 1966, стр. 13—27.

вами». ³ Здесь «сродство» выражает «нечто похожее на обыкновенную родственную связь между телами», а «положение Гиппократа — «*simile venit ad simile*» — имело значение закона природы». ⁴

По-видимому, логика рассуждений была следующей. Реальная сера является почти чистой «горючестью», которая состоит из «начала» серы (свойства рассматривались на начальной ступени познания как некоторые «субстанции», «начала») А так как металлы тоже горят, то, следовательно, и они должны содержать начала горючести. Таким образом, и получалось, что металлы являются сходными, родственными по природе с серой. И это считалось объяснением того, почему сера реагирует с металлами. Трудно объяснить, почему родственность считали причиной соединения тел. Здесь, по-видимому, немаловажную роль играет антропоморфность мышления, как отмечается во многих работах. Но мы имеем дело и с тем, что Гегель назвал «формальным способом объяснения из тавтологических оснований», поскольку, здесь выражается «в форме рефлексии в себя, существенности, то же самое содержание, которое уже имеется в форме непосредственного, наличного бытия .» ⁵ Тела имеют одинаковые свойства (горят, соединяются между собой и т. д.) потому, что содержат одинаковые «начала», а одинаковые «начала» содержат потому, что имеют одинаковые свойства. Тела соединяются между собой потому, что имеют сродство друг с другом, — сродство имеют потому, что являются родственными, — родственны потому, что содержат одинаковые «начала» и т. д.

На чувственно-практической ступени познания из наблюдаемых химических процессов абстрагировано свойство, склонность веществ к взаимодействию, превращению. Это обстоятельство и позволяло оперируя термином «сродство», прикрывать фактическую тавтологию — «вещества реагируют друг с другом потому, что они реагируют» — и получать на чисто формально-логической плоскости нетавтологическое положение — «вещества реагируют между собой потому, что имеют сродство друг с другом». Термином «сродство» обозначено реальное, наблюдаемое (но пока никак не объясненное) явление в химии. Тем самым это явление оказалось на рациональной ступени выражаемым, делались попытки логически обосновать обнаруженные в химической практике факты (чувственно-практические знания), касающиеся химического сродства и высказывались различные натурфилософские догадки о его природе. Можно сказать, что было

³ Цит. по P. Walden. The beginnings of the doctrine of chemical affinity. — «J. of Chem. Educ.», No 1, 1954, p. 30.

⁴ См. А. Потылицын. О способах измерения химического сродства. СПб., 1880, стр. 1.

⁵ Гегель. Соч., т. V. стр. 544.

осознано «бытие» химического сродства. «Бытие» же, как известно, с логической стороны, является самой малосодержательной категорией. Все познанное содержание химического сродства, все знание, осталось лишь чувственно практическим.

Очень важными, с точки зрения истории учения о химическом сродстве, являются работы Гебера с XIII века.⁶ Гебер говорил уже не просто о сродстве, а сравнивал металлы (ему известные) по их сопоставлению к некоторым химическим агентам, составлял первые «ряды сродства». Тем самым оказалось возможным говорить о разной степени сродства у различных веществ в отношении друг к другу (это — зарождение количественного момента, но, так сказать, в качественной форме, ибо сродство между каждой парой веществ остается постоянным, оно «изменяется» лишь в отношении других веществ)

В дальнейшем в течение длительного периода, в основном, происходило экстенсивное развитие учения о химическом сродстве: осуществлялся все больший охват открываемых новых веществ и явлений, причем в учении качественно ничего не изменилось (оно осталось формальным способом объяснения на тавтологических основаниях); возникали только новые факты и представления или «теории», при помощи которых выражалось это учение на рациональной ступени, а во многих работах сродство и не пытались объяснять, но в то же время все новые химические явления «объяснялись» сродством (или «симпатией», «любовью») Проявлением химического сродства (стали также применять термин «избирательное сродство») обозначали различное поведение различных веществ относительно друг друга (одни вещества соединяются между собой лучше, другие — хуже, третьи — вообще не реагируют; одни вещества вытесняют в определенном порядке другие из их соединений — «ряды сродства» и т. д.). М. А. Блох справедливо отмечал, что «едва ли можно на протяжении всей истории химии указать на один успех в какой-либо области естественных наук, который не оказал бы влияния на определение понятия сродства в химии».⁷

В XVI—XVII вв., как известно, возрождались (на новой основе) атомистические представления древних философов. На основе возрожденной корпускулярной теории и механики, которая была наиболее развитой наукой в то время, пытались рационально обосновать и химию. Создавались механические аналогии и качественные модельные представления о химических явлениях, в том числе и о химическом сродстве (Юнгиус, Бойль, Мэйов, Ньютон, Ломоносов, Бюффон и др.). Экстраполирование

---

⁶ См. P. Walden. Указ. соч.

⁷ М. А. Блох. Жизнь и творчество Вант-Гоффа. НХТИ, Пг., 1923, стр. 117.

единственных (в то время) строго логически связанных знаний на химические явления было естественным и являлось, безусловно, необходимой предпосылкой для выяснения специфики химии и создания строго логически связанных химических знаний. Однако корпускулярные и механические представления были очень абстрактными для химии того времени. Надо было сначала практически основательно изучить качественную сторону химии. Так и возникла качественная «теория флогистона», которая позволила химикам исследовать реальные химические отношения между веществами.

Следует отметить, что многие ученые XVII—XVIII веков (Лемери, Физе, Моне и др.) обратили внимание на то, что учение о сродстве имеет лишь формальный характер, что сродство ничего не объясняет. Моне, например, писал: «... вся теория сродства была химера, которая не может дать ничего полезного...»⁸ Эта оценка, конечно, не справедливая, ибо, как мы уже показали, хотя сродство ничего и не объясняло, однако этот термин и различные догадки о природе сродства помогли рационально выразить и классифицировать особые, объективные явления в химии и вообще отличить химические явления от механических и других явлений. Тем самым и химическое сродство получало постепенно качественное определение, выяснялась специфика этого явления (и специфика химии вообще).

Начало экспериментального исследования химического сродства. В 1718 г. Э. Ф. Жоффруа представил во Французскую Академию наук таблицу сродства, где в верхней горизонтальной строке были расположены знаки различных веществ, а под каждым знаком в вертикальных столбцах — знаки веществ, химически действующих на данное вещество, причем в таком порядке, что верхнее вытесняет нижнее из его соединения с веществом в верхней горизонтальной строке.

Таблица Э. Ф. Жоффруа, где вещества были расположены в раз и навсегда установленном порядке являлась, конечно, очень примитивной: не учитывались условия реакций (концентрация, температура, среда и т. д.), все сравнимые и несравнимые реакции были собраны в одну таблицу, но все же — это необходимый этап в познании химических явлений вообще и особенно химического сродства. На наш взгляд, прав был А. Потылицын, когда он писал: «Заслуга Жоффруа заключается в том, что он в числе первых признал сродство не метафизическою (в смысле натурфилософии — Р. В.) сущностью, а физической силой, величину которой можно измерить и выразить числом, какова бы ни была ее сущность. С этого времени учение о химическом сродстве становится на путь опыта, который таким обра

---

⁸ J. R. Partington. A History of Chemistry. Vol. III. N. Y., 1962, p. 102.

зом перестает быть случайным (разрядка наша — Р В.), а направляется научной гипотезой».⁹

Жоффруа рассматривал явление химического сродства как проявление закономерных отношений веществ. Он уже не ограничивался, как его предшественники, констатированием, что причиной соединения веществ является их свойство — сродство друг с другом (при таком констатировании, говоря в стиле Гегеля, сродство рассматривается лишь как нечто внутреннее и, следовательно, вместе с тем как нечто внешнее) Он не рассуждал и о природе сродства, а ставил вопрос иначе: указывал на обстоятельство, что в природе существуют экспериментально определяемые, постоянные отношения между веществами, согласно которым протекают химические реакции.

Это — начало нового этапа в истории учения о химическом сродстве, а именно: его экспериментального изучения; выяснен эмпирический объект исследования. Здесь уместно привести замечание В. И. Ленина: «... пока не умели приняться за изучение фактов, всегда сочиняли а priori общие теории, всегда оставшиеся бесплодными. Метафизик-химик (в смысле — натурфилософ — Р В.) не умея еще исследовать фактически химических процессов, сочинял теорию о том, что такое за сила химическое сродство? Нелеп тут был уже прием. прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения и суметь поставить на научную почву изучение фактов »¹⁰

В течение некоторого времени занимались просто дополнением и составлением таблиц сродства. Наиболее известной является таблица Бергмана (1775). (В вопросе о причине химических явлений Бергман имел взгляды, напоминающие положения французского ученого Бюффона.) Согласно Бергману, сила избирательного сродства есть всегда определенная и постоянная величина каждого вещества, которая однозначно определяет ход реакции.

Положение Бергмана — это то же объяснение на тавтологических основаниях: в «теории сродства» лишь констатируется наблюдаемое в химической практике. Имелись таблицы (ряды) сродства, составленные по качественным опытным данным, но не было еще достаточно зафиксированных опытных данных (особенно количественных) о влиянии различных условий на ход реакции, о существовании обратимых химических превращений. Таким образом, естественно, что единственным возможным «объяснением» было заявление, что таблицы сродства построены на основе постоянной силы сродства каждого вещества относительно других веществ. Бергман попытался выразить силу срод-

⁹ А. Потылицын. Указ. соч., стр. 7.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 141—142.

ства и цифрой. Он сопоставил качественный ряд сродства с количественным рядом насыщения определенного веса щелочи или кислоты. (Такие попытки делались также другими учеными.)

Вскоре (1801—1803), согласно закону раздвоения единого и познания противоречивых его сторон,¹¹ появились противоположные Бергману взгляды Бертолле. В химической практике приходилось все больше сталкиваться с обменными реакциями, где учение Бергмана оказалось недостаточным. В результате изучения обменных реакций Бертолле пришел к выводу, что «избирательное сродство действует не как абсолютная сила, посредством которой одно вещество могло бы быть вытеснено другим, а во всех соединениях и разложениях, которые являются результатом избирательного сродства, вещество, на которое действуют два других вещества с противоположными силами, распределяется между этими веществами. Пропорция этого распределения определяется не только силой сродства, но и имеющимся количеством действующих веществ так, что для произведения равных степеней насыщения количество может возмещать недостаточность силы сродства».¹² Химическое действие определяется, по Бертолле, произведением сродства вещества на его весовое количество (это произведение он назвал химической массой)

Взгляды Бертолле соответствовали новым качественным эмпирическим данным (необходимых количественных данных для количественного учения еще не было) о химическом процессе. Как Бергман, так и Бертолле пытались прямо, без промежуточных звеньев и количественных данных, объяснять наблюдаемые макроявления микроявлениями, причем последние они трактовали умозрительно, как просто механические взаимодействия тел уменьшенных до микроскопических частичек. Никаких экспериментальных микровеличин ни у Бергмана, ни у Бертолле еще не было. Роль Бергмана и Бертолле в развитии учения о химическом сродстве заключается в том, что они выразили при помощи механических представлений в рациональной, логической форме качественные экспериментальные данные о химическом сродстве. Никакого теоретического объяснения химическому сродству в то время еще невозможно было найти: до этого необходимо было еще исследовать вопрос количественно, и прежде всего выяснить, как измерять реагирующие химические вещества, найти химические единицы вместо абстрактных для химии простых весовых единиц. Развитие взглядов Бертолле оказалось возможным лишь во второй половине XIX века.

Дифференциация проблемы химического сродства. Химические единицы были установлены с возникновением в начале

¹¹ См. сб. Противоречия в развитии естествознания. М., 1965.

¹² C. L. Berthollet. Untersuchungen über die Gesetze der Verwandtschaft. — Ostwald's Klassiker, Nr. 74. Leipzig, 1896, S. 5.

XIX века теоретически обоснованных стехиометрических законов, т. е. с возникновением химической атомистики (Дальтон, 1803) и молекулярного учения (Авогадро, 1811; Ампер, 1814).¹³ На первый план в истории химии закономерно выдвинулась проблема состава и строения веществ. Проблема химического сродства дифференцировалась: во-первых, проявление химического сродства между веществами в химическом процессе; во-вторых, проявление химического сродства в составе и строении веществ, сродство между атомами в молекуле.¹⁴

На основе фактов о связи химизма и электричества Дэви (1807) и Берцелиус (1812, 1818—20) выдвинули идею о том, что сродство между атомами имеет электрическую природу. Были предложены качественные модельные представления о действии электрических сил при соединении атомов. Взгляды Берцелиуса получили впоследствии как-бы определенное подтверждение (на новой основе) в учении об ионах в теории электролитической диссоциации Аррениуса (1885—87). Вскоре после открытия электрона стало зарождаться учение сродства атомов с электроном (Абегг и Бодлендер, 1899), а также множество качественных (до применения квантовой механики) модельных представлений об электронном строении молекул.

В 30—60 годы XIX века особенно интенсивно развивалась органическая химия. Вопросы о сущности химического сродства были оттеснены на второй план, но конкретизировалась его качественная характеристика: появилось учение о валентности, или «атомности», стали говорить о единицах сил сродства (Франкленд, Купер, Кекуле, в конце 50-х годов XIX в.) и возникла теория химического строения (основы заложены Бутлеровым в 1861 г., а Ле Бель и Вант-Гофф расширили теорию стереохимическими представлениями в 1874 г.) Так как в неорганической химии встречались так называемые молекулярные (комплексные) соединения, которые не объяснялись классической теорией химического строения, появилось еще учение о комплексных соединениях (Вернер, 1893). связанное с представлением о главных («обычных») и побочных валентностях.

Этот «органический» этап в истории химии имел важное значение и в другом отношении. Именно органические реакции протекают (в отличие от неорганических) медленно и неполностью. Это обстоятельство дало возможность изучать необходимые предпосылки для решения проблемы сродства между веществами: скорость, условия протекания и равновесия химической реакции.

¹³ Четкое разграничение понятий атома, молекулы и эквивалента стало возможным лишь после международного конгресса химиков в Карлсруэ (1860), в большой мере на основе работы Канницаро (1858).

¹⁴ На такое раздвоение обратил внимание Д. П. Коновалов в своей речи О химическом сродстве. — Журнал Русского физико-химического общества, т. XXX, (хим. часть), отд. II. 1898, стр. 227.

Попытаемся объяснить дифференциацию проблемы химического средства в логико-познавательном аспекте. Уже Энгельс указал: «Надо сначала знать, что такое данный предмет, чтобы можно было заняться теми изменениями, которые с ним происходят».¹⁵ Б. М. Кедров показывает, что при познании вещества, то есть при выяснении «что такое данный предмет», последовательно возникают следующие проблемы: свойства, свойства — состав, состав — структура, структура — свойства. При этом обнаруживается, что новый цикл (познание нового вида вещества) начинается раньше «замыкания» предшествующего.¹⁶ Эти общие закономерности познания вещества надо иметь в виду и при анализе истории учения о химическом средстве.

Свойства, как известно, проявляются в отношениях. Свойство химического средства проявлялось в отношениях между веществами в химических процессах. После установления состава химических веществ, свойства их, в том числе и химическое средство, стали соотносить с их качественным и количественным составом, а закономерности состава и затем свойства, стали объяснять строением соединений. Кроме отношений веществ в химических процессах, откуда были почерпнуты знания о химических свойствах тел, в том числе и представления о химическом средстве, возникли еще отношения между составными частями (атомами) химических соединений, а тем самым и свойства, которые относятся уже к этим частям (атомам). Таково и есть возникновение нового цикла в познании вещества (начинается познание атомов), начинающегося опять из свойств веществ (из свойств атомов) после установления состава в предыдущем цикле. Обнаруженное в химических процессах свойство веществ — средство их друг с другом — переносится, но получив объяснения, на элементарные составные части химического вещества. Из данных реакций между простыми веществами и из состава и строения веществ возникают знания о средстве химических элементов, атомов друг с другом. С проникновением же в состав атомов, после открытия электрона, имеет место очередной «перенос» свойства средства: оно рассматривается между атомом или их отдельной группой и электроном (Абегг и Бодлендер)

Такой «перенос» химического средства, т. е. специфически химического свойства, от веществ к атомам (а затем на уровень структуры атомов) имел существенное значение, ибо вместо суммарного, качественного рассмотрения стал возможным другой подход. Выяснилась мера химического вещества и область эле-

---

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 303.

¹⁶ B. M. Kedrow. Die dialektische Logik und die Naturwissenschaft. — Naturwissenschaft und Philosophie. Berlin, 1960; его же. Общий ход познания вещества. — «Вопросы философии», № 4, 1965.

ментарного взаимодействия при превращении веществ. Дело в том, что химическое превращение веществ, реальный химический процесс, — это единство механических, физических и, так сказать, элементарно-химических процессов. Поэтому, используя модельные представления, надо было исследовать проявление уже известных механических и физических законов и принципов в химическом процессе, чтобы открыть новые законы — законы (количественные) химического превращения. В химическом процессе было выделено два уровня и две ступени («промежуточные звенья»): 1) молекулярный уровень — движение молекул (исходных и возникающих в результате реакции) и изменение их количества (в результате превращения одних молекул в другие), т. е. не рассматривается (непосредственно) элементарное химическое превращение — превращение молекул; 2) атомный уровень — взаимодействия и взаимоотношения между атомами при разложении одних и образовании других молекул, т. е. непосредственно элементарное химическое превращение.

Во второй половине XIX века, с возникновением физической химии, стало возможным открытие сущности химического сродства на молекулярном уровне (соответствующие «предметы» — реагирующее вещество и молекула — были достаточно исследованы, можно было «заняться теми изменениями, которые с ними происходят»). О сущности же химического сродства на атомном уровне оказалось возможным говорить лишь после зарождения квантовой химии во второй четверти XX века, когда выяснился характер движения электронов при соединении атомов (до этого надо было знать, «что такое данный предмет» — атом; надо было в познании атома «замкнуть кольцо»: свойства, свойства-состав, состав-структура, структура-свойства)

Молекулярно-кинетическая сущность химического сродства.

Первое количественное учение о химическом сродстве было создано К. Гульдбергом и П. Вааге (1864).¹⁷ Их совместная работа 1864 года¹⁸ является чисто эмпирической. Но важно то обстоятельство, что Гульдберг и Вааге ввели в химию, вместо абсолютной массы вещества и неопределенной силы сцепления Бертолле (не дававших возможности экспериментально определять равновесие), экспериментальную величину — концентрацию веществ. Используя эмпирические коэффициенты и показатели степеней при концентрациях, Гульдберг и Вааге определили математическую зависимость между концентрациями исходных и конечных веществ при химическом равновесии (равновесие они

¹⁷ См. И. Я. Кипнис. Гульдберг и его вклад в развитие физической химии. — Очерки по истории химии. М., 1963, стр. 329—369.

¹⁸ См. Studien über die Affinität. — Ostwald's Klassiker, Nr. 104. Leipzig, 1899, S. 3—9.

трактовали как равновесие противоположных сил исходных веществ и продуктов реакции).

Переход к сущности происходит на теоретической ступени познания. Теоретическое мышление является диалектическим, «имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий». ¹⁹ В следующей работе Гульдберга и Вааге (1867) уже делается попытка анализа найденной эмпирической зависимости (закона действия масс) и соответствующих понятий. Обосновывая действие концентрации (авторы применяют термин — «действующая масса») в химическом процессе, Гульдберг и Вааге выясняют взаимоотношение механических и специфически химических сил: «Химические притяжения действуют только на очень малых расстояниях. Если расстояние увеличивается, исчезает их действие. Сфера, определенная областью, равной расстоянию, за которым их действие становится нечувствительным, называется сферой притяжения или сферой действия. Абсолютная величина этой сферы не может быть определена. К счастью, достаточно знать и относительную величину, а можно выбрать произвольный объем, например, один кубический сантиметр. Количество вещества, которое находится в 1 куб. см. общего объема носит название действующей массы (*die active Masse*)». ²⁰ В 1879 году выходит работа Гульдберга и Вааге «О химическом сродстве», в которой, на основе молекулярно-кинетических представлений о химическом равновесии (развивавшихся начиная с 50-х годов XIX века: Вильямсон, Клаузиус, Пфаундлер и др.; понятие о скорости реакции ввел в химию Вильгельм в 1850 г.), имеется уже теоретическая трактовка химического сродства, выяснена его молекулярно-кинетическая сущность. Гульдберг и Вааге анализируют природу понятий, употребляемых в учении о химическом сродстве. Они пишут, что при рассмотрении равновесия между исходными веществами А и В и продуктами А¹ и В¹ недостаточно предположения о силах притяжения между веществами и их составными частями. «Состояние равновесия, которое наступает при такого рода химических процессах есть состояние подвижного равновесия, так как одновременно имеют место две противоположные химические реакции: протекает не только образование А¹ и В¹ но и обратное образование А и В. Если в единицу времени образуются равные количества каждой из этих пар — существует равновесие». ²¹ Согласно этим новым взглядам, скорость реакции зависит от частоты столкновений молекул реагирующих веществ, которая является пропорциональной числу

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 537—538.

²⁰ C. M. Guldberg und P. Waage. Untersuchungen über die chemischen Affinitäten. — Ostwald's Klassiker, Nr. 104, S. 16.

²¹ C. M. Guldberg und P. Waage. Ueber die chemische Affinität. — Ostwald's Klassiker, Nr. 104, S. 131—132.

этих молекул в единице объема. Таким образом, «сила», например исходных веществ, оказывается скоростью прямой реакции («сила» продуктов — скоростью обратной реакции). Эмпирические постоянные получают четкую физическую интерпретацию.

Теоретическое познание какого-либо явления, открытие его сущности состоит в том, что путем анализа природы самих понятий достигается единство противоположностей. Явление оказывается логически выражаемым, определяемым через «свое другое», оно утверждается его же отрицанием. Химическое сродство, склонность веществ в взаимному химическому взаимодействию, определяется через химическую устойчивость, равновесное состояние веществ. При этом специфически химическое объясняется через не химическое как «свое другое».

Переход к сущности происходит через познание единства качественных и количественных изменений, т. е. меры. До количественного изучения, сродство казалось совершенно постоянным свойством между каждой парой веществ (трактуемых тоже лишь качественно). Об изменчивости сродства, о его разной степени, в том числе и об отсутствии сродства, можно было говорить лишь в отношении различных веществ (наличие сродства, его разная степень и отсутствие не были внутренне связаны). Постепенно выяснилась зависимость сродства между одними и теми же веществами от различных условий. Гульдберг и Вааге показали, что в изменении соотношения концентраций исходных и образующихся веществ, т. е. количества этих веществ (их частичек, молекул) в единице объема, проявляется количественная сторона химического сродства. Мерой этого изменения является равновесие, равенство скоростей прямой и обратной

реакций, выражаемое константой равновесия ($K = \frac{C_Q^q C_R^r}{C_L^l C_M^m} = \frac{k_1}{k_2}$,

где C_Q, C_R — концентрации продуктов реакции Q, R ; C_L, C_M — концентрации исходных веществ L, M ; q, r, l, m — соответствующие стехиометрические коэффициенты, т. е. числа соответствующих реагирующих молекул; k_1, k_2 — соответственно константы скорости прямой и обратной реакций) Здесь уже наличие сродства внутренне связано со своей противоположной стороной — отсутствием сродства (равновесное состояние) между одними и теми же веществами. Химическое сродство выражается через молекулярно-кинетически трактованное равновесие.

Это и можно назвать молекулярно-кинетической (или механической) сущностью химического сродства, которая является в данном случае сущностью первого порядка. Эта сущность охватывает лишь немногие стороны, связи и отношения химического превращения веществ, но все же она является целостной трактовкой химического сродства. На следующем этапе от-

крывается взаимосвязь между химическим превращением и другими формами движения, особенно тепловым движением.

Термодинамическая сущность химического сродства. Уже химики-флогистики знали, что химические процессы сопровождаются тепловыми эффектами. В середине XIX века появились факты о термической диссоциации (Грове, 1847) Сент-Клер Девиля полагал (1859), что при диссоциации образуется равновесие между отталкивательной силой теплоты и сродством.

В 30—40 годы Г. И. Гесс развивал мысль о том, что величина сродства измеряется тепловым эффектом реакции. Ю. Томсен связывал термохимические открытия Гесса с законом сохранения энергии (1853—54). Он полагал, что выделяющееся при соединении веществ количество теплоты соответствует сродству этих веществ, а реакции идут в сторону наибольшего сродства. В 1867—73 гг. М. Бертло выдвинул так называемый принцип максимальной работы: «Всякое химическое превращение, совершающееся без вмешательства посторонней энергии, стремится к производству тела или системы тел, которые выделяют наиболее тепла.»²² Чтобы согласовать свой принцип с многочисленными фактами, где реакция идет с поглощением теплоты, Бертло допустил, что в этих случаях чисто химические процессы связаны с различными побочными явлениями, с внешней энергией. Однако определить однозначно «чисто химический процесс» было трудно.

Переход к сущности второго порядка химического сродства происходит через закон сохранения и превращения энергии (меры движения), через развитие этого закона установлением меры для перехода химической формы движения в другие формы.

Томсен и Бертло, принимая закон сохранения и превращения энергии и рассуждая, что химическое сродство данных веществ друг с другом можно количественно охарактеризовать измерением энергии их взаимодействия через тепловой эффект реакции, не занимались исследованием природы соответствующих понятий и рассматривали свои учения, прежде всего, как обобщение эмпирического материала. Они не различали теплоту в термодинамическом смысле (проявляющуюся только в процессе передачи) и тепловую энергию (энергию теплового движения, хаотического движения частичек), а отождествляли теплоту химической реакции с ее работой, с работой химического сродства. Томсен и Бертло остались на эмпирической ступени познания, на уровне бытия. И они принимали являющееся — наблюдаемое во многих случаях самопроизвольное протекание реакции в сторону наибольшего выделения теплоты — за существенное, особенное

---

²² Цит. по А. Я. Кипнис. История возникновения химической термодинамики. — Труды Ин-та истор. естествозн. и техники, т. 35. М., 1961, стр. 58.

за всеобщее. Принцип максимальной работы Бергло не позволял, например, убедительно объяснить существование обратимых реакций.

Об этих реакциях Бергло писал (1879): «В обратимых системах равновесие устанавливается благодаря противоположному действию, с одной стороны, химической энергии, а, с другой, — внешней энергии, особенно тепловой»²³ Но Бергло, во-первых не был последовательным в различении химической и тепловой энергии, а во-вторых, различал их метафизически, ибо химическое превращение веществ содержит в себе и тепловое движение частичек. Правильно писал Л. Мейер, критикуя Бергло (1883): «Если рассматривать теплоту, которой обладают действующие друг на друга вещества (в виде молекулярного или атомного движения), как внешнюю («чужую») энергию, то, возможно, нет никакого химического изменения, которое совершалось бы без содействия «чужой» энергии. Во всяком случае такое изменение могло бы наблюдаться только при абсолютном нуле (-273°).»²⁴

Тепловая энергия, являясь качественным количеством, мерой теплового движения, может быть эквивалентна химической энергии лишь в том случае, если рассматривается превращение «чисто» химической (без теплового движения) формы движения в тепловую (качественная сторона химической энергии) и учитывается работа этого превращения (количественная сторона химической энергии). т. е. работа сил химического сродства.

Потылицын установил в качественной форме границы принципа Бергло и высказал идею о зависимости направления реакций от температуры уже в 1881 году.²⁵ Проблема была решена в количественной форме на основе термодинамики (принципиальное решение содержалось уже в термодинамических работах Гиббса и Гельмгольца, а первые шаги были сделаны Горстманом) Вант-Гоффом (1884—1886)²⁶

Вант-Гофф доказал, что химическую реакцию можно осуществить как термодинамический квазистатический процесс. Он применял для этого следующий мысленный эксперимент (названный «ящиком Вант-Гоффа»): в систему химического равновесия (в большом ящике) через полупроницаемые перегородки обратимо и изотермически при посредстве цилиндра и поршня (чтобы легко было вычислить термодинамическую работу) вво-

---

²³ Цит. по Ю. И. Соловьев. Очерки по истории физической химии. М., 1964, стр. 150—151.

²⁴ Там же, стр. 162.

²⁵ А. Потылицын. О законах двойных разложений. Статья третья. — Журнал Русского физико-химического общества, т. 13. 1881, стр. 442—443.

²⁶ Вант-Гофф. Очерки по химической динамике. Л., 1936; его же. Химическое равновесие в системах газов и разведенных растворов. М., 1902.

дятся исходные вещества этой реакции и одновременно выводятся эквивалентные количества продуктов реакции. В другом ящике (который содержит ту же равновесную систему при других равновесных концентрациях) таким же образом осуществляют обратный процесс. В результате и получается химическая реакция в виде обратимого кругового термодинамического процесса, достигается единство противоположностей: процесса и его результата, вступления веществ в реакцию и их равновесного состояния, причем химическое превращение связывается с термодинамической работой. При помощи этого «ящика равновесия» и уравнения идеального газа (это значит, что результат имеет силу лишь в области разреженных газов и разведенных растворов) Вант-Гофф вычислил работу реакции и вывел уравнение закона действия масс. (Таким образом, при познании сущности второго порядка охватывается, на новой основе, и сущность первого порядка.)

Вант-Гоффом было получено и другое фундаментальное уравнение химической термодинамики — уравнение изохоры реакции, выражающее зависимость между равновесием, выделяющейся теплотой и температурой ($\frac{d \ln K}{dT} = \frac{q}{2T^2}$, где K — константа равновесия, T — абсолютная температура, q — количество тепла, выделяющееся при превращении единицы одной системы в другую при постоянном объеме). Он выдвинул принцип подвижного равновесия: «Каждое равновесие между двумя различными состояниями вещества (системами) смещается при понижении температуры в сторону той из двух систем, при образовании которой выделяется теплота».²⁷ Мы уже отметили, что положение Томсена и Бертло (химическое превращение идет в сторону наибольшего выделения тепла), было эмпирическим, на уровне бытия, где являющееся принималось за существенное. Лишь теперь, с переходом от бытия к сущности, познается это явление в качестве явления, т. е. как проявление открытого закона, который охватывает противоположные тенденции. «Земная температура, к которой относится большая часть наших наблюдений, относительно низка — она удалена от абсолютного нуля только на 273°; вследствие этого можно предвидеть, что в обычных условиях множество химических равновесий будет заметно смещено в сторону систем, образование которых сопровождается выделением тепла».²⁸ И далее: «Более того, указанный принцип позволяет предвидеть, что при очень высоких температурах большая часть химических равновесий будет смещаться в сторону тех систем,

²⁷ Я. Г. Вант-Гофф Очерки по химической динамике, стр. 141.

²⁸ Там же, стр. 146.

которые образуются с поглощением тепла, и что, следовательно, большая часть превращений, совершающихся при этих условиях, сопровождается поглощением тепла. Можно было бы говорить тогда, следуя идеям Бертло, о принципе минимальной работы». ²⁹

Связывая работу (из уравнения изотермы) и теплоту (из уравнения изохоры) реакции, Вант-Гофф получает общее выражение для меры сродства (максимальная работа реакции): «Работа сродства (A) равна теплоте, выделяющейся при превращении (q), деленной на абсолютную температуру точки перехода (P) (точка, в которой константа равновесий $K = 1 - P/B$) и умноженной на разность этой последней и рассматриваемой температуры (T): $A = q \frac{P-T}{P}$ ». ³⁰ Из этого уравнения видно, что принцип Бертло имеет место лишь при $T = 0$. При повышении температуры работа сродства представляет собой лишь часть выделяющейся теплоты, в точке перехода $A = 0$, а затем изменится направление реакции.

Таким образом, здесь так же, как и при познании сущности первого порядка, сродство выражается через свою противоположность («свое другое») — через отсутствие сродства (равновесное состояние). Однако химическое равновесие трактуется уже более конкретно: учитывается, что химический процесс содержит в себе также тепловое движение, и, вообще, что химические явления не изолированы от других явлений и взаимодействий (это достигается понятием меры химических процессов — работы сродства) Это — сущность второго порядка химического сродства, которая может быть названа и термодинамической сущностью.

О квантово-химической сущности химического сродства. Для анализа истории познания химической связи требуется специальная работа. Поэтому мы ограничимся лишь самыми общими замечаниями.

Как было уже показано, закономерность познания такова, что до познания сущности химического сродства на атомном уровне (химической связи) надо было открыть состав и структуру атома, создать теорию строения атома. Это было сделано на основе квантовой механики. Для этого надо было выяснить, определить химическую связь на уровне бытия, исследовать ее как факт (природа которой неизвестна), уметь найти энергию связи (из термохимических данных).

В 1927 году Гейтлер и Лондон применили квантовую механику для объяснения строения молекулы водорода и открыли (в принципе) природу химической ковалентной связи. Тем самым они заложили основу квантовой химии. Впоследствии другими

²⁹ Там же, стр. 149.

³⁰ Там же, стр. 152.

учеными было выработано несколько методов (на основе различных мысленных моделей) для теоретического исследования химической связи.³¹ В настоящее время главным и наиболее перспективным считается метод молекулярных орбит.

Квантово-механическое рассмотрение молекулы показало, что «силы химического сродства», обеспечивающие химическую связь, имеют электрическую (точнее — электромагнитную) природу. Химическим силам приписывали, как уже отмечалось, электрическую (а затем, конкретнее, — электронную) природу вскоре после открытия связи между химическими и электрическими явлениями. Но это было только качественные модельные представления, созданные без знания многих промежуточных звеньев, и поэтому они не давали возможности производить количественные определения химических сил, а также вступали в противоречие со многими фактами. Дело в том, что межатомное электрическое притяжение и отталкивание выясняется лишь после квантово-механического определения характера волновых функций электронов в молекуле. При помощи квантовой механики с единой точки зрения объясняются все типы химических связей и строение всех «загадочных» (в том числе и комплексных) соединений.

В настоящее время ученые пытаются теоретически связать микро- и макроуровни превращения веществ и учитывают все больше взаимодействий в реальном химическом процессе.

* * *

Итак, мы сделали попытку подтвердить и конкретизировать общий ход познания от уровня бытия, от фиксирования и описывания явлений (качественно и количественно) к уровню сущности, к объяснению явлений (явления познаются как проявления сущности) на материале истории учения о химическом сродстве. Уровень бытия имеет чувственно-практическую, рациональную и эмпирическую ступени, а сущность достигается на теоретической ступени познания, где путем анализа понятий выясняется единство и взаимопроникновение противоположностей. На обоих уровнях широко используются аналогии и модельные представления (на уровне бытия они имеют качественный характер)

Поступила в редакцию 28 ноября 1966 г.

---

³¹ См. Г. В. Быков. История электронных теорий органической химии. М., 1963.

К КАТЕГОРИЯМ ЧАСТИ И ЦЕЛОГО В СОВРЕМЕННОЙ БИОЛОГИИ

В. Лиллелехт

Современная биология переживает революционные изменения. Благодаря притоку физиков, химиков, математиков и инженеров в биологию, оказалось возможным использование новых, комплексных методов исследования. В основе этих методов лежат новейшие достижения физики, химии, математики и техники. Происходит глубокая дифференциация биологических наук. Особую, центральную позицию заняла молекулярная биология, которая изучает жизненные процессы на молекулярном уровне. Здесь сделаны крупнейшие открытия современной науки. Все более углубляется изучение явлений живой природы даже на субмолекулярном уровне.¹

Надо иметь в виду, что такие бурные тенденции развития современной биологии создают в то же время реальную опасность одностороннего истолкования биологических явлений, особенно с позиции познания молекулярных механизмов проявлений жизни. Действительно, в живых организмах нет ничего, кроме молекул, атомов и элементарных частиц. Значит, там происходит как химическое, так и физическое движение материи и действуют химические и физические закономерности. Они являются объектом исследования физиков и химиков. Ввиду глубокой дифференциации наук и крайней сложности проблем, они могут легко ошибиться, так как иногда недостаточно ориентируются в комплексных явлениях и закономерностях живой природы, не учитывают тех качественно различных условий, в которых действуют законы физики и химии в целостном организме.

Законы химии и физики не являются в живых организмах основными. Они проявляются в них в снятом виде, так как в живой природе химическая и физическая формы движения подчинены качественно более высокой форме движения — биологическому движению. Молекулы, атомы и элементарные частицы

---

¹ См., напр., А. Сент-Дьерди. Введение в субмолекулярную биологию. М., 1964.

являются лишь частями в целостных образованиях более высокого порядка, в живых организмах.

Современную биологию характеризуют, прежде всего, исследования на уровне частей организмов и клеток, в особенности на молекулярном и надмолекулярном уровнях. Но в конечном счеде самым главным является познание взаимосвязи изучаемых явлений, т. е. создание целостной картины о живой природе, о жизни в целом. Поэтому должна произойти новая мощная интеграция биологических наук, теперь уже на основе познания реальной сущности и единства жизненных процессов.

Из сказанного следует, какую важную роль должны играть категории части и целого в исследовании организмов и в дифференциации и интеграции биологии. Нужна гибкая диалектико-материалистическая схема понимания и анализа диалектики этих категорий как в гносеологическом, так и в онтологическом планах. Не менее важен и обратный процесс — обогащение и укрепление материалистической философии на основе подтверждения и истолкования открытых биологических закономерностей. Несмотря на это, приходится отметить, что в настоящее время разработка философских проблем биологии явно не соответствует требованиям этой быстро развивающейся и перспективной науки.²

Категориям части и целого как в общефилософском, так и в биологическом плане посвящен в последние годы целый ряд исследований.³ Но диалектика названных категорий, а также проблема целостности в живой природе разрабатываются в этих работах почти исключительно с позиции классической биологии, т. е. в качестве целого и частей рассматриваются клетка, ткань, организм и вид, главным образом два последних. Следует отметить, что по определенным причинам и в этих исследованиях допускаются некоторые упущения, поверхностность или даже ошибки. Целое выше вида (биоценоз, биогеоценоз, биосфера) и ниже клетки (субклеточное, молекулярное) почти не затронуто анализом с точки зрения диалектики части и целого. Тем не менее, как раз на этих уровнях организации живой природы за последние десятилетия накоплен обширный, принципиально новый материал, который предоставляет хорошие возможности для обобщений и в которых нуждается вся наука и человеческая практика. Но в узко специальных теоретических исследованиях, вследствие незнания или недооценки общих закономерностей диалектики, допускаются частые ошибки.

---

² См., напр., К. М. Завадский, А. С. Мамзин. Некоторые вопросы развития биологии в СССР и диалектический материализм. — «Философские науки», 1965, № 3, стр. 107.

³ См. обзорную статью З. Мукашев, Л. Науменко. Важное направление философских исследований. — «Коммунист», 1965, № 15, стр. 112.

Все явления в природе связаны между собой. Поэтому не существует абсолютно самостоятельных целых. Целое является всегда частью какого-то другого целого, которое по своей организации выше первого, так как включает и организацию первого. Весь материальный мир характеризуется иерархическим строением, иерархической организацией материи. В этом смысле категории части и целого относительны.

В. Н. Беклемишев пишет: «В составе живого покрова Земли существует бесконечное число подчиненных частиц, обладающих самыми различными степенями организованности.»⁴ Целесообразным оказывается выделить семь уровней организованности живой природы: молекулярный, субклеточный (надмолекулярный), клеточный, организменный, популяционный, биоценоотический и биогеоценоотический. Этим различным уровням соответствуют различные целые, которые, как правило, являются разнокачественными (за исключением одноклеточных, которые объединяют клеточный и организменный уровни). Они состоят из частей, которыми являются целые более низкого уровня, но в снятом виде.

Самое простое органическое целое является самым элементарным носителем жизни как особой формы движения материи. К сожалению, мы не имеем единого и удовлетворяющего всех определения жизни. Широко используется еще классическая формулировка Ф. Энгельса: «Жизнь — это способ существования белковых тел, существенным моментом которого является постоянный обмен веществ с окружающей их внешней природой, причем с прекращением этого обмена веществ прекращается и жизнь, что приводит к разложению белка».⁵ Так, В. Г. Афанасьев пишет, что «имеется только один носитель биологической формы движения — белковое тело на различных уровнях его организации».⁶ Правда, он, как по его мнению и Энгельс, понимает под «белковым телом» «протоплазму». Разница лишь в том, что Афанасьев отмечает существование нуклеиновых кислот как компонентов протоплазмы, которые выполняют свои специфические функции.⁷ Следует добавить, что Энгельс охватывает этим термином «все тела, аналогичные по составу с обыкновенным белком и называемые также протеиновыми телами».⁸ Он пишет также, что другие химические соединения для жизни в его простейшей форме «не необходимы, или же необходимы

---

⁴ В. Н. Беклемишев. Об общих принципах организации жизни. — Бюллетень М. О-ва Испытателей Природы. Отд. биологии, 1964, том 69, № 2, стр. 25.

⁵ Ф. Энгельс. Диалектика природы. 1948, стр. 246.

⁶ В. Г. Афанасьев. Проблема целостности в философии и биологии. М., 1964, стр. 112—113.

⁷ Там же, стр. 289—291.

⁸ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. 1952, стр. 77

лишь постольку, поскольку они поступают в организм в виде пищи и превращаются в белки.»⁹

По нашему мнению, использование понятия «белковое тело» является нецелесообразным, так как слишком односторонне подчеркивает роль белков в живых системах. Иначе можно допускать такие же ошибки, какие, ввиду недостаточности научных данных того времени, допускал Энгельс. Напомним, что на неудачность этого термина указывал уже сам Энгельс.¹⁰

Согласно современным данным, белки действительно участвуют во всех важнейших функциях живых существ. Но они не могут делать одно — синтезировать по заданной программе самих себя из аминокислот. В этом процессе непременно нужны нуклеиновые кислоты. По крайней мере пока неизвестны никакие другие соединения, которые содержали бы информацию для синтеза строго специфических белков в биологических системах. Далее, белки и нуклеиновые кислоты в биологических целых расположены строго регулярно, образуя определенную внутреннюю и внешнюю структуру. Без регулирования в пространстве всякая живая система немыслима. Действительно, во всех известных в настоящее время живых существах найдены в основном однородные липопротеидные мембраны, которые и являются структурным основанием для организации живой целостной системы. Имеются данные, что все компонентные вещества, в том числе и вода, находятся в клетках под структурным контролем.

Кроме липидов, можно назвать еще целый ряд веществ, которые являются незаменимыми компонентами всех живых систем. Так все клетки в качестве непосредственного универсального источника энергии используют аденозинтрифосфат (АТФ) и другие макроэргические небелковые вещества и т. д. Крайней сложности функций живых существ должен соответствовать очень гетерогенный состав и сложное внутреннее строение, которого нельзя достичь использованием веществ только одного-двух типов, в том числе и белков и нуклеиновых кислот. В. Г. Афанасьев в конечном счете правильно отмечает, что «жизнь не будет сведена к функциям ДНК или какого-либо другого компонента живого целого».¹¹

Определение жизни Энгельсом, конечно, сохранило свое значение, но неизбежно отражает тогдашние ограниченные представления о живой природе. Поэтому, по нашему мнению, не следует воздерживаться от дополнения и усовершенствования названного определения. С другой стороны, нам кажется недостаточным одностороннее выдвигание обмена веществ в опре-

---

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ В. Г. Афанасьев. Проблема целостности в философии и биологии, стр. 326.

делениях жизни, как это делают В. Г. Афанасьев¹² и И. В. Блауберг¹³ придерживаясь формулировки Энгельса.

Обмен веществ, как уже отметил Энгельс, происходит и в неорганическом мире. «Разница заключается в том, что в случае неорганических тел обмен веществ разрушает их, в случае органических тел он является необходимым условием их существования». ¹⁴ Но, как пишет Г. Ф. Хильми, каждая «индивидуальная система, работающая в хаотической среде, или среде с уровнем организации более низким, чем уровень самой системы, обречена: постепенно теряя свою структуру, система через некоторое время растворится в окружающей более хаотической среде». ¹⁵ В этом смысле смерть является результатом жизни. Кроме того, живые системы могут даже длительное время сохраняться и без обмена веществ, например, замороженные или высушенные организмы или их части. Белки, как самые лабильные их составные компоненты, могут при этом не разлагаться и, попадая в благоприятные условия, снова оживают. Значит, обмен веществ не обязательно нужен для сохранения «органических тел». Зато обмен веществом и энергией может быть неизбежным условием существования и неорганических тел, особенно искусственных. Разница между живыми существами заключается не в наличии необходимого для существования обмена веществ, а в его качественном своеобразии. Биологическое целое характеризуется таким обменом веществ, в котором участвуют системы из полимерных макромолекул, способных нести биологически важную информацию и, что особенно важно, сложные имманентные механизмы регулирования и авторепликации. Наконец, биологический обмен веществ связан со многими другими процессами, которые лишь вместе обеспечивают существование органических целых. Сюда относятся проявления механического движения, приспособительные реакции и т. п.

Опять же сам Энгельс писал, что дефиниция жизни через обмен веществ «не является ни точной, ни исчерпывающей обмен веществ, которым хотят объяснить жизнь, сам требует, в свою очередь, более точного определения». ¹⁶

Согласно М. В. Волькенштейну «живые организмы представляют собой открытые, саморегулирующиеся и самовоспроизводящиеся системы, важнейшими функциональными веществами которых являются биополимеры — белки и нуклеиновые кислоты». ¹⁷ Приведенная формулировка хорошо согласуется с рас-

---

¹² Там же, стр. 293.

¹³ И. В. Блауберг. Проблема целостности в марксистской философии. М., 1963, стр. 53.

¹⁴ Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 246.

¹⁵ Г. Ф. Хильми. Основы физики биосферы. Л., 1966, стр. 8.

¹⁶ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 322.

¹⁷ М. В. Волькенштейн. Молекулы и жизнь. М., 1965, стр. 12.

суждениями о сущности жизни в нашей философской литературе самого последнего времени.¹⁸

Самым простым биологическим или органическим целым является клетка. Это предположение находится в хорошем соответствии с большинством современных представлений о природе жизни. На уровнях ниже клетки могут проявиться лишь отдельные, элементарные явления жизни. Полный комплекс основных явлений жизни в целом характерен только для биологических систем, начиная с клетки и выше.

Некоторые авторы считают самым элементарным носителем жизни «протоплазму»¹⁹ Так В. Г. Афанасьев пишет: «...протоплазма есть та последняя, неразделимая далее целостная система, которая является элементарным носителем жизни», добавляя, что протоплазма может существовать в рамках клетки и самостоятельно.²⁰ Даже в биологической литературе встречается еще представление о протоплазме как о «живом веществе», из чего состоят все растения и животные. Так чисто протоплазматическими образованиями являются якобы амеба, миксомицеты²¹ и соответственно большинство животных клеток, которые не имеют оболочки. Согласно данным современной биологии эти представления приходится считать неверными.

Под исторически сформировавшимся понятием «протоплазма» подразумевается все содержимое клетки, т. е. цитоплазма и ядро. Электронно-микроскопическими исследованиями показано, что все без исключения клетки покрыты субмикроскопической поверхностной мембраной, так называемой плазматической или клеточной мембраной. Видимые в световом микроскопе «клеточные оболочки» оказались лишь наслоениями одного или другого вещества на наружную поверхность названной липопротеидной мембраны. Они выполняют в основном механические, т. е. опорные или защитные функции и не связаны прямо с цитоплазмой и ее основными функциями. Зато плазменная мембрана выполняет незаменимо важные для нормального существования клетки функции (осмотическая и механическая работа, активный транспорт веществ против градиента плотности и т. д.). Нормальное, самостоятельное функционирование протоплазмы без окружаю-

¹⁸ Г. А. Югай. Диалектика части и целого в живой природе. М., 1966, стр. 28—29; М. Ф. Веденов, В. И. Кремьянский, О специфике биологических структур. — «Вопросы философии», 1965, № 1, стр. 84—94; А. И. Коротяев. Жизнь в свете современных достижений биологических наук. — «Вопросы философии», 1965, № 8, стр. 116—126 и сл.

¹⁹ В. Г. Афанасьев. Проблема целостности в философии и биологии, стр. 119; И. В. Блауберг. Проблема целостности в марксистской философии, стр. 70; А. И. Опарин. Жизнь, ее природа, происхождение и развитие. М., 1960, стр. 69 и сл.

²⁰ В. Г. Афанасьев. Проблема целостности в философии и биологии, стр. 291.

²¹ К. Вилли. Биология. М., 1966, стр. 153—154.

шей ее мембраны, немыслимо. Но протоплазма с плазматической мембраной по существу есть не что иное как клетка.

Сущность жизни нельзя понимать без знания путей и закономерностей возникновения органического целого в результате исторического развития неорганического целого. Создано много гипотез о происхождении жизни. Сейчас общепризнанной является возможность возникновения живых систем как неизбежного результата развития Земли.²²

Согласно этим гипотезам, посредством длительной химической эволюции возникли биохимические системы с характерными для них высокомолекулярными веществами. Последующая биохимическая эволюция привела к возникновению типичных организмов — биологических целых с характерным для них комплексом жизненных явлений. Они подчиняются уже действию биологической эволюции²³. Границы между вышеупомянутыми формами эволюций относительно. При переходе к высшей форме в последней сохраняются более низкие формы, из которых она возникла. Следовательно, в живой природе происходит и биохимическая эволюция, но она проявляется в снятом виде, в более высокой форме развития — в биологической эволюции.

С другой стороны, мы видим как эволюционирующее целое превращается в часть и теряет свою самостоятельность при возникновении более сложного и высокоразвитого целого. Так биохимические макромолекулы, надмолекулярные образования и системы сохраняются в виде частей в биологическом целом, но в большинстве теряют свою целостность. Вне организма они проявляют обычно совсем другие свойства и, как правило, быстро разлагаются.

В связи со сказанным следует отметить, что целесообразным оказывается использование категории «система» в более широком смысле чем «целое» (в философской литературе отсутствует пока единое мнение о взаимоотношениях этих категорий). В генетическом смысле система развивается в целое и наоборот — при распаде целого возникает ряд систем. Биологическому целому предшествовали в историческом развитии химические и биохимические системы. В результате усовершенствования, т. е. дифференциации, приобретения новых и потери старых компонентов, из биохимических систем возникли типичные живые организмы, т. е. целые с высокой степенью интеграции. В этом смысле правильным является выражение «целостная система», которой характерен определенный комплекс свойств и функций.

²² См., напр., А. И. О п а р и н. Жизнь, ее природа, происхождение и развитие; сб. Труды международного биохимического конгресса. Эволюционная биохимия. М., 1962; сб. Горизонты биохимии. М., 1964 и др.

²³ См. также Р. С. Карпинская, В. П. Визгин, О биохимическом подходе к проблемам химической эволюции. — «Философские науки», 1966, № 4, стр. 59—62.

Но предлагаемое взаимоотношение является относительным. Например, биохимическая система может быть целостной, если исходить из надмолекулярного или молекулярного уровня организации материи, хотя она не является целым с биологической точки зрения.

Нет еще единого мнения, на какой степени развития биохимические системы превращаются в биологические целые — в живые существа. Выше нами уже отмечалось, что в современных условиях простейшей живой системой является клетка. Носителями жизни не могут быть ни вирусы, ни субклеточные частицы. Вне клетки жизни не существует. Но каким было положение в прошлом, когда природные условия на Земле существенно отличались от сегодняшних?

Имеется определенная склонность к решению этого вопроса только с функциональной точки зрения. А. Рич, например, пишет, что «жизнь начинается с момента, когда полимеризация нуклеиновых кислот и полимеризация аминокислот оказываются связанными между собой»²⁴ Таким образом можно легко прийти к заключению о возникновении жизни до формирования целого, которое является ее носителем. Например, с нашей точки зрения неверным является утверждение У Стэнли и Э. Веленса о том, что осуществление искусственного синтеза вируса или, по крайней мере, вирусной нуклеиновой кислоты «можно будет рассматривать как искусственное создание простейшей формы жизни».²⁵ Но эти же авторы сами утверждают, что «вирус — это просто гигантская молекула со всеми характерными особенностями, присущими всем другим большим молекулам».²⁶ По образному выражению М. В. Волькенштейна «вирусы неспособны к самовоспроизведению, они воспроизводятся только живыми клетками».²⁷ В функциональном состоянии вирусы превращаются в части клетки-хозяина. Вирус является самостоятельным биохимическим, но не биологическим целым.

Уже в 1954—1956 гг. в лабораторных условиях удалось создать бесклеточные системы, собранные в пробирках из отдельных частей клетки: рибосом, аминокислот, АТФ и РНК, в которых идет синтез белка.²⁸ Получены и более совершенные системы из субклеточных частиц (взятых даже из совершенно различных типов клеток) и некоторых жизненно важных веществ. В них отмечается и репликация молекул ДНК. Но эти бесклеточные системы с полным правом нельзя считать живыми. Для созда-

---

²⁴ А. Рич. Передача биохимической информации и проблемы эволюции. — Горизонты биохимии. М., 1964, стр. 94.

²⁵ У. Стэнли, Э. Веленс. Вирусы и природа жизни. М., 1963, стр. 231.

²⁶ Там же, стр. 33.

²⁷ М. В. Волькенштейн. Молекулы и жизнь, стр. 63.

²⁸ См., напр., В. Азерников. Тайнопись жизни. М., 1966, стр. 86.

ния живого целого недостаточно еще присутствия всех его основных частей. Необходимо существование строгой связи между частями и их определенного пространственного расположения, т. е. соответствующей структуры в целом. Нам кажется, что возникновение живой системы в современном понимании возможно только в рамках клетки. Ведь кроме внутренних надмолекулярных комплексов существенным является наличие наружной структуры. Это обеспечивается окружающими систему липопротеидными мембранами.²⁹ Лишь таким образом оказывается возможным взятие части вплоть до молекул под структурный и функциональный контроль и создание постоянной внутренней среды (определенная концентрация нужных веществ и ионов, наличие биопотенциалов, нужная температура и т. д.), где может произойти стереотипный комплекс химических и физических процессов, являющихся основой жизненных явлений. Этим самым возникшая система противопоставляет себя внешней среде и, репродуцируя системы с таким же комплексом процессов, начинает подчиняться новой форме эволюции — биологической эволюции.

Таким образом, правдоподобным оказывается, что в ходе исторического развития самой первой и простой формой организации живой материи являлась самая примитивная клетка. В пользу этого говорит наличие у всех изученных до сих пор клеток внутренних и наружных мембранных структур поразительно единого типа строения. Вне клетки могли проявляться только отдельные элементарные акты жизни. Жизнь, как целостное явление, возникла вместе со своим носителем, простейшим биологическим целым — клеткой.

На целесообразность применения категорий части и целого на молекулярном уровне организмов указывает Р. С. Карпинская.³⁰ Действительно, биополимеры являются целым не только по отношению к своим частям, но и своей точно отрегулированной внутренней и внешней структурой и определенными функциями в жизнедеятельности организма. Биополимеры, в отличие от сравнительно простых химических молекул, характеризуются своеобразной индивидуальностью.³¹ В них можно различить несколько уровней организации. Имеются данные, что в биосинтезе белков нуклеиновые кислоты могут непосредственно определить только последовательность аминокислот в полипептидных цепях, т. е. первичную структуру белков. При наличии соответствующих условий среды этой первичной структурой определяются вторичная, третичная и четвертичная структуры. Иными словами, моле-

²⁹ См. А. И. Опарин. Жизнь, ее природа, происхождение и развитие, стр. 65 и сл.

³⁰ Р. С. Карпинская. О философских проблемах молекулярной биологии. — «Вопросы философии», 1966, № 1, стр. 65—74.

³¹ В. П. Кушнер. Биополимеры. М., 1965.

кула белка в определенной степени самостоятельно приобретает специфичные функциональные, биологически важные свойства. Ведь последние существенным образом зависят от лабильного, так называемого конформационного состояния биологической макромолекулы, которое легко изменяется под влиянием среды. Наличие практически неисчерпывающего количества функциональных возможностей у одной молекулы биополимера и является существенным отличием от типичных химических целых, т. е. молекул с более низким молекулярным весом.

По словам М. В. Волькенштейна, каждая мутация была бы летальной для малой молекулы, ибо она означала бы полное уничтожение ранее существовавшей структуры. Зато макромолекула может менять свою структуру локально, путем перестройки отдельных фрагментов, без изменения структуры всей цепи и присущей ей специфической биологической функции.³²

Биополимеры могут быть и носителями биологически важной информации. Так нуклеиновые кислоты строением своей молекулы определяют строение белков.

Учитывая также, что каждый биополимер имеет, кроме онтогенеза (биосинтез в клетке), и филогенез (относительно самостоятельное формирование в процессе биохимической и биологической эволюции), по нашему мнению, оправдано выделение особого биохимического целого. Представляя собой биологически важные макромолекулы и их комплексы (надмолекулярные образования), это целое является переходной ступенью от химического целого к биологическому.

Конечно, сказанное не может оправдывать крайностей. Биохимическое целое может проявить свои специфические функции лишь частью в крайне высокоразвитом биологическом целом — в организме или в моделированной части организма, что мы уже отметили относительно вирусных макромолекул. Выделенные из организма ферменты действуют в искусственно созданных биохимических системах совершенно иначе по сравнению с их функционированием в живых самостоятельных системах. Это проверено экспериментально для многих ферментов даже в относительно простых открытых модельных системах, в которых уже наблюдается способность к самосохранению (автостабилизации) своего стационарного состояния.

Молекулы биополимеров проявляют склонность к соединению с другими макромолекулами и к образованию таким образом определенных надмолекулярных структур. Так, молекулы липопротеидов могут самостоятельно соединяться в мембраны, вирусные белки в оболочки с характерной для данного вируса формой и т. д. Это защищает макромолекулы, которые, взятые отдельно, являются крайне лабильными, от случайных реакций распада

---

³² М. В. Волькенштейн, Большие молекулы и биология. — Физико-химические и структурные основы биологических явлений. М., 1960, стр. 9.

и других повреждений.³³ Выяснилось, что надмолекулярные (субклеточные) структуры играют в клетках важную роль и в функциональном смысле. Например система митохондриальных мембран служит не только структурным футляром, но содержит также высокоорганизованные ансамбли дыхательных ферментов, которые участвуют в синтезе АТФ, в осмотической работе активного переноса веществ и в механической работе при изменении формы и объема этих важных субклеточных частиц.³⁴

В биологическом целом характерны коррелятивные связи между частями. Согласно В. Г. Афанасьеву, они включают, с одной стороны, координацию, т. е. определенную согласованность и строгое соответствие, которое и обеспечивает формирование и сохранение целого. С другой стороны, наблюдается субординация или подчинение частей, которое выражается специфическим местом в структуре и различным значением частей для целого.³⁵

Субординационные отношения между частями на молекулярном уровне организации живой природы проявляются с особой ясностью в механизме биосинтеза белков. Как известно, клеточная дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК) последовательностью нуклеотидов в своей молекуле определяет последовательность соответствующих (комплементарных) нуклеотидов информационной рибонуклеиновой кислоты (и-РНК), которая синтезируется на ней как на матрице. Последовательность нуклеотидов в молекуле и-РНК определяет, в свою очередь, последовательность аминокислот в молекуле белка, а, следовательно, и макромолекулярную структуру и биологические свойства последней.

ДНК играет таким образом особую, центральную роль в жизни клетки. Она как будто подчиняет себе все остальные части целого. Благодаря этой важной роли и специфике строения своей молекулы, ДНК может быть и переносчиком генетической информации. Так, в молекулах ДНК оплодотворенного зигота содержится вся программа для построения самого сложного организма.

Молекула ДНК состоит из двух одинаковых частей — спиральных цепей. В нужный момент, т. е. как раз перед делением клетки, эти цепи расходятся друг с другом и на обеих половинах строятся новые, точно такие же цепи. Возникшие таким образом две строго одинаковые молекулы ДНК распределяются между частями делящейся клетки. В результате обе новые клетки получают равное количество генетической информации.

---

³³ См. также Дж. Уолд. Происхождение жизни. — Физика и химия жизни. М., 1960, стр. 23—28.

³⁴ А. Ленинджер. Митохондрия. М., 1966, стр. 259.

³⁵ В. Г. Афанасьев. Проблема целостности в философии и биологии, стр. 28—29.

Отдельные молекулярные части клетки выполняют строго специфические функции и одни части подчинены другим для обеспечения нормального функционирования всего целого и, следовательно, также их самих. Молекулярные и надмолекулярные части клетки дифференцированы до такой степени, что они не могут существовать и функционировать вне целого. Деление двойной спирали ДНК, синтез новых спиралей на них, синтез и-РНК на цепи ДНК и т. д. возможны только в определенных условиях среды и в присутствии других частей клетки — в первую очередь специфических ферментов и богатых энергией соединений. Все эти условия обеспечиваются только в целом, в котором существует сложная система регуляционных механизмов и определенная пространственная ориентация частей, где их функции строго координированы. Только таким образом высокодифференцированные компоненты биохимической системы могут образовать целое с высокой степенью интеграции частей.

Хотя белки являются основной составной частью любой живой системы, мы не допускаем ошибки, утверждая, что молекулам ДНК в передаче и реализации генетической информации принадлежит ведущая, монополярная роль. Генетическая информация протекает в клетке только в одном направлении: ДНК — РНК — белок. Здесь мы имеем дело лишь с дифференциацией частей для выполнения отдельных функций и их субординацией в интересах целого. Поэтому трудно согласиться с В. Г. Афанасьевым, который пишет: «... утверждение, что ДНК играет монополярную роль в передаче наследственных признаков и в белковом синтезе, исходит из ошибочного понимания диалектики целого и частей». ³⁶ Канал обратной связи, по которому информация течет в направлении белок — ДНК, существует лишь для регуляции белкового синтеза, а не для передачи генетической информации, как это утверждает цитируемый автор. ³⁷

Части на молекулярном уровне имеют только потенциальную возможность изменяться в любую сторону. Они могут изменяться только так, как это полезно для организма в целом. Изменение частей подчинено целому, но это нельзя понимать телеологически. Даже биологическое целое не может сознательно изменять свои части в целесообразном направлении. Части изменяются спонтанно или под действием других частей, согласно своим внутренним закономерностям. Молекулы ДНК подвергаются совершенно случайным мутациям. Через изменение молекул белка изменяется целый организм и только теперь естественным или искусственным отбором определяется целесообразность изменения свойств частей и целого. Изменяющий генетическую информацию

---

³⁶ В. Г. Афанасьев. Проблема целостности в философии и биологии, стр. 328.

³⁷ Там же, стр. 328—329.

канал обратной связи функционирует лишь на популяционном уровне организации живой природы.

При рассмотрении диалектики частей и целого на молекулярном уровне приходится быть очень осторожным, учитывая, что молекулы и их комплексы с биологически важными функциями являются частями целого с высокой степенью интеграции. Приводятся примеры о независимости функциональных молекулярных целых даже при заметном изменении их частей.³⁸ Так, если, например, уменьшить длину полипептидной цепи растительного фермента папаина до 40% первоначальной величины, то его активность не изменится. То же самое показано для рибонуклеазы, пепсина, трипсина, адренокортикотропного гормона и многих других биологически важных веществ. Но исследование активности этих частично расщепленных молекул фермента проводилось вне организма, в искусственно созданных биохимических системах. Поэтому нельзя совсем определенно сказать, что подобные же результаты будут получены при изучении функции этих же самых осколков биополимеров в нормальных условиях — в клетках, т. е. как частей целого.

Исследования показывают, что каталитическая активность ферментов связана с отдельными участками на поверхности их молекул, с так называемыми активными центрами. Оказывается, что если изменения в составе и структуре не касаются активных центров, то сохраняется специфическая ферментативная активность молекул белка. И соответственно, вопреки нарушению химической целостности, сохраняется биохимическая целостность. Но это доказано только вне организма, вне биологического целого. Есть основания утверждать, что в организме необходимо наличие всех частей белковой молекулы не только для выполнения его узких каталитических, гормональных или иммунологических функций. Многие белки выполняют несколько функций. Для этого недостаточно наличия только одного активного центра. Части вне активного участка могут служить для прикрепления к субклеточным структурам или субстратам, т. е. для ориентирования в пространстве. Кроме того, обнаружен особый тип регуляции, так называемая аллостерическая регуляция.³⁹ Принцип этой регуляции заключается в воздействии на функции белка путем изменения его структуры. В клетке имеются или синтезируются специфические вещества — репрессоры и активаторы. Они соответственно замедляют или ускоряют ферментативные процессы, действуя обратимо на отдельные участки вне активных

---

³⁸ См., напр., Р. С. Карпинская. О философских проблемах молекулярной биологии, стр. 65—74.

³⁹ См., напр., Ж. П. Шанже. Регуляция биохимических реакций. — Молекулы и клетки. М., 1966, стр. 77—93.

центров белковых молекул, на так называемые аллостерические центры. В результате изменяется конформация молекулы биоактивного вещества и, вместе с этим, трехмерное строение активного центра. Белок активируется или инактивируется.

Можно сказать, что в эволюции биополимеров огромное значение имеет целый, более или менее сложный комплекс свойств и функций, который в конечном счете и определяет биологическую целесообразность данных макромолекул в целом. Хотя при изучении молекулярного уровня организации живой природы почти всегда неизбежно нарушение целостности организма и нормального хода протекающих в нем жизненных процессов, однако при этом нельзя забывать, что объектом исследования в конечном счете являются лишь части, сущность которых можно понять только через целое.

К проблеме жизни нужно подходить с двух сторон — через изучение характерных для целостных организмов биологических закономерностей, с одной стороны, и исследование химических и физических явлений на молекулярном уровне, с другой. Неправильным является абсолютизирование любого из этих подходов, так как мы имеем дело с исследованием целого и его частей и понимание сущности одного без другого невозможно.

Поступила в редакцию 15 декабря 1966 г.

ВОЗМОЖНОСТЬ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Э. Н. Лооне

В первой половине XIX века возможность философии истории не была проблемой. В то время существовали разные философии истории, например, гегелевская концепция человеческой истории. Ныне положение резко изменилось. Современная «философия истории» в развитых капиталистических странах мало занимается проблемами анализа первичных, материальных процессов и все больше превращается в науку о науке, в логический и методологический анализ отражения первичных процессов в сознании, в анализ исторических исследований, а не самой истории. Подобные изменения произошли во многом под влиянием деятельности и эволюции неопозитивистских школ (и перехода к логическому анализу)¹

Некоторые марксистские философы отождествляют философию истории с историческим материализмом². При таком подходе никакая особая философия истории не нужна и невозможна, а термин «исторический материализм» как более точный явно предпочтителен термину «философия истории». К сожалению, эту точку зрения нелегко аргументировать — к примеру, в статье В. И. Мишина никакой аргументации мы не находим.

Приведенные факты показывают, что сам термин «философия истории» понимается неоднозначно. Поэтому любое решение вопроса о возможности и тем более о желательности (т. е. ценности) философии истории не может быть дано, пока отсутствует договоренность в том, что же такое философия истории, каково значение самого понятия «философия истории». В сложившейся обстановке в первую очередь приходится решать проблему, что мы понимаем под философией истории, и затем уже рассматривать возможность и желательность того, что обозначается самим термином.

¹ См. И. С. Кон. Позитивизм в социологии. Л., 1964, стр. 5—7; Г. Г. Караваев. Понятие теории исторического материализма. — «Вестник ЛГУ», 1966, № 11, стр. 69.

² См. В. И. Мишин. Марксистская философия истории. — «Вопросы философии», 1965, № 7, стр. 154.

Что же такое «философия истории»? Примем пока понятия, составляющие «философию» и «историю», за интуитивно ясные³. В таком случае при ответе на поставленный нами вопрос можно, повидимому, выделить не менее пяти значений рассматриваемого термина.

1. Под философией истории иногда понимают универсальную историю человечества (или особым образом отобранной его части), построенную исходя из определенных принципов, некую философскую историю людей. Подобной философией истории являлась «Философия истории» Гегеля. На этих позициях стоял, повидимому, Вольтер, который ввел сам термин «философия истории»⁴. В XX в. наиболее известной попыткой подобного рода служит всемирная история, написанная английским исследователем Тойнби. Сходные мнения встречаются также среди исследователей-католиков. Так, Дж. Кэррэгэн полагал, что философия истории — это знание истории как результата некоей первой причины.⁵ Естественно, для него первой причиной всего, в том числе и истории, является бог⁶. Поскольку доказательств бытия божьего (или, вернее, неопровержимых доказательств) не существует, то в бога можно только верить, и это ставит подобные рассуждения за пределы науки и вообще рационального знания.

Несомненно, философские истории человечества возможны, а иногда являлись даже необходимыми. Но такие произведения неизбежно превращаются в конкретно-научное знание. В свое время натурфилософия, и, соответственно, «социал-философия» были необходимы как ступень к выделению частных наук. Современная же философия, а тем более марксистская философия, не является уже натурфилософией. Труд Тойнби — не философия, а история (и даже краткая сводка его основных принципов — не философия, в современном понимании последней⁷).

2. Под философией истории понимают также теорию общества в целом, общественного развития в целом (в отличие от теорий отдельных частей общества), некую общую социальную теорию. Так, в философском словаре ГДР утверждается, что философия истории — спекулятивное изображение исторического процесса, его движущих сил и законов⁸. Поскольку в данном слу-

---

³ Понятие «философия» вызывает в данном случае, по-видимому, меньше трудностей, чем понятие «история». Но поскольку какое-то понимание слова «история» у большинства образованных людей существует, мы не будем его уточнять до возникновения соответствующей необходимости.

⁴ И. С. Кон. Позитивизм в социологии, стр. 5.

⁵ G. J. Carraghan. A Guide to Historical Method. Chicago, 1948, p. 371.

⁶ G. J. Carraghan, Ук. соч., p. 378.

⁷ На Западе различие универсальной истории и философии встречается, например, в труде Кохэна: M. R. Cohen. The Meaning of Human History. LaSalle (Ill.), 1961, pp. 5—6.

⁸ Philosophische Wörterbuch. Leipzig, 1965, S. 216.

чае термин «философия истории» применяется только для характеристики немарксистских учений, то исторический материализм рассматривается как снятие и преодоление старой философии истории⁹. Правда, автор словарной статьи сам вынужден отметить, что современная буржуазная философия истории включает в себя и логику исторического исследования¹⁰, что отнюдь не является изображением исторического процесса, и то, что обозначают как социологию истории или культуры¹¹, но и социология является уже самостоятельной нефилософской наукой. Наличие известного совпадения содержания понятий «философия истории» и «теория истории» отмечает и видный западногерманский историк О. Ф. Андерле¹². Общей теорией общественного развития считает философию истории также Д. И. Чесноков¹³. Из подобного взгляда на сущность философии истории вытекает и мнение некоторых марксистских авторов на соотношение исторической науки и исторического материализма. Д. М. Воронов, например, в коллективном труде «Исторический материализм», пишет: «Если исторический материализм изучает наиболее общие законы общества, то историческая наука исследует события истории, связь и взаимозависимость между ними в том их виде, как они конкретно проявляются в ходе развития общественной жизни»¹⁴.

Рассматриваемая точка зрения предполагает отождествление понятий «философия» и «теория». В то же время как натурфилософия признается марксистами теоретически преодоленным этапом философского развития, фактически по отношению к обществу философия иногда рассматривается в качестве философии истории, аналогично натурфилософии. Для ученых-эмпириков подобное отождествление вытекает из их методологических установок. Для марксистов¹⁵ подобное отождествление следует отвергнуть. Достаточно лишь указать на наличие как в естественных, так и в общественных науках (физика, экономическая наука) строгих теорий, преимущественно дедуктивных по своему характеру, не совпадающих с философией.

В данном случае происходит еще одно отождествление понятий — предполагается, что термины «общество» и «история» совпадают по содержанию. Но законы общества могут быть как законами структуры (иногда говорят: функционирования), так и законами развития. Законы структуры (которыми, по существу, занимаются социология и большинство других наук об обществе,

⁹ Там же, S. 217.

¹⁰ Там же, S. 216.

¹¹ Там же.

¹² O. F. Anderle. A Plea for Theoretical History. — «History and Theory», vol. IV, No. 1, p. 51.

¹³ Д. И. Чесноков. Исторический материализм. М., 1964, стр. 4.

¹⁴ Исторический материализм. М., ВПШ, 1963, стр. 15.

¹⁵ И не только для них, но и для многих философов-немарксистов.

согласно мнению автора этих строк) являются частными по отношению к обществу в целом. Законы развития также оказываются частными законами, и если мы интерпретируем термин «история» как «развитие общества», то история не окажется всеобщей связью в мире.

Имеются ли законы общества, которые объединяют оба этих момента (структуру и генезис), сказать трудно. Но даже и при их существовании они не будут наиболее общими законами мира, являющимися предметом марксистской философии.

То же самое относится и к теориям о законах общества или истории. В известном смысле общность теории определяется общностью изучаемых законов. Во всяком случае, понятия «теория общества» и «теория истории» не совпадают, если понятия «общество» и «история» не совпадают.

«Историю» можно интерпретировать и как «прошлое общества». Не говоря уже о том, что «общество» окажется тогда понятием большей общности и, соответственно, философия истории исключается, является спорным, можно ли в таком случае различать явления «история» и «общество»¹⁶

3. Еще одним значением выражения «философия истории» служит совокупность исследований философских проблем, которые возникают в процессе познания мира как следствие своеобразия общества, специфики определенной индивидуальной формы движения. В этом видел одну из задач философии истории советский ученый Г. П. Саар, который писал, что в круг проблем философии истории входит решение таких вопросов, как вопросы о причинности или целесообразности, и, конечно, вопрос о том, что такое история¹⁷. Следует отметить, что хотя неопозитивизм и развившиеся из него школы видят задачу философии прежде всего только в рассмотрении логических проблем науки (что само по себе, конечно, входит в предмет философии) и отрицают онтологическую функцию философии, то фактически им не удается удержаться на этой позиции. Ссылки на свойства мира, описываемого наукой, играют важную роль в знаменитой «Нищете историзма» Поппера. Увеличение интереса к философским проблемам обществознания (в том числе истории) наблюдается и на страницах журнала «История и теория»¹⁸

---

¹⁶ Если «прошлое» и «история» равнозначны, то и «общество» и «история» равнозначны. Ведь что такое «прошлое»? В прошлом существовали и генетические и структурные связи. «Прошлое» — время; историки же изучают не время, а общество (или, во всяком случае, не временные свойства и структуру предмета «общество»). Термин «история» представляется поэтому нечетким, а также многозначным, и спорным является принадлежность понятия «история» к научному языку.

¹⁷ Г. П. Саар. Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930, стр. 8.

¹⁸ См., напр., „History and Theory“. Vol. IV, No. 2. Кстати, такой интерес вызван влиянием марксистской теории и знакомством со взглядами К. Маркса по первоисточникам, а не по тенденциозным изложениям.

Необходимо подчеркнуть, что понятия «философские проблемы обществознания» и «теория общества» (или «теория истории») не совпадают по значению. Философские проблемы обществознания не представляют единой теоретической системы, речь идет именно о совокупности, о множестве проблем и решений. Поскольку философия занимается всеобщим, постольку при решении любой проблемы в плане всеобщности возникает вопрос, как решать данную проблему на материале общества и его истории. В некоторых случаях (например, при проблеме свободы) роль своеобразия общества настолько велика, что проблема становится преимущественно проблемой обществознания. Тем не менее никакой системы решений на уровне познания ограниченного объекта возникнуть не может, если при этом ставится условие вхождения такой системы в философию. Известная система, в смысле философской системы знания, может возникнуть только на уровне, где сняты ограничения по отношению к размерам объекта исследований.

Различие между философскими проблемами общества (истории) и генеральной теорией общества (истории) не всегда осознавалось исследователями. Так, известный немецкий ученый Э. Бернхейм видел одну из задач философии истории в решении вопроса, почему происходит историческое развитие — является ли основой этого развития бог, имманентный дух, законы природы и т. п. Но, с другой стороны, Бернхейм полагал, что в онтологическом аспекте философия истории сводится к созданию общей теории причинности и развития в обществе, объединяющей результаты частных общественных наук. Выдвигая вторую точку зрения, Бернхейм обосновывал это известным ему опытом — практикой XIX в.¹⁹ Возникло противоречие между логической интуицией и ограниченным опытом. Развитие в XX в. предоставило нам опыт для решения указанного противоречия — не в пользу обобщения ограниченного опыта. Нам теперь ясно, что Э. Бернхейм не сумел понять, что к началу XX в. создание генеральной теории общества было пройденным этапом в философском развитии (как и вообще существование того, что он называл *Fachphilosophie* — философии права, философии религии и т. п.)

Марксизм никогда не отрицал полностью онтологическую функцию философии. Поэтому возможен философский подход и к изучению самого бытия, а не только познания. Проблема соотношения общественного и природного — это прежде всего философская проблема. Проблема человека — одна из главных проблем философии. Проблему развития нельзя решить без изучения развития общества. Даже если мы будем отождествлять историю общества только с развитием общества, то все-таки

¹⁹ E. Bernheim. Lehrbuch der Historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. Leipzig, 1903, S. 683—695.

решение многих философских проблем потребует философского подхода к истории в таком понимании этого термина.

К указанной проблематике примыкает и вопрос о смысле истории. Даже если в строгом значении этого слова смысла истории не существует, ответ на вопрос отрицательный, то философская проблема существует, — любой ответ (или даже невозможность или бессмысленность ответа) надо сперва показать и обосновать и ее решение не сводится просто к нескольким фразам. Ведь когда вопрос о смысле истории задается на обыденном языке (а не на специальном философском языке), то требуется ответ или о целях истории, или же о ценности истории²⁰ А тут мы уже вступаем в область философии.

4. Проблема ценности истории и знания об истории не принадлежит к тому кругу вопросов, к которому относятся «философские вопросы истории».²¹ Рассмотрение проблемы ценности, аксиологический анализ рассматривает взаимоотношения между, с одной стороны, историей (и знанием об истории) и, с другой, теми или иными оценивающими субъектами (как индивидами, так и группировками)

Утверждение ценности или неценности, ненужности истории и (или) знания об истории входит в качестве составной части в мировоззрение людей и общества, следовательно теоретическое утверждение о ценности и неценности входит в философию²² Несомненно, можно исследовать отношение разных лиц и группировок (например, классов) к истории и знаний о ней. Можно выяснять закономерности возникновения того или иного отношения. Но, кроме того, можно утверждать, выдвигать, провозглашать определенное отношение к истории и знанию об истории. Это отношение к истории может быть частью теоретического мировоззрения, в том числе философии. Философия может отвечать и на вопрос, как должно относиться к истории, а не просто исследовать, что вызывает то или иное отношение к ней. Не все существующее есть должное, и не все существующее есть желаемое. Существование и необходимость не есть оправдание существующего и необходимого. Признание необходимости фашизма не равняется оправданию фашизма. Философия, которая говорит о необходимости в известных условиях фашизма и войн, но в то же время ничего не утверждает об их желательности, сама

---

²⁰ Данный тезис вытекает из анализа обыденного понимания выражения «смысл жизни». О последнем см. A. Schaff, *Marx oder Sartre?* Berlin, 1965, S. 63—67.

²¹ E. Bernheim, *Lehrbuch der Historischen Methode und der Geschichtsphilosophie*, S. 686, 687.

²² В советской литературе высказывалось мнение, что изучением ценностей может заниматься только социология. См. О. Г. Дробницкий. Проблема ценности и марксистская философия. — «Вопросы философии». 1966, № 7, стр. 39. Автору этих строк точка зрения О. Г. Дробницкого кажется недостаточно аргументированной.

теряет ценность для нефилософов и может превратиться в косвенную апологетику того, что вредно (даже самому философу).

Утверждение желательности и долженствования не может быть обосновано тем же способом, которым обосновывается (и доказывается) научное, описательное, суждение. Методы обоснования оценочных предложений исследуются философией, и философия, через изучение этих методов, равно как и определенных связей действительности, только и может отвечать на вопрос, являются ли приемлемыми для нас предложения, вроде следующих: «история должна представлять ценность для современности», «знание об истории должно быть нужным и ценным для нашего поколения». «прошлое своего народа нужно уважать, так же как и прошлое всех других народов» и т. п.

Ценность знания об истории уже анализируется теоретиками именно с философской точки зрения. Этим занимаются ученые стран Запада²³. Эти вопросы обсуждались и советскими учеными²⁴. Можно как угодно называть подобный анализ, но он уже существует, и существует именно как философский подход к определенному явлению. Оценка — отношение субъекта к объекту, отношение «духа», мышления и «эмоций» к объективному миру, — является частью взаимоотношений материи и сознания — а это проблематика философии.

Вопрос ценности истории и знания об истории является в наши дни и практическим вопросом. Он уже поднят вне науки, вне философии. Отрицательное отношение к истории выражается в уничтожении памятников прошлого, в запрещении или затруднении исследований, объектом которых является более далекое прошлое (все равно, происходит ли это во имя «культурной революции», пролетарской культуры, актуальности научной тематики) или просто в равнодушном отношении к истории и к знанию об истории, в мнениях о бесполезности изучения прошлого. Можно выяснять причины подобного отношения. Но знание причин не снимает вопроса, оправдано ли отрицательное отношение к истории и знанию о ней. И это вопрос практический, ибо если знания об истории не нужны, то оправдано и ограничение расходов общества на изучение прошлого и на сохранение памятников

---

²³ См., напр., следующие труды: P. Smith. *The Historian and History*. N. Y., 1964; G. Ritter. *Scientific History, Contemporary History, and Political Science*. — «History and Theory», vol. I, No. 3, pp. 261—279; F. Dörring. *History as a Social Science*. — *An Essay on the Nature and Purpose of Historical Studies*. The Hague, 1960; R. Wittmann. *Das Interesse an der Geschichte*. Göttingen, 1963; J. H. Plumb. *The Historian's Dilemma*. — *Crisis in the Humanities*. Harmondsworth, 1964, pp. 24—44.

²⁴ См., напр., П. Н. Хмылев. Проблема актуальности в историческом познании. — Труды Томского гос. ун-та, т. 173. Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 2. Томск, 1964, стр. 35—47. Вообще же рассуждения о полезности исторического знания имеют долгую историю.

прошлого. Любая философия, которая претендует быть орудием изменения мира, активным отношением к миру, а не просто созерцанием происходящего, не может выполнять свои функции, не отвечая на вопросы о ценности, в частности о ценности истории и знания об истории.

Представляется необходимым также последовательное разделение двух моментов — ценности истории и ценности знания об истории. Ценным может являться и знание о неценном, о плохом. Фашизм для марксиста враг, величайшая неценность, знание же о фашизме или о причинах возникновения фашизма является ценностью, потому что без знания о фашизме мы не можем решать проблему ценности фашизма, без знания о причинах фашизма не можем бороться против попыток его возрождения. Решение проблемы ценности знания об истории зависит от решения проблемы ценности знания вообще: можно, например, считать ценным для общества (не обязательно для каждого члена общества непосредственно) любое знание, знание само по себе. Но если не утверждать безусловной ценности знания, то ценность знания о любом объекте необходимо обосновывать в каждом случае отдельно. Решение проблемы ценности истории (или каких-то моментов истории) зависит от множества факторов, оно связано как с объективными отношениями между настоящим человечеством и его прошлым, и моментами этого прошлого, так и с местом оценивающего субъекта в отношениях настоящего.

Во всяком случае, аксиологическая проблематика составляет особый подраздел общефилософской проблематики. «Аксиология истории и знания об истории» — особый момент философии как мировоззрения, тем самым еще одно значение термина «философия истории».

5. Наконец, под философией истории можно понимать теорию исторического знания и, еще более общий феномен, методологию исторических исследований²⁵

Методологической функцией по отношению к частным отраслям познания философия обладала всегда. Выработанные в философии категории служили средством осознания мира и вне философии. Но специального учения об историческом познании мы в домарксовской философии не встречаем (в отличие от общего учения о методе познания)

Примерно с середины XIX века положение изменилось. В связи с тем, что эра спекулятивных философий кончалась, что умозрительное схемотворчество перестало быть возможным, фи-

---

²⁵ Методология, по Л. О. Вальту, — философская наука, которая изучает особую систему действительности, элементами которой являются объект науки, предмет науки, задачи, исследовательские процедуры и описания предмета науки. Следовательно, методология — особый раздел гносеологии, учение о научном познании, и поэтому раздел философии, в отличие от исследовательской методики, которая входит в самое науку.

лософы стали задавать вопросы о том, что делают историки, исследуя историю, чем является то, что излагается историками. Сначала Дильтей, а в XX в. и Кроче и Коллингвуд пытались анализировать именно познание истории (конечно, не только познание). Их труды знаменуют переходную эпоху к новому пониманию философии истории в развитых капиталистических странах²⁶

Это новое понимание было связано и с эволюцией самой философии. Попытки неопозитивизма и развившихся из него школ сузить предмет философии оказали огромное влияние на историю немарксистской философии вообще. Новое понимание предмета и задач философии не могло не привести и к новому пониманию философии истории.

Уже М. Р. Кохэн²⁷ указывал, что философия истории изучает основные идеи, содержащиеся в произведениях историка, значение его выводов и методы, при помощи которых историк приходит к выводам²⁸ Позднее П. Гардинер отмечал, что философы задают вопросы об исторической науке, а не в пределах ее²⁹ Философия истории как философское исследование знания об истории, «исторической науки» превратилась после второй мировой войны в господствующее направление среди академических философов высокоразвитых капиталистических стран, занимающихся проблемами истории и знания о ней.

К настоящему времени возникла значительная по своему объему литература, посвященная проблемам теоретического осознания человеческой истории. Издаются специальные монографии, хрестоматии, выпускается международный теоретический журнал «History and Theory». Одной из центральных вопросов в этой отрасли знания стал вопрос о природе объяснения в исторической науке. Впервые проблема исторического объяснения была в острой форме поставлена Карлом Г. Хемпелем в 1942 г. К. Г. Хемпель выдвинул общую модель объяснения в науке и затем попытался доказать, что исторические объяснения являются обычными научными объяснениями³⁰ Теория К. Г. Хемпеля нашла как сторонников, так и противников, и в настоящее время можно наблюдать существование по крайней мере трех школ в решении вопроса³¹ Проблема исторического объяснения связы-

---

²⁶ Cp. P. Gardiner. Introduction. — Theories of History. Glencoe, 1959, pp. 264—265.

²⁷ М. Р. Кохэн (1880—1947) изложил свои взгляды на историю как отрасль познания в последние годы жизни.

²⁸ M. R. Cohen. The Meaning of Human History, pp. 5—6.

²⁹ P. Gardiner. The Nature of Historical Explanation, London, 1952. p. X.

³⁰ C. G. Hempel. The Function of General Laws in History. — Theories of History, p. 345.

³¹ M. Mandelbaum. Historical Explanation: The Problem of 'Covering Laws'. — History and Theory, vol. I, No. 3, p. 229.

вается часто также с вопросом, является ли история (как отрасль познания) наукой. Это — вопрос, вытекающий не только из специфики английского языка и являющийся не только вопросом классификации³² Если история объясняет мир тем же методом, что и естественные науки, то она, конечно, принадлежит к наукам. Но обычно в западной литературе вопрос сводится именно к принятию физики или математики за эталон, за модель идеальной науки, и все доказательства частных положений имеют скрытую цель утверждать, что история является наукой, или же наоборот. Данная проблема, естественно, является философской, но ее решение зависит от нашего понимания структуры общественного познания в целом, от наших исходных позиций. Это обычно не учитывается немарксистскими философами.

Среди марксистских исследователей одним из первых, кто увидел в философии истории теорию исторического знания, которая в том числе устанавливает основные принципы и задачи науки и решает вопрос о том, что такое наука, был Г. П. Саар, точка зрения которого опубликована уже в 1930 г.³³ В более позднее время сходные взгляды выражает Г. Г. Караваев, который рассматривает марксистскую философию как логику социальной науки³⁴ В течение последних лет появилось несколько исследований, посвященных проблемам философского рассмотрения знания об истории³⁵ Философия истории как теория исторического знания уже существует и является специальной областью философских исследований. Поэтому вопрос о ее возможности — праздный вопрос.

* *
*

Таким образом, можно считать установленным, что термин «философия истории» имеет по меньшей мере 5 значений, обозначает не менее пяти различных общественных феноменов. В ходе развития общественной мысли рассматриваемое понятие приобретало новые значения в связи с возникновением новых

---

³² На эти факторы указывает Э. Х. Карр, который считает историю наукой, и в своих доказательствах близок к марксизму. См. E. H. Carr. *Was ist Geschichte?* Stuttgart, 1963, S. 55—85.

³³ Г. П. Саар. Источники и методы исторического исследования, стр. 8.

³⁴ Г. Г. Караваев. Особенности общественного познания и логика научного исследования. Л., 1965, стр. 46—58.

³⁵ Б. А. Грушин. Очерки логики исторического исследования. М., 1961; А. В. Гулыга. О предмете исторической науки. — «Вопросы истории», 1964, № 4, стр. 20—31; Г. М. Иванов. К вопросу о своеобразии исторического познания. — Труды Томского гос. ун-та, т. 166, стр. 3—26; А. И. Уваров. Структура теории в исторической науке. — Труды Томского гос. ун-та, т. 178, стр. 35—65. Разумеется, здесь не место для полной библиографии вопроса. Важно лишь отметить наличие специальных трудов, посвященных теме, а не только отдельных высказываний в общих работах или попутно с рассмотрением других тем.

явлений, при этом направление развития было ориентировано от первых двух феноменов (и значений) к последним трем феноменам (и явлениям). Подобное развитие было обусловлено развитием человеческого познания, изменением соотношения философии и частных наук³⁶. В настоящее время (в 60-е гг XX в.) философией истории являются лишь явления, которые служат содержанием термина в его 3, 4, 5 значениях (согласно классификации, проведенной в настоящей статье). В других значениях философия истории как философия в наши дни невозможна.

Из вышеизложенного следует, что философия истории не составляет отдельной философской дисциплины, относительно самостоятельной теоретической системы. В каждом из значений «философия истории» является частью соответствующего раздела философии, в значении 3 — онтологических проблем философии, в значении 4 — аксиологии, в значении 5 — гносеологии, а уже — логики научного познания. Так, например, решение вопросов о ценности истории и знании об истории зависит прежде всего от взглядов на природу ценности вообще и одновременно служит проверкой решения проблемы сущности ценностей. Предмет «философии истории» в любом из значений отличен от предмета ее в некотором другом значении.

Возникает вопрос о правомерности употребления самого термина «философия истории», поскольку за ним не скрывается внутренне единого раздела философской теории. Конечно, в историческом плане термин приемлем, потому что в таком случае им обозначается то, что в каждый период считалось и было для этого периода философией истории. Что же касается настоящего времени, то, во-первых, можно было бы договориться называть философией истории то направление исследований, которое соответствует одному из значений 3, 4, 5. Правда, выбор значения в таком случае станет только конвенциональным, и возникнут некоторые языковые трудности: приходится дополнительно оговаривать, что философское рассмотрение остальных проблем, связанных с историей и ее познанием, не следует называть «философией истории» только потому, что такова конвенция. Подобный путь представляется неудобным, неэкономным, и поэтому от него рекомендуется отказаться.

Во-вторых, можно вообще отказаться от термина «философия истории», или, в крайнем случае, ограничить ее применение только обыденным языком (в отличие от научного, или же философского языка). Путь этот, хотя и наиболее радикален и решает все трудности многозначности, обладает также некоторыми недостатками. Дело в том, что все три последних значения

---

³⁶ Сказанное не отрицает возможного наличия и других причин, действующих непосредственно из общественного бытия на общественное сознание.

исследуемого термина имеют нечто общее. Этим общим является объект исследования — человеческая история и знание об истории, а также способ осознания объекта — философия. Реальность общего в этих трех значениях может вполне быть выраженной при помощи специального термина (понятия), а в качестве такого понятия удобнее всего применять выражение «философия истории». Более того, при таком понимании термина его значения будут зависеть от времени, по отношению к которому термин употребляется (иными словами: от индивидуального исторического состояния способа осознания объекта и самого объекта, т. е. содержания термина), и мы в определенных случаях можем говорить о философии истории в 1 или 2 значениях термина. Во всяком случае, при предлагаемом уточнении понятия следует всегда указывать на обстоятельства, по отношению к которым термин употребляется, т. е. логически осмысленным будет только формула «философия истории в условиях x », где x обозначает страну и время, а не формула «философия истории»³⁷ Как систематическая же дисциплина, философия истории в наше время невозможна, и в таком значении термин остается пустым понятием.

Поступила в редакцию 7 декабря 1966 г.

---

³⁷ Естественно, условия могут задаваться контекстом, если отсутствует опасность возникновения неопределенностей.

ОТЧУЖДЕНИЕ И РЕВОЛЮЦИЯ

Р. Н. Блюм

Количество литературы, посвященной проблеме отчуждения, увеличивается быстрыми темпами. Правда, существовавшее длительное время среди значительной части философов подозрительное отношение к самой категории отчуждения, как «навязанной» марксистам буржуазными идеологами, накладывает свой отпечаток на выходящие в свет работы. Они в большинстве посвящены скорее обоснованию правомерности использования в марксистском исследовании указанной категории, чем интенсивной разработке тех или иных конкретных аспектов ситуации отчуждения. Настало время сделать следующий шаг и сосредоточить основное внимание именно на решении последней задачи.

Целый комплекс вопросов, требующих специального обсуждения, связан с проблемой преодоления отчуждения. Началом этому обсуждению положено в ряде работ¹ Настоящая статья имеет своей целью рассмотреть лишь некоторые аспекты проблемы преодоления отчуждения в ходе подготовки и осуществления социальной революции.

Под отчуждением понимается такой процесс и состояние, при котором человеческая деятельность и ее результаты превращаются в самостоятельную, оторванную от субъекта деятельность, силу, враждебную человеку и господствующую над ним. На наш взгляд, структуру отчуждения можно представить следующим образом: а) отчуждение продуктов деятельности человека, которое, в свою очередь, делится на отчуждение предметов, произведенных в непосредственном умственном или физическом

---

¹ Роже Гароди. Борьба за коммунизм — путь к преодолению «отчуждения» человека. — «Проблемы мира и социализма», 1960, № 10; Э. М. Ситников. Проблема «отчуждения» в буржуазной философии и фальсификаторы марксизма. М., 1962; Ю. Н. Давыдов. Труд и свобода. М., 1962; Отчуждение и гуманность. М., 1967; W. Heise. Über die Entfremdung und ihre Überwindung. — «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 1965, Nr. 6; Agh Attila. Socializmus és elidegenedés. — «Magyar Filozófiai Szemle», 1967, № 3 szám.

труде, и на отчуждение институциональных структур разного рода (государство, право, мораль, семья и т. п.); б) отчуждение конкретно-исторических свойств общественного человека; в) идеологическое отчуждение, носящее вторичный характер, так сказать, отчуждение отчуждения (превратное мировоззрение превратного мира, по словам К. Маркса).

Из марксовской концепции отчуждения непосредственно следует, что «утрата предмета» и «закабаление предметом» есть не просто результат опредмечивания, а опредмечивания в определенных общественных отношениях. Именно поэтому Маркс говорит, что отчуждение, «выключение рабочего из действительности» имеет место тогда, когда опредмечивание осуществляется «бесчеловечным образом»². Отсюда, чтобы понять, что такое отчуждение, а, следовательно, определить возможные пути его преодоления, необходимо подвергнуть научному анализу те общественные отношения, при которых происходит опредмечивание бесчеловечным образом. На наш взгляд, исследование Марксом, в первую очередь, общественных отношений капитализма, позволяет сформулировать следующие три важнейшие базисные причины существования и воспроизведения отчуждения: 1) стихийность формирования и функционирования общественных регуляторов; 2) порабащающее человека разделение труда; 3) частная собственность.

Не подлежит сомнению, что возможность преодоления отчуждения заключается, прежде всего, в устранении главных причин, его порождающих и воспроизводящих. В то же время ясно, что исключение указанных трех факторов из общественной жизни может быть результатом длительного и сложного процесса изменения, который должен привести к крупнейшим качественным сдвигам как в области производительных сил и экономических отношений, так и в социально-политической и идеологической сферах.³

---

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 561, 626.

³ Нельзя уйти от серьезной проблемы, возникающей в связи с вопросом об историческом подходе к отчуждению. Ю. А. Левада, например, считает, что категория отчуждения «не переносит историзма» (Ю. А. Левада. Социальная природа религии. М., 1965, стр. 29). Нам кажется, что механизм отчуждения нельзя интерпретировать с обычной исторической точки зрения. Такая интерпретация неприменима в собственном смысле слова при рассмотрении отчуждения продуктов деятельности человека (здесь нет связи «было — есть»). Что касается отчуждения конкретно-исторических свойств общественного человека, то при этом действительно речь идет о *потере* человеком своих сущностных сил. Слишком буквальное понимание этого тезиса ведет к выводу в духе концепции Руссо: было «счастливое время», когда человек обладал всеми своими истинными качествами, а затем произошло своеобразное «грехопадение» — в результате отчуждения он все потерял. Такой подход к отчуждению, конечно, антиисторичен, так как ничего подобного в истории не было. Но отчуждение нельзя рассматривать как потерю того, что

В соответствии с поставленной задачей нас интересуют лишь начальные стадии этого процесса. Здесь можно четко выделить два этапа. Первый — этап подготовки социальной революции, анализ которого требует ответа на вопросы о реальных возможностях преодоления отчуждения, об общественных силах, способных осуществить это общественное преобразование, о роли ситуации отчуждения в формировании революционных сил и распространении революционных настроений. Второй — этап осуществления первичных политических и социально-экономических преобразований, этап непосредственного революционного разрушительно-созидательного действия широких народных масс, анализ которого требует ответа на вопрос о возможностях, условиях и конкретных путях преодоления отчуждения в революционной борьбе.

Возможность преодоления отчуждения К. Маркс связывал прежде всего с огромным ростом производительных сил, ростом, который, с одной стороны, создает условия для удовлетворения необходимых человеческих потребностей (учитывая, естественно, их исторический характер и зависимость от конкретного состояния общества) Без этого может иметь место «лишь всеобщее распространение бедности; а при крайней нужде должна была бы снова начаться и борьба за необходимые предметы и, значит, должна была бы воскреснуть вся старая мерзость». ⁴ С другой стороны, соответствующее развитие производительных сил устанавливает «универсальное общение людей», превращает местно-ограниченных индивидов «во всемирно-исторических, эмпирически универсальных». ⁵

Развивая эти идеи, сформулированные в «Немецкой идеологии» (1846), К. Маркс в рукописи «Критика политической экономии» (1857—58) более конкретно указывает на такой уровень производительных сил, при котором человек «относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик. Вместо того чтобы быть главным агентом процесса производства, рабочий становится рядом с ним». В этом случае главной основой жизнедеятельности социального организма оказывается «развитие общественного индивида», «свободное развитие индивидуальностей», а «мерой богатства будет отнюдь уже не рабочее время, а свободное время». ⁶

Анализируя возможности уничтожения отчуждения, К. Маркс указывает еще на две важные предпосылки. «Чтобы стать «не-

---

раньше было, отчуждение всегда потеря того, что есть, отсутствие того, что может и должно быть. Отчуждение всегда связано с реальным историческим человеком, с конкретно функционирующей природой человека. Отсюда следует, что нет отчуждения вообще, а всегда есть лишь конкретно-исторические формы отчуждения.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 33.

⁵ Там же, стр. 33—34.

⁶ «Вопросы философии», 1967, № 7, стр. 119, 121.

выносимой» силой, т. е. такой силой, против которой совершают революцию, необходимо, чтобы это отчуждение превратило основную массу человечества в совершенно «лишенных собственности» людей, противостоящих в то же время имеющемуся налицо миру богатства и образования». ⁷ Итак, — не только наличие «лишенных собственности людей», но и их противопоставленность «миру богатства и образования». Последнее следует, по-видимому, понимать как антагонистичность, враждебность, отчужденность «лишенного собственности класса» по отношению к господствующим классовым силам, желание и умение вести против них борьбу. С позиций существующих ныне (в середине XX века) классовых отношений в изложенную точку зрения К. Маркса необходимо внести известный корректив. А именно, в связи с развитием науки и образования, а также с превращением науки в непосредственную производительную силу, в настоящее время значительные элементы «мира образования» откололись от «мира богатства» и противостоят этому последнему как важная составная часть «лишенных собственности людей». В этом важном социальном процессе нельзя не видеть, с одной стороны, углубления ситуации отчуждения, а, с другой, роста сил, борющихся против отчужденного мира.

Марксистское учение о всемирно-исторической роли пролетариата было ответом на вопрос о той классовой силе, которая способна осуществить революционное социалистическое преобразование, создать основные предпосылки для ликвидации отчуждения. И это не в силу какой-то «божественной» предначертанности, а потому, что именно пролетариат — это тот класс, отчуждение которого носит тотальный характер, тот класс, который количественно постоянно растет, охватывая большинство населения развитых стран, тот класс, обесчеловечивание которого увеличивается по мере роста богатства общества, тот класс, который не может освободить себя, не освобождая в то же время все общество, и, наконец, тот класс, бытие которого позволяет ему осознать свое отчуждение и организовать радикальную борьбу с ним.

Указанные возможности фиксируют лишь одну сторону вопроса. Они отмечают то несомненное обстоятельство, что реальные предпосылки полного преодоления отчуждения создаются только в ходе социалистической революции. Необходимо отметить и другую сторону вопроса, связанную с установлением непосредственных причин социальной революции. Как нам представляется, при анализе тех условий, из которых вырастает социальная революция, важное место должно принадлежать отчуждению. При этом следует обратить внимание на два момента: во-первых, на объективное углубление всех видов отчуждения (отчуждение становится всеохватывающим, тотальным), являю-

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 33.

щееся следствием обострения главных общественных противоречий, и, во-вторых, на осознание (или чувство) отчуждения у революционных классов или социальных групп, на психологическо-идеологическое состояние отчужденности.

Определяющим, базисным видом отчуждения является экономическое отчуждение. Оно находит свое крайнее выражение в капиталистическом товарном производстве, в наемном труде, отчужденном от самого себя труде, «которому созданное им богатство противостоит как чужое богатство, его собственная производительная сила — как производительная сила его продукта, его обогащение — как самообеднение, его общественная сила — как сила общества, властвующая над ним».⁸ В этих условиях мертвый труд господствует над живым. Причем общей тенденцией является постоянное возрастание овеществленного труда, общественного богатства, отчужденного от живого труда. «Объективные условия труда приобретают все более колоссальную самостоятельность по отношению к живому труду, самостоятельность, выражающуюся уже в самом их размере общественное богатство во все более мощных скоплениях противостоит труду как чужая и господствующая сила».⁹

Современное общество, общество XX века, создавшее огромные производительные силы, которые служат враждебным чело- веку системам — гигантским капиталистическим монополиям, военной машине, бюрократическому государству, наглядно подтверждают правоту теоретического анализа К. Маркса.

Эти изменения ставят перед человечеством неотложную задачу произвести переворот в отношениях собственности, в социальной и политической структурах. Неотложная необходимость коренного социального переворота вытекает и из других важных процессов нашего века, которые описываются в терминах ситуации отчуждения. Укажем хотя бы на взаимоотношения людей с природой и с продуктами их научно-технической деятельности. Лучшие продукты «общественного мозга» отрываются от своих создателей, используются во враждебных человеку целях, грозят уничтожить все созданное руками и мыслью людей вместе с ними самими. Современный «демон» Франкенштейна, в первую очередь, термоядерное оружие, довел отчуждение до самых крайних пределов, поставив под угрозу существование цивилизации.¹⁰

---

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 268.

⁹ «Вопросы философии», 1967, № 6, стр. 102.

¹⁰ Довольно широкое хождение имеет концепция, которая ищет главные причины отчуждения в развитии науки и техники. По этому поводу американский социолог Ф. Паппенхейм, на наш взгляд, правильно замечает: «Многие люди склоняются поспешно предъявить обвинительный акт научному и технологическому развитию, без понимания того, что технология сама по себе нейтральна и не детерминирует цели, для которых ее используют» (Fritz Pappenheim. The Alienation of Modern Man. N. Y., 1959, p. 108).

Отсюда перед человечеством возникает своеобразная задача Сфинкса, которую надо либо разрешить, либо погибнуть. Функцию мудрого царя Эдипа, разрешившего в греческом мифе коварную загадку, может, по-видимому, выполнить лишь такая социальная революция, которая способна искоренить все виды, формы и проявления частно-собственнических отношений с порожденными ими деспотическо-волюнтаристскими методами управления, партикуляризмом и индивидуализмом. В такой социальной революции могут быть созданы условия, при которых возможна сознательная и планомерная регуляция общественной жизни в глобальном масштабе.

Подчеркнем еще раз, что подобная альтернатива стоит так остро впервые в истории человечества. «Концентрация средств производства в руках небольшой группы олигархов (ответственных только перед самими собой и перед своей обязанностью наращивать прибыли) которые гладко и рационально руководят своими корпоративными империями, завершила превращение производственного аппарата в силу, стоящую вне и над индивидом, в силу, властвующую над его существованием и в то же время совершенно недоступную его контролю. Никогда в истории эта власть не была в такой степени властью над жизнью и смертью миллионов мужчин, женщин и детей». ¹¹

Другим существенным аспектом ситуации отчуждения, выступающим как условие, которое может при известных обстоятельствах сыграть роль революционизирующего фактора, является то, что обычно называют деперсонализацией, термин, характеризующий положение отчужденного, стандартизированного индивида в отчужденном мире. В статье «Отчуждение и социальный строй Америки» Г. Аптекер приводит слова английского социалиста и историка Р. Х. Тоуни: «Мятеж против капитализма имеет свой источник не только в материальной нищете, но и в чувстве негодования против экономической системы, которая дегуманизирует существование массы людей, относясь к ним не как к ответственным партнерам в кооперативном предприятии, подчиняющим природу на благо человечества, но как к инструментам манипуляции, обладающего денежным преимуществом меньшинства собственников». ¹²

Обратимся ко второму моменту — к психологическо-идеологическому состоянию отчужденности. Наиболее существенный пункт с точки зрения подготовки революционного переворота состоит в необходимости осознания широкими массами народа ситуации отчуждения, в развитии чувства протеста, переходящего в революционное настроение, без которого невозможно ни одно революционное действие.

---

¹¹ Поль А. Баран. Капитализм и рациональность. — «Вопросы философии», 1960, № 6, стр. 62.

¹² Marxism and Alienation. — A Symposium. N. Y., 1965, p. 22.

Далеко не всегда отчуждение чувствуют или сознают. История и современное состояние общества дают нам многочисленные примеры того, как отчуждение воспринимается как нечто само собой разумеющееся, о нем не догадываются, на него не обращают внимания. По этому поводу польский сатирик Станислав Ежи Лец остроумно заметил: «Человек из железа, поэтому он иногда не ощущает кандалы как инородное тело». Несомненно в этом случае имеется налицо наиболее полное, тотальное отчуждение. Именно, характеризуя такое общественное состояние, В. И. Ленин написал свои гневные слова: «Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб который не только чуждается стремления к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство — такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам». ¹³

Первая ступень психологической отчужденности чувства вражды, протеста, правда, еще недостаточно осознанные. Ясен враг — это «они»: эксплуататоры, хозяева, бюрократы, надсмотрщики и т. п. Ясно, что они составляют чужую враждебную силу. Но еще не ясна сама сущность угнетения и пути борьбы с ним. О таком психологическом состоянии В. И. Ленин писал: «Эта ненависть представителя угнетенных и эксплуатируемых масс есть поистине «начало всякой премудрости», основа всякого социалистического и коммунистического движения и его успехов». ¹⁴

Нельзя не отметить, что психологическая отчужденность может быть источником как рационального осознания необходимости революционной борьбы, так и иррационального анархического протеста против всего существующего. Ю. А. Замошкин в своей содержательной работе показал на примере США две основные линии развития общественного сознания и поведения масс в условиях современного капитализма. Первая линия — «борьба против сущности государственно-монополистической социальной организации, против лежащих в ее основе капиталистических материальных отношений. Одновременно это — борьба против форм и тенденций этой организации, против бюрократизма и антигуманизма». Вторая линия — выражает протест тех, кто еще находится «в плену традиционно буржуазных форм сознания, в плену индивидуалистической идеологии и психологии». ¹⁵ В этом случае протест выражается в слепом озлоблении, которое «выливается в пьянстве и хулиганстве, в бессмысленной жестокости, в стихийном, слепом, иррациональном стремлении отомстить всему миру, чело-

---

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 108.

¹⁴ Там же, т. 41, стр. 64—65.

¹⁵ Ю. А. Замошкин. Кризис буржуазного индивидуализма и личность. М., 1966, стр. 95—96.

вечеству или какому-нибудь, кто подвернется под руку». ¹⁶ Иррациональность, характерная для многих форм протеста в современных развитых капиталистических странах, есть результат как отмечают многие авторы, ¹⁷ бунта против буржуазной рациональности, отражение возрастающего противоречия между микросмыслом (частичной рациональностью на предприятиях, в корпорациях и т. п.) и макробезумием (общественной иррациональностью). Ясно, что такой протест против отчуждения не порывает и не может порвать с миром отчуждения. Более того он объективно может стать орудием самых реакционных и контрреволюционных сил (например, фашизма).

Из сказанного вытекает, что лишь осознание в той или иной мере сущности отчуждения и более или менее четкое понимание путей борьбы с ним может быть основой сознательной и успешной революционной деятельности. В начале XX века В. И. Лениным было теоретически разработано, а практикой революционной борьбы в России показано, что решающую роль в борьбе с капитализмом играет соединение социалистической сознательности с рабочим движением, т. е. сознательная революционная борьба передовых сил трудящихся против тотального отчуждения.

В дискуссии на страницах французского журнала «Нувель критик» Мишель Симон выдвинул против концепции отчуждения такой аргумент: поскольку капитализму свойственно тотальное отчуждение, то все классы должны быть заинтересованы в революции и непонятно, почему существуют антиреволюционные силы. ¹⁸ Но ведь тотальность отчуждения ведет к различным психологическим реакциям у различных социальных групп и отсюда к различному социальному поведению. «Имущий класс и класс пролетариата представляют одно и то же человеческое самоотчуждение. Но первый класс чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным, воспринимает отчуждение как свидетельство своего собственного могущества и обладает в нем видимостью человеческого существования. Второй же класс чувствует себя в этом отчуждении уничтоженным, видит в нем свое бессилие и действительность нечеловеческого существования. Класс этот есть в рамках отверженности возмущение против этой отверженности, возмущение которое в этом классе необходимо вызывается противоречием между его человеческой природой и его жизненным положением, являющимся откровенным, решительным и всеобъемлющим отрицанием этой самой природы». ¹⁹

---

¹⁶ Там же, стр. 61.

¹⁷ См., например, П. А. Баран. Указ. статья; Ю. А. Замошкин. Указ. книга.

¹⁸ «Философские науки», 1966, № 4, стр. 125.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 39.

Итак, революция возможна не только при наличии соответствующих объективных изменений, в том числе и в ситуации отчуждения, но и при обязательном осознании отчуждения и необходимости борьбы с ним революционными классами. Тем более это относится к социалистической революции, которая отличается несравненно большим удельным весом элемента сознательности, чем революции несоциалистического типа.

Анализ причин существования и воспроизводства отчуждения ясно показывает, что его преодоление может быть осуществлено только в ходе последовательных социалистических и коммунистических преобразований. Значит ли это, что в революциях досоциалистического типа не ведется никакой борьбы против отчуждения? Такой вывод, несомненно, был бы слишком поспешным. На наш взгляд, есть все основания утверждать, что во всякой социальной революции, тем более народной, идет активная борьба с различными видами отчуждения. Другой вопрос, насколько эта борьба последовательна и успешна.

Социальная революция есть борьба против старых политических и экономических порядков. Иными словами, «масса, восставшая против самостоятельно существующих продуктов ее самоунижения, восстает тем самым против своего собственного недостатка»²⁰ Следовательно, ее противником являются отчужденные отношения. В революциях происходит ниспровержение многих религиозных и светских фетишей, господствующих над людьми в предшествующие периоды.

Чрезвычайно важно, с точки зрения обсуждаемого нами вопроса, то обстоятельство, что народ в революциях выступает как подлинный творец и создатель общественных отношений, он превращается из объекта в субъект истории. Революционные массы принимают самое непосредственное участие в создании новых социальных институтов, участвуют в их работе, держат их под постоянным контролем. Они не только тесно связаны с продуктами своей деятельности, но и постоянно видят ее результаты, плоды рук своих, чувствуют и знают, что создание новых общественных отношений зависит от их воли и усилий. Подобное состояние, снимающее чувство отчужденности, хорошо выражено в словах польского рабочего, приведенных в «Польском дневнике» Ю. Юзовского: «Тогда я чувствовал себя средством, а сейчас причиной. Тогда я зависел, сейчас от меня зависит»²¹ Нетрудно видеть, что в этой своей революционной роли человек разрывает ситуацию отчуждения. И не даром В. И. Ленин называл революции «праздником угнетенных и эксплуатируемых».

Все сказанное можно интерпретировать (и глубже понять) в терминах концепции отчуждения следующим образом. В процессе функционирования общества внутри него происходит от-

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 90.

²¹ «Новый мир», 1966, № 2, стр. 149.

чуждение «сущностных сил человека». Эти «сущностные силы» объективируются, опредмечиваются в соответствующие формы материальной и духовной культуры, в «искусственную природу». Но «искусственная природа» оказывается отчужденной только при определенных социальных обстоятельствах. Революцию можно рассматривать как попытку снять отчуждение, попытку овладеть ушедшими от человека его продуктами, попытку вернуть «человеческие сущностные силы» человеку.

Отчужденные «сущностные силы человека» обособлены по различным сферам деятельности. В самом общем виде этих сфер три: материальное производство, духовное производство и сфера социально-политического управления. Такое разделение тесно связано с социальной дифференциацией в обществе, причем экономически господствующий класс полностью узурпирует сферу управления. Революция, стремясь вырвать управление из рук «избранных» и создавая управление народа (или, по крайней мере, под контролем его), делает шаги в сторону интеграции разорванных «человеческих сущностных сил», наносит ощутимые удары по самоотчуждению человека.

Наглядным свидетельством разрыва ситуации отчуждения является тот энтузиазм и активность широких масс (в том числе и ранее политически пассивных), которые столь характерны для каждой революции, в особенности для народной. Хорошо об этом сказал Ю. Н. Давыдов: «в революциях *общественное* признание впервые получает цельная личность трудящегося индивида. Его сознание, воля, характер, активность уже не являются простым «бесплатным приложением» к его физической способности. И чем более цельными, чем более свободными, сознательными и активными выступают индивиды в революционных событиях, тем больше выигрывает революция. Именно социальные революции вызвали из глубин народной жизни яркие индивидуальности. Натуры цельные и свободные в *подлинном* смысле слова». ²²

Необходимо подчеркнуть при этом, что борьба против мира отчуждения в революциях досоциалистического типа не приводит и не может привести к ликвидации отчуждения как такового, так как все они сохраняют в неприкосновенности важнейшую основу всякого отчуждения — частную собственность. Только революция, направленная на уничтожение частной собственности как таковой, со всеми ее последствиями — социалистическая революция способна открыть дорогу к полной ликвидации всех видов отчуждения.

Не ставя перед собой задачу подробного анализа особенностей социалистической революции, отметим лишь два момента, имеющие прямое отношение к обсуждаемой проблеме. Во-пер-

---

²² Ю. Н. Давыдов. Труд и свобода, стр. 82—83.

вых, К. Маркс в своих ранних работах постоянно противопоставляет два понятия: «политическая эмансипация» и «человеческая эмансипация». Последнее понятие для него синоним революции социалистической. Характеристика социалистической революции как человеческой эмансипации неслучайна — она означает особое подчеркивание ее гуманистического характера, ее стремления к уничтожению всякого отчуждения.

С гуманистических позиций К. Маркс подвергает резкой критике т. н. казарменный коммунизм, который, с его точки зрения, не отменяет частную собственность, а делает ее всеобщей, распространяет на все общество. «Этот коммунизм, отрицающий повсюду личность человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием. Что такое упразднение частной собственности не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к неестественной простоте бедного и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже не дорос еще до нее».²³

Подлинный же коммунизм есть «положительное упразднение частной собственности — этого самоотчуждения человека — и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства достигнутого развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т. е. человеческому».²⁴

Глубоко неверно отделять ранние работы К. Маркса от его зрелых работ. Еще более ошибочным является утверждение об отходе К. Маркса от гуманистических позиций. Наоборот, основоположник научного социализма все внимание уделил научному анализу конкретных путей освобождения личности (преодоления отчуждения), исходя из определяющих тезисов: «общество не может освободить себя, не освободив каждого отдельного человека»,²⁵ и «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».²⁶

Во-вторых, процесс изменения человека есть процесс его самоизменения, так как измениться он может только в действии, причем каково это действие, таким будет и изменение. Поэтому совершенно неверно отрывать человека от окружающего мира, деятельность от существующих обстоятельств. «Обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят

---

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 586—587.

²⁴ Там же, стр. 588.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 305.

²⁶ Там же, т. 4, стр. 447.

обстоятельства»²⁷ — в этом тезисе суть, квинтэссенция марксистской философии человека. Отсюда, между прочим, вытекает, что для снятия отчуждения человека нет иного пути, кроме его собственной борьбы против отчужденного мира. Именно в этом смысле К. Маркс оценивал значение социалистической революции. «Как для массового порождения коммунистического сознания, так и для достижения самой цели необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в революции; следовательно, революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть господствующий класс, но и потому, что свержающий класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества».²⁸ В другом месте К. Маркс писал о необходимости для пролетариата пережить десятилетия «для того, чтобы изменить существующие условия и чтобы сделать самих себя способными к господству».²⁹

Уместно здесь также напомнить характерное высказывание В. И. Ленина: «Действительное воспитание масс никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю».³⁰

Коль скоро требуется время для устранения отчуждения, то было бы утопичным полагать, что социалистическая революция сразу его ликвидирует. Решение этой задачи неизбежно должно занять значительный период. Вопрос о существовании отчуждения в условиях социализма широко обсуждается в марксистской литературе. В настоящее время лишь единичные авторы осмеливаются начисто отрицать применимость этой категории для характеристики тех или иных отношений социалистического общества. Большинство авторов согласно с тем, что, хотя основная тенденция развития социалистического общества направлена на преодоление отчуждения, тем не менее и при социализме существуют еще различные виды отчуждения. В то же время надо отметить, что признание этого тезиса сопровождается весьма существенными расхождениями в определении причин, распространенности, опасности, скорости преодоления и других аспектов отчуждения при социализме.

Теоретически ясно, что частная собственность с ее различными проявлениями в социальной, политической и идеологической сферах, укоренявшаяся в течение тысячелетий, не может

---

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 37.

²⁸ Там же, т. 3, стр. 70.

²⁹ Там же, т. 8, стр. 582.

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 314.

быть устранена за считанные годы. Ясно также, что порабощающее человека разделение труда может исчезнуть только при очень высоком развитии производительных сил, на что требуется немалое время.

Однако не только теория, но и практика социалистического строительства дает достаточно много материала для суждения по поводу отчуждения при социализме. Такие извращения основополагающих принципов социализма, встретившиеся в процессе строительства нового общества, как культ личности, «культурная революция» с их полным пренебрежением к человеку есть не что иное, как возрождение крайних форм отчуждения. Еще далеко не изжиты явные проявления ситуации отчуждения и в области экономики (например, отношение к труду как неприятной обязанности, отсутствие чувства хозяина на производстве у части работающих), и в политической области (например, бюрократизм, политическая пассивность), и в области духовной (например, религия, различные фетишистские представления, пережитки националистической идеологии).

Констатация факта отчуждения при социализме ведет, по крайней мере, к двум напрашивающимся выводам. Первый — не огульное отрицание фактов, а всесторонний, глубокий и конкретный анализ различных видов отчуждения, существующих при социализме, может быть единственным конструктивным путем, способным помочь в решении практических задач. Второй — в современном мире, находящемся в процессе коренных революционных изменений, впервые создается реальная возможность для полного преодоления всех видов отчуждения, т. е. для осуществления марксистского идеала цельного, богатого человека, действующего в свободном и богатом своими отношениями мире.

АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

А. И. Горячева

В марксистской философской и психологической литературе за последние годы накоплен значительный материал, позволяющий более четко определить совокупность проблем социальной психологии. Выделяется два основных аспекта социальной психологии, или два понимания предмета этой дисциплины, каждый из которых имеет свой круг вопросов: социологический аспект и психологический. К психологическому аспекту следует отнести изучение взаимоотношения личности и коллектива (социально-психологическая сторона этого взаимоотношения), роли настроений, чувств (симпатии и антипатии, сочувствия, доверия, радости и подъема, уныния и апатии и т. д.) явлений паники, азарта, сплоченности, энтузиазма, солидарности и т. д., изучение закономерностей их возникновения и изменения (роль подражания, «психического заражения», общения и др.) В связи с этими проблемами решается вопрос повышения дееспособности коллектива, повышения производительности труда в трудовом процессе, вопрос развития способностей личности в коллективе и т. д. — это основные проблемы, выделяемые социальными психологами психологического направления. Представители этого направления считают социальную психологию психологической дисциплиной. В предисловии к сборнику «Sozialpsychologie im Sozialismus» (Berlin, 1965) издатели Х. Хиебш и М. Форверг называют социальную психологию психологической дисциплиной. То же самое мы встречаем в работах В. Н. Колбановского¹, Б. Ф. Поршнева² и других. В таком плане ведутся исследования лабораторией социальной психологии при Ленинградском университете. Лаборатория исследует взаимоотношения в трудовых коллективах и оптимальные условия эффективной деятельности коллектива, влияние взаимоотношений в производственном кол-

¹ См., например, В. Н. Колбановский. Предмет, методы и актуальные проблемы советской общественной психологии. — Проблемы общественной психологии, М., 1965.

² См., Б. Ф. Поршнев. Социальная психология и история. М., 1966.

лективе на производительность труда, применение различных методов «изучения взаимоотношений в коллективах и их влияние на развитие членов коллективов». ³

Нет сомнений, что подобное внимание к проблеме формирования психологии личности в условиях коллектива правомерно. Этой же проблемой интересуются и социологи, и педагоги, и представители других отраслей наук. ⁴

На значение перечисленных выше социально-психологических явлений можно найти немало указаний в работах классиков марксизма. Маркс писал о «повышении жизненной энергии» при общественном контакте, об увеличении «индивидуальной дееспособности» в коллективе, в объединении. ⁵ В. И. Ленин придавал большое значение таким явлениям, как «сочувствие», «симпатия», «доверие» и другим в их социально-психологическом смысле. ⁶

Человеческая личность является в своей сущности ансамблем общественных отношений. «Особенно следует избегать того, чтобы снова противопоставлять «общество», как абстракцию, индивиду. Индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими, — является проявлением и утверждением общественной жизни». ⁷ В этом смысле вся психология человека также — проявление общественной жизни, она социальна, и нет и не может быть какой-либо психологии, не являющейся «общественной».

Однако, все это не означает, что задачи социально-психологических исследований нужно понимать настолько широко, чтобы включать в них изучение протекания всех психических процес-

---

³ Е. С. Кузьмин. Из опыта изучения производственных коллективов. — Проблемы общественной психологии, стр. 405.

⁴ См., например, статью Г. Осипова, Ю. Козырева, В. Колба новского, М. Айвазяна. Задачи и методы конкретно-социологических исследований. — Вопросы организации и методики конкретно-социологических исследований. Росвузиздат, 1963, стр. 30, где одним из основных направлений социологических исследований признается исследование проблем, связанных с формированием всесторонне развитой личности, «изучение роли школы, семьи, производственного коллектива в формировании социально-психологических черт трудящихся». См. также В. А. Ядов, О чем говорит опыт организации и проведения конкретных социальных исследований в Ленинграде. — «Философские науки», № 2, 1965. Группа В. А. Ядова занимается «изучением тенденций формирования коммунистического отношения к труду в современных условиях» (стр. 157), что, кстати, невозможно сделать без соответствующего социально-психологического анализа.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 337.

⁶ См. В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 58, 262; т. 36, стр. 95, 206, 256, 267; т. 38, стр. 52 и др.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 590.

сов личности в условиях непосредственного взаимодействия внутри конкретной группы людей. Прогрессивный французский психолог Ж. Ф. Лени считает даже, что областью социальной психологии является «изучение социальной детерминированности индивидуальной психики». Психология человека вся социальна, пишет Лени, но от этого ее характера можно абстрагироваться — и это будет уже областью общей психологии.⁸

В выступлении на международном симпозиуме по теме: «Общественная задача социальной психологии при социализме», др. А. Гайслер (ГДР) говорил о применении социально-психологических методов в медицинской практике и выделял проблему характера отношений врача и пациента и их интеграцию в системе общественных связей, как социально-психологическую.⁹ Конечно, при исследовании какого-либо явления можно, а иногда и необходимо, применять различные методы, в том числе и социально-психологического характера. Но переходить от применения методов одной науки в других областях к включению исследуемого с помощью этих методов явления (как в выше приведенном случае с помощью социально-психологических методов) в сам предмет данной науки (например, социальной психологии) было бы неправильным. Можно ли включать в предмет социальной психологии изучение протекания всех психических процессов в условиях непосредственного взаимодействия внутри конкретной группы людей, внутри коллектива? Может быть правильнее было бы употреблять понятие «общественная психология» в смысле психологии определенного общества, класса, нации, социальной группы, а под социальной психологией понимать научную дисциплину, включающуюся в марксистскую социологию и изучающую указанную сторону общественной жизни? В этом случае понятие «общественная психология» обозначает не социальную природу, происхождение и содержание психики человека вообще, не проявление этой психики в определенной среде («микросреде»), группе, а как одну из сторон духовной жизни общества. Это и будет другим аспектом, другим подходом к предмету социальной психологии — социологическим. Сюда входят исследование значения психического склада социальной группы, прежде всего класса, а также слоев и прослоек общества, наций, как особой социальной общности людей, исследование роли социального характера, волевых особенностей, привычек, обычаев, традиций, вкусов, предрассудков, свойств той или иной группе, темперамента при характеристике

---

⁸ Le matérialisme et, la psychologie sociale par Jean-François Le Ny. — «La Pensée», n° 112, decembre, 1963, p. 63 ; см. также Ж. Ф. Лени. К вопросу о материалистической социальной психологии. — «Вопросы психологии», № 1, 1963, стр. 147, 150.

⁹ A. Geissler. Zum Anwendung sozialpsychologischer Methoden auf Probleme der ärztlichen Praxis. — Sozial Psychologie im Sozialismus. Berlin, 1965.

национального психического склада; учет огромной и очень сложной стороны общественной психологии, включающей в себя эмоциональные и несистематизированные интеллектуальные отражения общественных условий: эмоции, настроения, чувства, страсти, потребности, интересы, чаяния и т. д., занимающих большое место в общественно-историческом процессе; исследование социально-психологической стороны таких общественных явлений, как революция, реакция, фашизм и др. Подход к предмету социальной психологии с точки зрения социологии в нашей литературе не нашел достаточного освещения. В предлагаемой статье ставится цель показать правомерность именно такого подхода к предмету социальной психологии.

Прежде всего встает вопрос о том, каково соотношение общественной психологии и психики отдельного человека, индивида. Многочисленные представители буржуазной социальной психологии (в том числе и те из них, которые в той или иной мере признают, что общественная среда определяет формирование и развитие духовного мира людей) исходят из неверных методологических посылок, рассматривают социальные явления главным образом в психологическом плане.

Общество есть продукт взаимодействия людей. В этом взаимодействии каждый человек выступает как сознательная личность, преследующая осознанные цели. Чувства, страсти, идеи, желания человека детерминированы общественным бытием, отражают различные проявления бытия и не могут сами быть определяющими причинами исторического движения. Однако исторический процесс протекает не помимо психики человека. Все сферы общественной жизни, в том числе и производственная деятельность, включают в себя в качестве общего необходимого звена психику человека. Раздувание этого момента общественной жизни, превращение его в определяющую сторону исторического процесса служат гносеологическими корнями идеализма буржуазной социальной психологии.

В своих крайних проявлениях буржуазная социологическая мысль или сводит психологию общества к психике отдельной личности, или рассматривает общественную психологию в качестве чего-то субстанционального, отличного от сознания человека, как проявление некой надиндивидуальной души.

Американский социальный психолог Эш утверждает, что «в значительной степени явления общества суть результат психологических процессов в индивидуумах». Задачей социальной психологии он считает «изучение структуры сил внутри индивида, которые делают возможным социальный строй и закономерности». Социальный строй, закономерности общества определяются психическими свойствами личности. В целом общественная психология — это часть общей психологии, занимающаяся изуче-

нием поведения индивидов в обществе.¹⁰ Социальная психология, пишет другой американский социолог Бритт, «есть часть психологии индивида, поведение которого она изучает в отношении к его среде, охватывающей его сограждан». Такие понятия, как «сознание», «дух», предполагают существование нервной системы, а она имеется только у индивида. Поэтому в высшей мере ошибочным является допускать существование сознания группы.¹¹

В тех случаях, когда буржуазными социологами подчеркивается решающая роль общественных условий в формировании психики индивида, противопоставление психики индивидуума общественному сознанию сохраняется, хотя и в менее заметном виде (Богардус, Спротт, Блум, Боннер и другие). Так, Богардус пишет, что социальная психология представляет собой изучение взаимодействия биологической наследственности (причем наследуются только склонности, предрасположения) и социальных процессов, исследование коллективного поведения человеческих существ, которое происходит из взаимодействия биологических и социальных процессов. Природа человека складывается из взаимодействия природных задатков и общественной среды. Богардус подчеркивает, что талант и гений развиваются только благодаря воздействию социальной среды. Органическая человеческая единица развивается в отрегулированную личность в процессе социальной стимуляции и ответов. Социальную стимуляцию и ответ Богардус считает центральной темой в социальной психологии. В психологических терминах он пытается объяснить все явления общественной жизни.¹²

Определяющее значение социальной обусловленности сознания человека признает и Боннер. Однако у него получается, что и психология общества, группы, их поведение представляют собой функцию двух факторов: биопсихического индивида и социально-культурной среды. Социально-культурная среда есть взаимодействие индивидов. Боннеру, в ряде вопросов разделяющему материалистическую точку зрения, чуждо представление о материальной основе социального взаимодействия, о материальных производственных отношениях. Взаимодействия людей в обществе определяются идеями, психикой личности. Под воздействием другой личности происходят изменения в психике человека. Но характер этого изменения сводится к индивидуальной психике обоих взаимодействующих личностей. Взаимодействие не связано с качественными изменениями психических законов, с закономерностями другого порядка. Поэтому законы, управляющие коллективом, не отличаются в своей сущности от законов пове-

---

¹⁰ S. A. Asch. Social Psychology. N. Y., 1952, p. 35, 38.

¹¹ S. H. Britt. Social Psychology of Modern Life. N. Y., 1943, p. 5, 237.

¹² E. S. Bogardus, Fundamentals of Social Psychology. New-York—London, 1942, p. 3, 13, 184.

дения, следовательно, — психики индивида. Что касается представлений о том, что общество есть некая надиндивидуальная реальность, господствующая над личностью, то это — иллюзия. Она порождается тем, что взаимодействующая личность относит изменения, возникающие в ней в результате контактов не за счет другого индивида, а видит в них проявление общества как целого¹³

Таким образом, проявления общественной жизни объясняются свойствами личности, складывается индивидуалистическая концепция общественной психологии. Воздействие общества на личность, с этой точки зрения, не может быть ничем иным, как воздействием индивида на индивида.

Другой, по существу столь же метафизической, крайностью является противопоставление буржуазными социологами психологии коллектива, как чего-то субстанционального, вроде некоего надиндивидуального духа, «народной души» и т. п., индивидуальному сознанию личности. Это направление опирается на факт несводимости общественной психологии к индивидуальной. Объяснение же, которое дается этому факту, показывает, что буржуазная социологическая мысль в данном вопросе вынуждена или игнорировать факты, или истолковывать их в мистическом, объективно-идеалистическом духе. Яркой фигурой в этом втором направлении являлся французский социолог Густав Лебон, своего рода классик буржуазной социальной психологии, имеющий много последователей.

По Лебону, несколько человек, собравшихся вместе, приобретают в своем поведении качественно новую характеристику, в отличие от поведения тех же индивидуумов, взятых в отдельности. Это положение само по себе правильно. Однако отличие это объясняется проявлением коллективного духа. «Каждый народ обладает душевным строем столь же устойчивым, как и его анатомические особенности». Благодаря обладанию коллективным духом, группа людей чувствует, думает и действует качественно отлично от ее отдельных представителей. Жизнь народа, его учреждения, верования, искусство суть только «видимые продукты его невидимой души». Член коллектива приобретает в самом коллективе совершенно отличные свойства по сравнению с теми, которые он имеет вне коллектива. Он подчиняет свои личные интересы бессознательным требованиям и интересам сверхличной групповой души. «В коллективной душе интеллектуальные способности индивидов и, следовательно, их индивидуальность исчезают: разнородное утопает в однородном, и берут верх бессознательные качества».¹⁴ Концепцию, близкую этой, развивал Дюркгейм, считавший что индивидуальная личность поглощается коллективом.

¹³ Н. Bonner. Social Psychology. N. Y., 1953, p. 355—356.

¹⁴ Густав Лебон. Психология народов и масс. СПб., 1896, стр. 5, 167.

Явная неудовлетворительность метафизического сведения общественной психологии к индивидуальной или растворения последней в наиндивидуальном групповом сознании приводит некоторых буржуазных авторов к отказу от поисков определяющего фактора (общество-личность), и провозглашению в социальной психологии принципа дуализма, согласно которому психологию индивида и характеристику психологии группы надо рассматривать как совершенно независимые друг от друга переменные и изучать их взаимодействия.¹⁵

Материалистическое понимание истории позволило преодолеть узкие рамки неразрешимой для буржуазных социологов антиномии «личность-общество» и представить жизнь и развитие общества в качестве объективного закономерного процесса деятельности и изменения сложной материальной системы.

Закономерности психической деятельности, ее существенные свойства носят общечеловеческий характер, не зависящий от ступени исторического развития, от классового или национальной принадлежности. Эти общие закономерности и черты психологии, однако, по-разному конкретизируются применительно к различным специальным условиям общественной жизни. Пути этой конкретизации, приводящей к образованию специфических черт психологии, типичных для данного общества, сами подчиняются общим психологическим закономерностям. И если «психологическая наука изучает общечеловеческие психические свойства индивида. изучает их на конкретном индивиде в неразрывной связи со всей рефлекторной деятельностью его мозга, с ходом его индивидуального развития»,¹⁶ то важнейшей задачей социальной психологии является изучение черт психического склада социальных групп людей, детерминированного конкретно-историческим развитием и характеризующего данную группу как целое. Здесь находится «стык» социологии и психологии, но здесь же выясняется и качественное различие между ними. Социология использует в данной области исследования фактический материал и ряд понятий собственно психологической науки. Но психологическая наука не объясняет ни конкретного общественного содержания специфических форм общественной психологии как явления духовной жизни общества, ни его движения. Не вскрывает она и причин возникновения этих специфических форм психики, хотя в процессе их образования законы психологии сохраняют свое действие.

Подчеркивание марксизмом социальной природы человеческой личности не означает растворения личности в обществе, марксизм не отрицает относительной самостоятельности лично-

---

¹⁵ Leo Meltzer. The Need for a Dual Orientation in Social Psychology. — «The Journal of Social Psychology», 1961, vol. 55.

¹⁶ С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. М., 1957, стр. 241—242.

сти, ее относительного выделения внутри данного конкретного общества. «Человек в самом буквальном смысле *zoön politikon*, не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе и может обособляться». ¹⁷

Обособление личности означает также и отсутствие полного совпадения между общественным сознанием и сознанием индивидуальным, психологией индивида и психологией общества. Устойчивость индивидуальной психологии может быть весьма значительной. Отдельная личность может не изменяться в соответствии с изменением общественного сознания в целом. На стабильность психологии личности ссылаются часто буржуазные социологи, ¹⁸ пытаясь этим обосновать противопоставление личного как врожденно-инстинктивного, общественному. На самом же деле, относительное противопоставление может иметь место не между личным сознанием (психологией индивида, личности) и общественной природой этого сознания, а между сознанием индивида, личности (психологией личности) и сознанием (психологией) класса, социальной группы и т. д. Более того, такое противопоставление только и возможно, во-первых, благодаря социальной природе психики личности и, во-вторых, благодаря тому, что данная личность, противопоставляя себя данной социальной общности, осознанно или неосознанно несет в себе элементы сознания другой социальной общности.

Это отвечает диалектике тождества и различия между единичным и общим. Составляя сторону или сущность единичного, общее не сводится к единичному, не растворяется в нем. Указанное отношение служит одной из сторон сложной связи общественной психологии с психикой отдельного человека, представителя данного общества, что уже само по себе делает допустимым рассматриваемое различие. Однако не все общие для составляющих данную социальную общность индивидов особенности психики составляют общественную психологию. Так, общечеловеческие свойства и закономерности психики не составляют общественной психологии. К общественной психологии относятся свойства и явления психики не только общие, но и специфичные для данной социальной общности. Специфичное общее — такое общее, которое свойственно только явлениям, входящим в данный класс. Общественная психология, рассматриваемая в качестве общего по отношению к психологии индивида, личности, не состоит обязательно из особенностей психики, необходимо принад-

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 710.

¹⁸ Блум пишет о неизменных психологических константах личности, личность — не «социологический хамелеон», она не может воспринимать социальную среду, она может только приспособиться к ней или же может симулировать приспособление к социальной среде, что Блум называет «социальным лицемерием». Leonard Bloom. Some comments upon recent trends in social psychology. — «The Journal of Social Psychology», 1961, April, vol. 53, p. 219.

лежащих психике каждой из личностей, входящих в данную общность людей. Общее носит здесь, как правило, статистический характер. Оно входит не во все единичные, относящиеся к данному классу, а лишь в их большую часть. В каждой социальной группе мы можем найти как более типичных ее представителей, которые наиболее полно выражают психологию данной группы, так и менее типичных. «Дело тут именно в социальном типе, а не в свойствах отдельных лиц», ¹⁹ — писал Ленин. «Личные исключения из групповых и классовых типов, конечно, есть и всегда будут. Но социальные типы остаются». ²⁰

Общественная психология представляет собой в высшей мере сложное образование, совокупность различных, разнорядковых, переплетающихся и во многих моментах сливающихся между собой явлений. Она представляет собой систему специфических особенностей психической организации тех или иных социальных групп и эмоциональных отражений общественных условий. Прежде всего сюда относится инвариантное в изменяющемся многообразии психической жизни социальных общностей людей (общество определенной эпохи, класс, нация, социальная группа), заключающееся в устойчивости «кода», фиксирующего на этом уровне общественного сознания информацию об исторически общих для этой социальной группы условиях и передающуюся в процессе индивидуального развития людей, их воспитания в широком смысле слова. К общественной психологии относится также отражение на чувственно-эмоциональном уровне общих социально-значимых возбудителей. В общественную психологию включаются и некоторые явления психики и поведения, характерные для непосредственно взаимодействующей в информационном отношении совокупности людей. Соответственно в общественной психологии можно различать психический склад определенной социальной группы — исторически сложившуюся совокупность специфического характера, волевых качеств, привычек и т. д.; характерные для данной общности людей эмоциональные и несистематизированные интеллектуальные отражения особенностей общественного бытия: социальные потребности, интересы, эмоции и чувства, настроения и т. д.; явления, имеющие место в группах непосредственно взаимодействующих людей — мода, слухи, паника, азарт, сплоченность, солидарность, энтузиазм и пр.

Таким образом, статистический характер составляющих общественной психологии предполагает, что общественная психология как устойчивый комплекс психических особенностей сохраняется только в качестве свойства общественного сознания и поведения социальной общности как целого.

---

¹⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 39, стр. 140.

²⁰ Там же, т. 36, стр. 207.

Взаимоотношение общественной психологии и индивидуальной психологии, психологии личности не укладывается полностью в рамки категорий общего (специфического) и единичного. Некоторые элементы общественной психологии носят характер свойств целого, некоторые получают свое наиболее полное выражение в качестве характеристики целого. Отношение целого и части очень близко отношению общего и единичного, содержит последнее в себе в качестве своего одного момента. Основой целого является всегда наличие общего в его частях (общие для частей законы, свойства и т. д.). Как и общее, целое существует в своих частях, через свои части. В то же время между парами категорий общее — единичное и целое — части существует значительное различие. Общее есть часть единичного. Последнее содержит в себе общее также и тогда, когда оно изолировано от других единичных и полностью выражает это общее. У общего и единичного одно качество. Часть же, будучи отделена от целого, утрачивает качество, характеризующее целое. Общественная психология является внутренне дифференцированным общим, у которого имеются также некоторые особенности, черты целого по отношению к психологии отдельных личностей.

Из всего вышесказанного, кажется, можно сделать вывод, что общественная психология не может быть просто сведена к психологии индивида, действующего в определенной среде (коллективе). При этом, если элементы эмоциональной стороны общественной психологии свойственны любой группе людей, любому коллективу, то о психологическом складе можно говорить только в отношении определенной социальной группы, определяющее воздействие на которую оказывает общественное бытие, а так называемые «микроусловия» лишь дополняют, делают более разнообразным отражение общественного бытия. Через микроусловия лежит путь к утверждению новой общественной психологии. События в личной жизни в большей или меньшей степени влияют на отношение личности к окружающему его миру. Общественная психология — наиболее тонкая ткань духовной жизни общества, пронизывающая и различные стороны психологии отдельной личности.

Несомненно, что, изучая личность и ее поведение в группе, взаимоотношения людей в группе, общественную психологию можно изучать и таким путем, но сводить общественную психологию к сумме индивидуальных психологий, считать массовые психические явления частью индивидуальной психики не представляется возможным и правильным. Дело не только в «коллективных переживаниях и чувствованиях»,²¹ не в том, что «когда люди собираются вместе» «у всех этих людей одновременно возникают одинаковые психические состояния, которые

---

²¹ В. Н. Колбановский. Некоторые актуальные проблемы общественной психологии. — «Вопросы философии», № 12, 1963, стр. 17.

у них не бывают, когда они разобщены». ²² Сходные социальные условия порождают сходные психические «переживания и чувствования» и без непосредственного информационного контакта. Непосредственный же информационный контакт между некоторым множеством лиц, относящихся к той или иной социальной группе, а иногда и не относящихся к сколько-нибудь однородной группе («толпа», например), характеризует психическое состояние этой группы как целого и ее поведение в тот или иной ограниченный отрезок времени. Такого рода психические состояния в отличие от ранее перечисленных элементов общественной психологии не отвечают необходимо существующему социальному делению людей (классы, сословия, нации), они составляют свойства группы людей как целого, качественно отличные от свойств психики индивида. Однако движение этих элементов, проявление их происходит в соответствии с общей структурой общественной психологии.

Сходные социальные условия порождают сходные психические переживания и чувствования, сходные психологические черты людей определенной эпохи, класса, нации, социальной группы. Но вряд ли можно говорить о психологии коллектива, психическом складе его. Психология людей социалистического общества иная, чем психология людей общества капиталистического, иная психология людей будет также в развитом коммунистическом обществе. И здесь прежде всего дело в социальных условиях. В этих новых условиях взаимоотношения людей в коллективе не могут не приобретать специфических свойств. Но такие психологические явления как чувство коллективизма, товарищества, братства и подобные им возникают не в социалистическом обществе, а на более ранних ступенях развития общества, особенно связанных с концентрацией производства при капитализме; с классовой борьбой пролетариата возникают и другие чувства, как пролетарская солидарность, взаимопомощь, интернационализм во взаимоотношениях различных наций и т. д. Все эти черты при социализме получают лишь свое дальнейшее развитие и имеют возможность проявиться наиболее полно. Положение личности в обществе (и коллективе, следовательно) становится принципиально иным, но это «иное» положение связано с изменением общественных условий в целом.

Маркс и Энгельс писали об общественных отношениях до-социалистических формаций, при которых индивиды одного какого-то класса, связанные («обусловленные») общими интересами, и индивиды противоположного класса «составляли всегда такую коллективность, к которой индивиды принадлежали лишь как средние индивиды лишь постольку, поскольку они жили в условиях существования своего класса; они находились в этих

---

²² Н. С. Мансуров. Общественная психология и педагогическая наука. — «Советская педагогика», № 9, 1965, стр. 55, 56.

общественных отношениях не как индивиды, а как члены класса. Совершенно обратное имеет место при коллективности революционных пролетариев, ставящих под свой контроль как условия своего существования, так и условия существования всех членов общества: в этой коллективности индивиды участвуют как индивиды.²³ Развитие индивидов происходило «в рамках общих условий существования исторически следующих друг за другом сословий и классов, а также в рамках навязанных им вследствие этого всеобщих представлений» и «это подведение индивидов под определенные классы не может быть уничтожено до тех пор, пока не образовался такой класс, которому не приходится отстаивать против господствующего класса какой-либо особый классовый интерес».²⁴

Таким образом каждая личность обусловлена и поведение ее определено вполне конкретными классовыми отношениями, поэтому она противопоставляется другому классу. В классовом обществе общественная психология носит классовый характер. Классовый характер общественной психологии признается и некоторыми буржуазными социальными психологами. О классовом характере образа мышления и поведения, «психологических барьерах» между классами говорит, например, Боннер.²⁵ В целом же буржуазная социальная психология главное свое внимание уделяла и уделяет вопросу поведения человека в группе. Так, профессор Сорбонны Ж. Стетцель считает предметом социальной психологии изучение поведения человека в группе, взаимодействия человека с другими людьми.²⁶ Социологический подход к предмету социальной психологии можно, пожалуй, найти в работах более ранних социальных психологов (Лебон и др.) Но проблемы, выдвигаемые в частности Лебоном на первый план, это не просто социально-психологические исследования классов, наций, социальных групп, а социально-психологическое обоснование деления общества на высшие и низшие слои, на высшие и низшие расы и нации и т. д.. Поэтому такая, например, категория психологии, как «способность» широко используется при характеристике подобного рода социальных групп. На самом же деле о «способности» индивида, личности, о проявлении «способностей» или, наоборот, их подавлении в группе или коллективе можно говорить; эта проблема имеет немаловажное значение для проявления результатов деятельности данной группы, причем возможности проявления способностей неодинаковы в различных социальных условиях. На проблему выявления способностей в коллективе обращает внимание в своем выступлении на симпозиуме в ГДР директор института образова-

---

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 75—76.

²⁴ Там же, стр. 76—77.

²⁵ Hubert Bonner. Social Psychology. N. Y., 1953, p. 311.

²⁶ J. Stoetzel. La psychologie sociale. Paris, Flammarion, 1963.

ния учителей Х. Эссер, подвергая критике «дивергентную теорию», и говоря о конвергенции способностей в группе при социалистическом общественном порядке.²⁷ Применение же категорий «способность», «задатки» и других подобных к характеристике классов, наций, рас — основа всякого рода расистских теорий.

Выдвижение на первый план проблемы взаимоотношения личности и коллектива является правомерным в условиях социализма. Но при этом необходимо учитывать социально-психологические различия, сохраняющиеся еще между социальными группами, классами, нациями социалистического общества, сохранение того, что принято называть «пережитками прошлого в сознании людей», и что относится главным образом к области общественной психологии.

Рассмотренные нами аспекты социальной психологии развивались в истории ее неравномерно. При анализе социальных явлений невозможно избежать их психологического анализа. Но психологический анализ может быть двоякого рода, проведен с двух разных точек зрения, подходов к явлениям экономическим, социальным, политическим. В буржуазной социальной психологии преимущественно развивался и развивается психологический аспект рассмотрения явлений общественной жизни, и чаще всего в направлении от психологии индивида, личности. В марксистской социальной психологии наметились и развиваются оба аспекта социальной психологии, причем психологический аспект тесно связан с конкретными исследованиями, проводящимися в ряде городов нашей страны. В основном психологический аспект мы находим в исследованиях немецких марксистов.²⁸ Оба аспекта нашли свое отражение в работе польского профессора Стефана Балея.²⁹ Но в целом социологическому аспекту в работах современных марксистов уделено сравнительно немного внимания.

Социологические и социально-психологические исследования тесно связаны между собой. Поэтому объединение усилий социологов и психологов необходимо для сознательного и целенаправленного управления процессами общественной жизни. Думается, что собственно психологические методы исследования социально-психологических явлений могут быть по-настоящему плодотворными лишь в рамках общего социологического подхода к этим явлениям.

Поступила в редакцию 27 сентября 1966 г.

²⁷ См. H. Esser. Über das Verhältnis von Beliebtheit und Tüchtigkeit in Gruppen — eine Auseinandersetzung mit dem «Divergenztheorem». Sozialpsychologie im Sozialismus.

²⁸ Sozialpsychologie im Sozialismus. Berlin, 1965; W. Bachmann. Zur Psychologie des Kollektivs. — «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», H. 5, 1964.

²⁹ Stefan Baley. Wprowadzenie do psychologii społecznej. Warszawa, 1961.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ

М. Х. Титма

Свобода человека — это один из основных вопросов философской антропологии, который по сей день усиленно обсуждается в спекулятивной философии и социологии. Обычно в социологии проблема ставится эмпирически без достаточных теоретических предпосылок. В буржуазной социологии вместо них довольно часто применяются политические декларации. Так американский ученый Э. Гинзберг заявляет в начале своей книги «Выбор профессии», что одной из наиболее характерных черт американской культуры является право индивида выбирать свою работу, что находится якобы в прямом противоречии с тоталитарными обществами, в которых государство указывает индивиду, что ему делать, или манипулирует экономической системой так, что индивид не имеет свободы выбора. Конечно, данное заявление, являясь политической декларацией, не отличается особой теоретической глубиной и в данное исследование органически не входит.

Предметом настоящей статьи является проблема свободы выбора профессии, теоретические предпосылки ее конкретно-социологического исследования. При изложении проблемы автор использовал данные американских социологов для некоторых теоретических предпосылок эмпирического исследования.

Проблема выбора профессии сравнительно мало изучена советскими социологами. В то же время в зарубежной, и особенно в американской социологической литературе, она обсуждается довольно широко.

Социологические исследования В. Н. Шубкина, В. В. Водзинской, Л. А. Марголина, В. А. Ядова и А. Г. Здравомыслова¹

---

¹ А. Г. Аганбегян, Г. В. Осипов, В. Н. Шубкин. Количественные методы в социологии. М., 1966. В. В. Водзинская. Отношение молодого рабочего к своей профессии. В сб.: Труд и развитие личности. Л., 1966, Л. А. Марголин. Свобода выбора профессии как условие и форма проявления социальной свободы. Автореф. канд. дисс., Свердловск, 1966, А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов. Опыты конкретного исследования отношения к труду. — «Вопросы философии», 1964, № 4, стр. 72.

являются первыми наиболее серьезными работами в этой области. Из зарубежных авторов надо отметить Э. Гинзберга, Г. Давида, Л. Томаса, М. Розенберга, Ч. Макклелланда и других.²

1. Значение проблемы

Развитие человечества шло отчужденно от человека и являлось побочным продуктом производственного процесса. И только при социализме человечество могло поставить перед собой задачу научного руководства обществом, ликвидации этого отчуждения и подчинения общественных и природных сил человечеству, поставить их служить осуществлению задачи всестороннего развития личности.

Вопрос идейного воспитания и воздействия очень сложный, особенно когда это влияние не может идти отчужденно от человека, а целью его является достижение определенных поступков в самоизъявлении, самопределении. Это предполагает свободу выбора.

Главной целью является развитие человека как личности, возникновение все новых способностей и потребностей у человека, специфичных для него, как общественного существа. А это предполагает саморазвитие и самовоспитание, а не плоское отражение внешних влияний. Для решения указанных вопросов очень важно изучение проблемы выбора профессии, ее научная разработка.

Для каждого общества главной ценностью являются людские ресурсы, которыми оно владеет. На каждой стадии развития общества есть специфические виды человеческой деятельности, обеспечивающие расширенное воспроизводство общественных отношений в целом. В наше время таких специфических сфер деятельности насчитывается более 40 000. От использования людских ресурсов в этих сферах зависит в большой степени эффективность всякой общественной системы. В США из выпускников средней школы, способных приобрести степень кандидата наук, на каждого приобретающего приходится 25 человек, которые эту степень не приобретают. Только одна женщина из 300, способных приобрести степень кандидата наук, приобретает эту степень.³

В 1958 году в США было 729 200 юношей и 778 400 девушек, выпускников средних школ, что составляет 60% всех юношей и

² E. Ginzberg, S. W. Ginsberg, S. Axelrad, I. L. Herma. Occupational choice, N. Y., 1951. H. David. Education and manpower. N. Y., 1960. L. G. Thomas. The occupational structure and education. — Englewood Cliffs., 1956. M. Rosenberg. Occupations and Values. — Glenoe, Yllinois, 1957. D. McClelland. The Achievement Motive. N. Y., 1953; он же. Talent and Society. Princeton, 1958; он же. The achieving Society. Princeton. 1961.

³ H. David. Education and Manpower. N. Y., 1960., p. 14.

66% всех девушек. Академический курс (курс для вуза) посещали 29% юношей и 38% девушек.⁴ Это указывает на серьезную потерю людских ресурсов. Для социалистического общества проблема максимального использования способностей своих членов является первостепенной задачей. Ведь это большая общественная трагедия, если человек с исключительным дарованием займется каким-то малоквалифицированным трудом. В этом смысле политика сокращения вспомогательного персонала, которую еще недавно проводили в наших учреждениях, была расточительством. Ученый дает обществу больше в качестве ученого, чем лаборанта, инженер — больше в качестве инженера, чем секретарши.

В связи с этим исключительную важность приобретает образовательная система: начальные, средние школы, профессиональные техникумы и вузы. Изучение системы их, насколько они учитывают индивидуальность учеников, какие профессии, условия выбора, разделение труда, мотивы и т. д. — решение всех этих вопросов является основой для создания оптимальной системы использования людских ресурсов общества.

Использование людских ресурсов общества при утилитарном подходе, когда не считаются с человеческой личностью, приводит к отчуждению человека от труда. Рельефным является пример Г Белла.⁵ Во время большой депрессии в 1929 году неудовлетворенность в выборе профессии была среди 3000 юношей и девушек следующей:

90% юношей хотели переменить работу;

85% девушек „ „ „ ;

98% текстильщиков „ „ „ ;

85% канцелярских рабочих хотели переменить работу;

35% секретарш „ „ „ ;

Именно сознательность отделяет человека от животного. Человек не безразличен к тому, каким трудом он занимается. Труд представляет для него определенную ценность.

Выбор профессии является для человека объективно наиболее важным выбором в жизни, наряду с созданием семьи. Он определяет во многом дальнейшее развитие личности. Для более глубокого подхода к выбору профессии нужна подготовка молодежи к этому.

Так американцы считают в средней школе важным:

1) показать ценность образования и объяснить, что оно дает ученику при дальнейшей профессиональной деятельности и подготовке к ней;

2) научить познавать свои способности и в дальнейшем их развивать;

---

⁴ Там же, p. 104, 111.

⁵ H. M. Bell: Youth tell their story. Washington. 1938, p. 135.

3) ознакомить ученика с разными профессиями и возможностями приобрести профессию;

4) помочь ученику узнать, какая профессия ему подходит.

Социалистическое общество не действует наподобие муравейника, оно поставило перед собой задачу научно руководить общественными процессами. Отсюда вытекает необходимость изучения проблемы выбора профессии и более глубокого познания этого процесса для управления различными социальными институтами: образовательной системой, разделением труда, системой социальных ценностей и взглядов и т. д. Тем более, что большая половина активной сознательной жизни взрослого человека проходит на работе и именно тут он приносит наибольшую пользу для общества. Научная регуляция данного вопроса дает возможность оптимизации общественной системы.

Важность данной проблемы отмечалась и на XXIII съезде КПСС, где говорилось о необходимости «готовить молодежь к жизни, к сознательному выбору профессии.»⁶

Этот вопрос нельзя решать утилитарно наподобие профессиональной консультации в США, где она берет индивида отдельно от общества и пытается в лучшем случае найти оптимальный выбор для него в данных условиях. Это лежит на поверхности процесса, нам же надо руководить социальными условиями.

II. Общетеоретический подход к данной проблеме

П-1. Концепции буржуазных исследователей. Наиболее строгие концепции буржуазных исследований приводят к двум теориям:

а) Теория случайности — субъекты выбора выносят решения насчет своего будущего случайно. Они сосредотачивают главное внимание на внешних факторах этого процесса.

Это в какой-то мере является правильным для данной стадии развития капиталистического общества, и поэтому закономерно, что большинство американских социологов придерживается таких взглядов.⁷

б) Теория импульса, которая объясняет деятельность субъекта при выборе исходя из подсознательных сил.

Нельзя не согласиться с критикой Э. Гинзберга относительно обеих теорий, что они упрощают данную проблему и освещают ее односторонне.⁸ Подход Э. Гинзберга к данной проблеме кажется нам наиболее глубоким. Он отмечает 4 главных момента в выборе профессии:

---

⁶ Отчётный доклад ЦК КПСС XXIII съезду КПСС. М., 1966, стр. 86.

⁷ E. Ginzberg и др. Указ. соч.

⁸ Там же, стр. 23.

1) реальные факторы — «эти социальные и экономические силы, которые определяли среду, где индивид родился, где он вырос, и на которые он должен реагировать, когда он начинает думать о будущей профессии»,

2) влияние образовательного процесса,

3) влияние сильных эмоциональных нужд и желаний,

4) роль ценностей в решении.⁹ Исходя из данных предположений, он исследует генетический выбор профессии у разных возрастных категорий и выводит некоторые стадии исходя из главного фактора выбора. Так, период пробного выбора он разделяет на следующие стадии:

1) стадия интереса с 11—12 лет,

2) стадия способностей с 13—14 лет,

3) стадия ценностей с 15—16 лет,

4) стадия перемещения (transition) обычно с 17 лет; это — стадия, на которой начинают реально осуществлять уже выбор,

5) стадия открытия и кристаллизации — первый выбор сделан и начинается выкристаллизовываться окончательный выбор.¹⁰

В конце он делает ряд обобщений, с которыми нам кажется надо согласиться и без проверки его данных:

1) «выбор профессии является развивающимся процессом»,

2) это процесс необратимый,

3) «компромисс является естественным актом каждого выбора».¹¹

Приведенные выводы кажутся нам ценными и вполне логичными, хотя обычно на них не обращают внимания. Индивид всегда находится перед стечением жизненных обстоятельств, и понять, что они обладают индивидуальностью и неповторимы, очень важно. Выбор, являющийся естественным и совершенно реальным, может уже через некоторое время быть нереален.

П-2. Главные моменты процесса выбора. По нашему мнению, все главные факторы, влияющие на выбор профессии, можно разделить на три группы:

1) факторы среды, определяющие объект выбора и формальные рамки выбора;

2) факторы, определяющие индивид как субъект выбора;

3) факторы среды, влияющие через субъекта на выбор.

Действия всех этих факторов в конкретных случаях предопределяют следующие моменты выбора.

1) Каждый выбор предполагает субъект выбора. Этот вопрос возникает при историческом и генетическом подходе к проблеме. Так, при феодализме для огромной массы крепостных

⁹ Там же, стр. 11—12.

¹⁰ Там же, стр. 75—92.

¹¹ Там же, стр. 186—188.

предопределялся выбор уже общественным строем. Только единицы могли в рамках порядка данного общественного строя перейти в другие сферы деятельности (артисты, ремесленники и т. д.) или выйти за рамки порядков данного строя («вольные», разбойники, повстанцы)

Такая же ситуация возникает, когда в наше время матери очень хочется сделать из своего сына «доктора» и он поступает по настоянию матери в медицинский вуз. В данном случае индивид не является субъектом выбора, выбор осуществляется за него. Это в корне отличается от случая, когда выбор осуществляется субъектом на очень низком уровне управляемости процессом. Так 14-летний мальчик, конечно, субъект выбора, если он сам совершает выбор своей профессии, хотя он этим процессом по существу не управляет. Пагубность такого раннего выбора хорошо показана Е. С. Кузьминым и А. Л. Свенцицким.¹² Хотя исследование не дает ясного представления об аспектах выбора, но 194 ответа из 300 гласят, что мотивом выбора был совет родных, и надо согласиться с тем, что исследование «говорит о неустойчивости профессиональных интересов у молодых людей в возрасте 15—18 лет».¹³ Нам думается, что такая ранняя профессиональная ориентация несовместима с всесторонним и гармоничным развитием личности. Проходят многие годы и иногда в структуре личности развивается неудовлетворенность трудом.

Это подтверждает и исследование 1947 Глазгоуских абитуриентов в 1950 году.¹⁴ Три года спустя на первоначальном месте работы из них осталось только 137, 533 имели вторую работу, 50 переменили уже 6 и больше работ.

2) Свобода выбора. Свобода выбора не может быть абсолютной, а только относительной, ибо всякое общество обусловлено предыдущим историческим развитием, и социальная среда определяет субъект и объект выбора.

Имеются формальные границы для свободы выбора: ни одна система не может абсолютно познать самое себя своими средствами. Это утверждение основывается на известной теореме Гёделя о неполноте.¹⁵ Система не может сама получить отношения отражения в своей системе. Так, что внутри самой себя не может быть абсолютно свободной никакая (социальная) система; ни одна система не может себя уничтожить, не уничтожая свою свободу. Так что и бог теологов несвободен.

Рассмотрим наиболее общую градацию свободы на общественную и личную, из которых первая определяет вторую.

---

¹² Е. С. Кузьмин, А. Л. Свенцицкий. Формирование отношений к труду. — Человек и общество, т. 1. Изд. ЛГУ. 1966.

¹³ Там же, стр. 29.

¹⁴ См. T. Ferguson, I. Cunison. The Young Wage-earner. 1951.

¹⁵ С. К. Клини. Введение в математику. М., 1957.

Степень свободы общества определяется управляемостью обществом силами природы и общества, основанной на познании природной и общественной необходимости и на действии общества, результаты которого соответствуют поставленным ранее целям.¹⁶ Степень свободы индивида определяется управляемостью индивидом силами природы, общества и самого себя, основанной на познании природной и общественной необходимости и ее применений в деятельности субъекта, моментом которого является отрицание противоречащего объективным интересам людей действия сил природы, общественного принуждения и индивида.¹⁷ Уровень свободы общества в выборе профессии определяется:

1) степенью познания природных и общественных аспектов выбора профессии в обществе,

2) созданием в обществе оптимальной системы, с точки зрения общества, для осуществления выбора профессии индивидуумом, исходя из объективных закономерностей общественного развития.

Уровень свободы индивида в выборе профессии определяется уровнем общественной свободы и управляемостью процессом выбора профессии индивидом, исходящим из объективных закономерностей общественного развития и не противоречивших им.

А) Осознанность факторов, влияющих на выбор профессии:

1) факторы среды, определяющие объект выбора и формальные рамки выбора;

2) факторы, определяющие индивид, как субъект будущей профессиональной деятельности.

Б) Объективные рамки выбора, которые не подчинены субъекту и которые он может только учитывать при выборе.

Обычно в процессе выбора между А и Б имеется обратная связь, сперва выбор осуществляется исходя из А, потом он корригируется по данным Б и в результате совершается выбор на определенном уровне свободы выбора.

Тут можно выделить формальную сторону — автономию человека при выборе, и существенную сторону — содержание выбора, глубину его.¹⁸

3) Выбор определяется ценностной установкой, занятой субъектом.¹⁹ Познать объект, процесс или явление недостаточно еще для какого-то поступка. Должны быть какие-то побудительные силы. Одними из них являются ценности. Ценностная ориентация определяет установку индивида на труд, на семью, на на-

---

¹⁶ Э. Фаркаш. Свобода личности и проблемы морали. Автореф. канд. дисс. М., 1962, стр. 2—3.

¹⁷ Там же, стр. 3.

¹⁸ Там же, стр. 7.

¹⁹ А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов. Отношение к труду и ценностные ориентации личности. — Социология в СССР, т. 2, М., 1965.

слаждение и т. д.²⁰ О важности ценностной ориентации можно судить по исследованию американских ученых.²¹ Исследовали вторую генерацию эмигрантов из итальянских и еврейских семей. Разница в их основных ценностях состояла в следующем.

1. Построен ли мир разумно и можно ли его понять? Еврей — да; итальянец — нет.

2. Еврей очень сильно ценят образование и интеллект; итальянцы в связи с католицизмом ценят бога и семью.

3. Первая ценность в жизни еврея — работа, итальянца — семья.

4. Еврей верит, что человек может себя изменить каждый час и должен контролировать себя; итальянец, — что он должен выполнять свои обязанности.

Эмигранты были примерно в одинаковых условиях, но из детей итальянцев 5/6 было в низшем классе и 1/6 в среднем; из детей евреев 1/5 в низшем и 4/5 в среднем классе. Разные исходные ценности дают разные результаты.

П-3. Главные факторы, определяющие процесс выбора.

1) Факторы среды, определяющие объект выбора и формальные рамки выбора.

Профессия

Характер разделения труда
Общественный строй
Культура
Потребность в профессиях
Система подготовки
Система выбора
Местонахождение труда
Характер и условия труда
Работоспособное население

По нашему мнению эти факторы определяют в основном особенности объекта выбора. (Рамки данной статьи не позволяют развернуто рассмотреть отдельные факторы.)

2) Факторы, определяющие индивид как субъект выбора.

1. Генетическая информация.

2. Пол.

3. Перспектива времени (сюда входят возраст и здоровье субъекта).

4. Способности.

5. Воля.

6. Интересы.

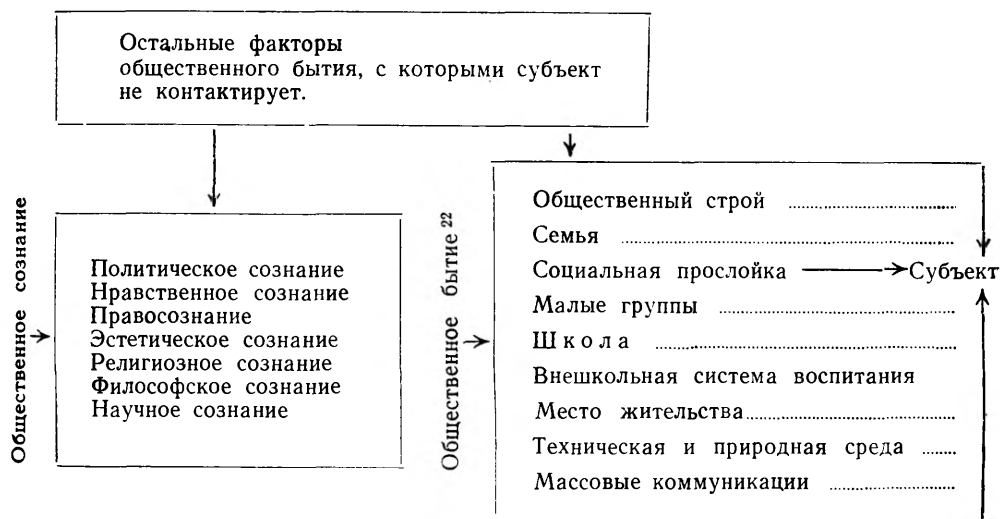
²⁰ N. Anderson. Work and leisure. London, 1965, pp. 145, 27.

²¹ D. C. McClelland, A. L. Baldwin, U. Bronfenbrenner, F. L. Strodbeck. Talent and Society. Princeton, New Jersey, Toronto, London, New York, 1958, pp. 149—174.

7. Практика (опыт), знания, навыки и умения.
8. Потребности.
9. Ценности.
10. До- и подсознательная сфера человеческой психики.
11. Осознанность факторов, влияющих на выбор профессии.

Конечно, этот перечень неполный. Мы перечислили, по нашему мнению, наиболее важные факторы.

3) Факторы среды, влияющие через субъект на выбор профессии.

III. Типологизация индивидов

Большинство концепций можно свести к двум группам:

1) концепции, исходящие из психологических особенностей индивидов. Сюда входят в основном неопределенности и другие школы, исходящие из биологических основ человека;

2) концепции, исходящие из социальной сущности человека.

Конечно, любая классификация упрощает действительность, стирая индивидуальность индивидов. Но она нужна нам для более глубокого познания явлений. Классифицировать можно на любой основе. Научность классификации определяется истинно-

²² В общественном бытии выделены лишь факторы, которые наиболее сильно влияют на субъект.

стью отражения действительности, а полезность — существенно классификации для данной цели.

Для характеристики социально-психологического типа индивидов, исходя из целей нашего исследования, нам кажется наиболее удачной типологизация Рисмена.²³ Нельзя принять ту основу, на которой строится классификация различных соц.-психологических типов. Рисман берет за основу демографические показатели. Но типологизация индивидов на основе главного носителя ценностей данного общества приемлема. В обществе вырабатывается соц.-психологический тип, который ориентируется в своем поведении на ценности главного носителя ценностей данного общественного строя. Рисмен выделяет три соц.-психологических типа.

1. Управляемый традицией (tradition-directed) Данный соц.-психологический тип образовался, главным образом, в докапиталистических обществах. Носителем главных ценностей этих обществ были традиции в закрытых общинах.

2. Внутренне управляемый (inner-directed). Ценности внутренне осваиваются, и носителем их является индивид. В пример можно привести, как делает Рисмен, ранний капитализм. Ломалась опора предыдущих обществ — община и проповедовался индивидуализм. Каждый воюет против каждого, такой принцип мог основываться только на ценности индивида.

3. Другими управляемый (other-directed). В данном обществе вырабатывается соц.-психологический тип, основывающий свое поведение на ценности других. Предпосылки для появления данного типа: выработка человеческой культурой обезличивания, опосредственности социальных контактов, массовые коммуникации и т. д. (Это используется буржуазным обществом. Носителем главных ценностей данного общества является безликая масса, не в смысле того содержания, которое дали классики марксизма этому понятию, а в смысле «толпа» — безликая, неорганизованная совокупность индивидов.) Обезличиванию помогают массовые средства: радио, комиксы и т. д. Производится «объективизация» ценностей, которые они подносят массе. Роль семьи и личности сведена к минимуму, а мерой индивида является масса. Идет уравниловка на какую-то серую массу (на среднее). Это так маскирует буржуазные ценности, что иной раз политики сами попадают на удочку. Так, критикуют Джонсона за то, что он ориентируется на общественное мнение, которое не должно определять политику. На примере фашизма можно проследить, куда можно привести общество, в котором вырабатывается соц.-психологический тип, ориентирующийся на массу. Ведь там были тоже референдумы.

Диалектическое развитие через отрицание отрицания приводит при социализме к внутренне управляемой личности на ка-

²³ См. D. Riesman. The lonely crowd. N. Y., 1964.

чественно новой стадии развития. Именно это дало коммунистам стойкость и мужество поставить ценности коммунизма выше ценности своей жизни.

Такие социально-психологические типы есть во всех обществах. Упор на тот или иной тип определяется сущностью ценностей, которые культивирует и проповедует класс, стоящий у власти. Внутренне управляемая личность не пригодна для целей современного буржуазного общества. У буржуазного общества нет постоянных ценностей, которые удовлетворяли бы и были бы осуществимы для большинства индивидов в обществе. Поэтому оно и предполагает идеологию конформизма и ролей, которые действуют именно при наличии социально-психологического типа управляемого другими. Внутренне управляемый тип вырабатывается у буржуа, который несет главные ценности общества уже исходя из своего положения в обществе.

Для нас данная типология индивидов существенней типологии К. Хорни.²⁴ Исходя из потребностей в социальном контакте, она типологизирует индивидов, 1) движущихся к людям (moving toward people), 2) движущихся против людей (moving against people). 3) движущихся от людей (moving away from people). Очень сходна с этой концепцией типологизация индивидов на властолюбивые (господствующие) (aggressive), уступчивые (подчиненные) (compliant), отдельные (detached). М. Розенберг²⁵ выводит также деление из двух факторов: дистанция от других и отношения господства — подчинения.

Размеры отношения с другими

Господства — подчинения

	господство	нейтрал	подчинение
Дистанция от других:	+	О	—
близко +	А	В	С
	(агрессивный)		(уступчивый)
далеко —	Д	Е	Ф
		(отдельный)	

Мы использовали эти типологизации как сравнительные и дополнительные. Из психологических типологизаций нам кажется плодотворным подход А. Маслоу.²⁶ Он исходит из потребностей индивида и строит пирамиду, нижней ступенью которой являются физические потребности (пища, кров и т. д.) и высшей —

²⁴ См. К. Horney. Our inner conflicts. N. Y., 1945.

²⁵ См. М. Rosenberg, Указ. соч., стр. 42.

²⁶ А. Н. Maslow. Motivation and personality, N. Y., 1954.

самоусовершенствование. Потребность более высокой степени срабатывает только тогда, когда потребность нижней ступени удовлетворена на 75%. Порядок потребностей неизменен. С такими выводами согласиться нельзя. Этим нельзя, например, объяснить поведение индивидов, идущих за свои убеждения на смерть, или поведение целых групп.

Нам кажется ценным общий подход, ибо природные потребности для человеческого рода в общем-то первичные (только сумасшедший может толкать человечество за победу идей в термоядерную войну). И, видимо, есть какая-то статистическая закономерность в удовлетворении потребностей. Удовлетворение потребностей определяет действие тех или иных ценностей.

Для исследования выбора профессии проводится еще более специфическая типологизация личности (работы М. Розенберга, Э. Гинзберга, Г. Давида и т. д.). Видимо, главной является типологизация по видам человеческой деятельности: сосредоточенные на работу (*work-centered*), на семью (*family-centered*), на замужество (*marriage-centered*) и др. Ориентировка на то или другое определяет всю остальную шкалу ценностей, выработавшуюся при выборе профессии. Дополнительно к этому мы применяли для выяснения отдельных типов еще профессиональные ценности. Типологизация, проведенная на этой основе М. Розенбергом,²⁷ не очень четкая: 1) ориентированный на человека (*people-oriented*), 2) ориентированный на внешнее награждение (*extrinsic reward-oriented*), 3) ориентированный на самовыражение (*self-expression-oriented*) В основу классификации может быть положено деление на моральные, материальные, умственные и др. ценности. Окончательные выводы по типологизации по этим двум признакам можно сделать, видимо, только после обработки эмпирических данных, ибо заранее проведенная твердая типологизация слишком спекулятивна.

Для конкретно-социологического анализа можно выделить следующие большие аспекты проблемы.

1) Изучение факторов, определяющих субъект выбора. Их взаимная связь, роль в выборе, взаимосвязь с факторами среды, которые определяют объект выбора и внешние рамки выбора (это не только факторы, характеризующие объект, но и факторы, характеризующие субъект и сам процесс, которые объективны, независимы от субъекта)

2) Изучение факторов, определяющих объект выбора и внешние рамки выбора. Их осознанность при выборе профессии субъектом.

3) Изучение формы процесса выбора профессии: этапы выбора, динамика выбора, роль сознания и т. д.

---

²⁷ А. Н. Maslow. Указ. соч.

4) Изучение факторов среды, определяющих внутреннюю структуру субъекта и влияющих на выбор через него. Это наиболее изученная проблема в советской социологии.

Конечно возможны и исследования, охватывающие часть факторов одного аспекта и часть другого. Можно вообще изучать взаимосвязь только одного фактора со всеми остальными или группой остальных факторов. Нам кажется, что по существу процесс выбора можно рассматривать только после конкретно-социологических исследований. Так как при сравнении и интерпретации данных, полученных другими исследователями, надо быть осторожным. Надо учитывать, кроме разницы в методике и технике получения данных, и факторы, приведенные К. Сва-ластога.²⁸ Во-первых, изменения в потребностях профессии под влиянием технической революции и развития культуры. Во-вторых, демографические изменения. В-третьих, изменения в распределении способностей и талантов. В-четвертых, изменения в общественном сознании. Кроме этого, конечно, самыми главными различиями являются различия в социальной системе. Довольно часто в сравнении и выводах данные требования не соблюдаются. Особенно важны они при правильном прогнозировании процессов.

Из изучения данных факторов можно установить:

1) факторы, сужающие выбор и являющиеся характерными для социализма;

2) факторы, сужающие выбор и не свойственные для социализма, которые надо устранить.

Все это дает нам возможность управлять одним из важнейших факторов социальной жизни.

---

²⁸ См. К. Svalastoga. *Prestige*. — *Class and Mobility*. Kopenhagen, 1959.

ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНЫХ КОЛЛИЗИЙ

Я. З. Хайкин

Для раскрытия закономерностей нравственной жизни принципиальное значение имеет анализ тех объективных тенденций, противоречивые стороны которых, трансформируясь в сознательном поведении человека, принимают форму конфликтных ситуаций. Однако в строгом смысле слова конфликт не может выражать все многообразие форм противоречий вообще и моральных, в частности. Поэтому в самом широком значении борьба противоположных тенденций, порождающая моральные столкновения различного уровня, рассматривается здесь как коллизии. Очевидно, конфликт как такая форма взаимоотношений противоположностей, при которой начинает разрываться их единство, выступает крайней формой коллизии.

В данной статье делается попытка установить природу и «механизм» названных моральных столкновений.

Исходный пункт всех нравственных противоречий — раздвоение единого основания морали: связи личности и общества, соотношения их интересов. Моральные ситуации, в которых обнаруживается такое «раздвоение», всегда возникают как результат определенного поведения людей. Проявление общественного человека выражается в неразрывной цепи поступков, образующих систему его отношений к себе, другим лицам и обществу. Поступок — элемент нравственного поведения человека. Но каждый поступок — это определенное единство внутреннего и внешнего. Гегель правильно считал недопустимым разрывать это единство, ибо во внешнем появляется внутреннее, во внутреннем содержится внешнее.¹

Суть внутреннего содержания поступка определяется тем, что «у отдельного человека, для того, чтобы он стал действовать, все побудительные силы, вызывающие его действия, неизбежно должны пройти через его голову, должны превратиться в побуж-

¹ См. Гегель. Соч., т. 1. 1930, стр. 232.

дения его воли». ² Мышление и воля — два взаимопроникающих компонента одной психической сущности. Но ограничиваться этим явно недостаточно, ибо мышление и воля должны находиться под воздействием определенных побудительных сил. Очевидно, в качестве последних выступают потребности. «Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того, чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются)». ³

Стремление человека к удовлетворению своих потребностей и есть тот интерес, который органически связывает каждого человека с обществом, его социальными подразделениями, с их интересами. Поэтому интерес человека не может рассматриваться в его изолированности от условий общественной жизни. Общественная организация всегда прямо или косвенно оказывает на интерес личности формирующее влияние. Процесс нравственного воспитания вносит в интерес личности качества общественного значения. От характера этого воспитательного воздействия зависит, в какой мере интерес личности будет содержать в себе «частицу или сторону, или сущность» общественного интереса, в какой степени субъективное отражение объективной действительности приведет к правильному соотношению интереса личности с интересом той социальной общности, в состав которой эта личность входит. Показателем эффективности такого воздействия выступают свойства мотивов поведения человека. Мотив — это субъективное выражение объективной связи интереса личности с общественным интересом в данном поступке.

Внутреннее содержание поступка появляется во внешнем — в действиях человека. Если внутреннее в поступке это его сущность, то действия личности выступают в качестве явления, выражающего эту сущность. Поскольку непосредственного совпадения сущности и явления быть не может, постольку связь между внутренним и внешним не однозначна.

Моральная оценка действий человека дается по его поступкам и, следовательно, базируется на единстве внутреннего и внешнего. Но дать оценку поведению можно только тогда, когда внешнее, так или иначе выражающее внутреннее, «соприкоснется» с общественными моральными требованиями (как говорил Гегель, с «внешней объективностью»). В характере этого «соприкосновения» — источник возможных моральных коллизий.

«Внешней» средой для нравственной жизни отдельных людей выступает система определенных нравственных требований, находящихся свое выражение в нормах (правилах) морали, обычаях, традициях. Эти требования, вырастающие из конкретных социальных условий существования людей, становятся внешним в той

---

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 310.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 493.

мере, в какой они приобретают относительную самостоятельность своего развития. Отражая интересы различных социальных сил, моральные требования оказывают как формирующее влияние на поведение личности, так и заставляют личность «выбирать» те правила поведения, которые придают каждому данному поступку конкретное нравственное значение. Разумеется, каждый поступок представляет собой единство взаимосвязанных моментов (принятие нравственного решения, мотивация, использование средств и т. п.). границы выбора которых определяются границами детерминированной свободы. Каждый из этих моментов может сам оказаться объектом коллизии.⁴ Но именно детерминация свободы позволяет в статистических закономерностях нравственной жизни обнаружить типичное поведение, порождаемое объективными, прежде всего социально-экономическими условиями жизни людей и выражающее противоречивость целого, т. е. сочетания всех сторон поступка. Вполне понятно, что именно такая система связи поступка и «внешней объективности» позволяет рассматривать различные моральные коллизии.

С этой точки зрения целесообразно проследить характер изменения моральных коллизий в процессе исторического развития.

В первобытной организации интересы каждого ее члена были тождественны интересам всей общины. Род и племя выступали как самостоятельные и даже изолированные социальные единицы, а «отдельный человек не становится самостоятельным по отношению к общине».⁵ Различия по полу, возрасту, физической силе и т. п. представляют собой не выражение индивидуальности того или иного отдельного человека, а естественную группировку сил коллектива. Поэтому здесь интерес отдельного человека и общины находятся в гармоничном соотношении, но это такая гармония, при которой интерес члена общины полностью растворен в интересе своего коллектива, сведен к простому слепку последнего, а интерес рода непосредственно реализуется через деятельность людей, которые «совсем не отличаются друг от друга» (Ф. Энгельс).

Внутренний мир человека родовой организации — прямое отражение всех установлений коллектива, вытекающих из естест-

---

⁴ По-видимому, попытка классифицировать моральные коллизии по таким основаниям не может увенчаться успехом. Об этом свидетельствует математическая теория игр. Она показывает, что игровые ситуации (в данном случае моральные коллизии) столь разнообразны, «что попытки сформулировать определение целесообразности поведения игрока при помощи традиционного индуктивного перечисления большого числа решений этого вопроса в конкретных случаях представляется совершенно безнадежным. Усилия должны здесь направляться на поиски некоторых *общих* принципов разумности, рациональности, целесообразности поведения игроков и на выработку критериев этих качеств поведения». — Н. Н. Воробьев. Некоторые методологические проблемы теории игр. — «Вопросы философии», 1966, № 1, стр. 99.

⁵ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. 1940, стр. 18.

венных потребностей борьбы за существование. Такая повседневная борьба требовала от каждого члена первобытной ассоциации быстрых и автоматических действий в соответствии с самосознанием коллектива. Но усилия социально единых коллективов ослаблялись дезорганизующим поведением отдельных лиц на почве зоологического индивидуализма. Обуздание зоологизма было делом всей общины. И даже тогда, когда необходимость некоторого его проявления (например, в кровной мести) признавалась коллективом, последний стремился не терять контроля над поведением отдельных лиц. Поэтому «всякие споры и распри разрешаются сообща теми, кого они касаются, — родом или племенем, или отдельными родами между собой; лишь как самое крайнее, редко применяемое средство грозит кровная месть».⁶ Зоологический индивидуализм был, повидимому, важнейшим источником возникновения моральных конфликтов в первобытном обществе. Это были столкновения, рождаемые борьбой формирующейся социальности с инстинктивными влечениями, руководившими поведением предков человека. Моральные коллизии, возникающие из-за неумелых действий или ошибок при реализации воли общины, естественно не были так остры и имели второстепенное значение.

Таким образом, нравственные конфликты первобытного общества носили характер столкновения внутренних еще не обузданных инстинктивных побуждений отдельных людей с внешними требованиями рода. Преодоление зоологического индивидуализма, лежащего вне рамок социальных функций, с особой силой подчеркивало индивидуальность коллектива, но отнюдь не его отдельных членов, ибо только община выделяла себя и противопоставляла окружающему миру.

Раскол общества на классы коренным образом изменил соотношение интересов. Теперь, вместе с общественным разделением труда «дано и противоречие между интересом отдельного индивида и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом».⁷ Каждый класс, занимая особое место в системе общественного производства, становится носителем и выразителем своего собственного интереса. И если внутри таких классов связь интересов отдельных личностей с общеклассовым интересом вырастает на почве материальных условий существования данного класса и соответственных отношений, то взаимоотношения противоположных классов между собой характеризуются непримиримостью их интересов. Антагонизм классовых интересов подавляет, разрывает единство общественной организации.

Отдельная личность, попав в новую систему общественных отношений оказывается обособленной от того коллектива, в орга-

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 31.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 97.

ническом единстве с которым она до сих пор вела борьбу с природой. «Дело оборачивается таким образом, что человек как обособленный индивид предоставлен только сам себе, средства же для того, чтобы отстоять себя как обособленного индивида, заключаются в том, чтобы братья за все, не гнушаясь ничем».⁸ Благодаря этому возникает и непрерывно расширяется конкурентная борьба и конкурентная изолированность. Теперь коренным образом меняется внутренний мир человека. Если в процессе формирования самосознания Петр наблюдал себя в Павле, как в зеркале, то теперь в зеркале он видит только себя, одновременно следя за Павлом, уже как за своим конкурентным врагом. Борьба всех против всех вызвала к жизни враждебные человеческой сущности мотивы поведения, «приведя в движение самые низменные побуждения и страсти людей и развив их в ущерб всем их остальным задаткам».⁹ Низменные чувства, эти потомки первобытного зоологического индивидуализма, оказываются теперь включенными в систему социальных отношений.

Весь этот процесс развития создает огромное поле для самых различных моральных коллизий. И над всей громадной массой хаотичных нравственных столкновений здесь господствует одно — противоречие интереса личности враждебным ей классовым интересам. Это — моральный конфликт, вырастающий на базе антагонистических социальных отношений и выражающий абсолютную невозможность разрешить возникшие противоречия при сохранении условий, их породивших. Искусство в разных формах всегда отражает эти столкновения. Разумеется, конфликт Отелло и Яго совсем не похож на конфликт Любови Яровой со своим мужем или на трагедию отца Горио, но все они передают типичный драматизм своего времени, все они показывают резкое столкновение личности с враждебными ей моральными требованиями.

Решающим моментом всякой действительной моральной коллизии является столкновение внутреннего содержания действий личности с внешними условиями моральной жизни. Этим объясняется то, что внешнее проявление конфликта может быть отодвинуто по времени от момента фактического возникновения противоречия. Внутренний психологический драматизм — так можно охарактеризовать сущность коллизии в то время, когда внешне она еще не дала о себе знать. В конечном счете подобные столкновения с неизбежностью проявляются, но проявляются в кульминационном пункте развития конфликта. Так, например, развиваются конфликты Позднышева в «Крейцеровой сонате» Л. Толстого, Итена Хоули в «Зиме тревоги нашей» Стейнбека. При возникновении и разворачивании таких коллизий в определенное время нарушается единство внутреннего и внешнего в поступках человека. И хотя этот разрыв кажущийся, так как создается

---

⁸ К. Маркс. Указ. соч., стр. 30.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 176.

только видимость отсутствия столкновения, в действительности моральная борьба не прекращается ни на минуту

Совсем иной характер носит столкновение поступков человека с моральными требованиями, когда мотивы поведения не соответствуют действиям личности, а эти последние уже вошли в противоречие с окружающей действительностью. Здесь также нарушается единство внутреннего и внешнего, хотя явно столкновение уже состоялось. В отличие от психологического драматизма, возникновение действительной коллизии должно быть приурочено к выяснению внутренних стремлений личности. И если внутреннее содержание поступков ничтожно или, наоборот, многозначительно, то все столкновение оказывается ложным. Подобные ситуации в искусстве принимают форму комического несоответствия и, разумеется, действительной коллизии не выражают.

Моральные столкновения в среде эксплуататорских классов можно условно разделить на два вида. Прежде всего это те столкновения, которые возникают на основе конкурентной борьбы. Конкурентная борьба — способ существования всего класса. Поэтому в конкретных столкновениях отдельный человек не вступает в противоречие с моральными требованиями своего класса, а оказывается в конфликте с прогрессивным общечеловеческим содержанием морали. Единственным охранителем этих элементов морали являются передовые силы общества. Перед их лицом конкуренты вынуждены вуалировать свою хищническую деятельность, скрывать свои мотивы поступков, придавать вид благообразности своим целям. Так разрывается внутреннее и внешнее, слово и дело, мысль и слово. В этой среде рождаются афоризмы такого типа, как «язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли». Лицемерие становится главным способом скрыть действительные мысли и желания, а цинизм — главным содержанием лицемерной формы. Личность деградирует, теряя свою человеческую сущность. Разумеется, это конфликт. В нем отдельные люди побеждают и терпят поражение, поднимаются вверх и опускаются вниз, наконец, просто гибнут. Но одержанная победа — это победа, не имеющая моральной ценности, а поражение — не поражение морали. Даже физическая гибель конкурента не имеет самостоятельного морального значения. Словом, конфликт отдельной личности, вырастающий из конкурентной борьбы, лишен общественного значения. Это столкновение — просто форма того действительного конфликта с исторически необходимыми требованиями, в котором находится весь класс. «Фигуры капиталиста и земельного собственника, — писал К. Маркс, — я рисую далеко не в розовом цвете. Но здесь дело идет о лицах лишь постольку, поскольку они являются носителями определенных классовых отношений и интересов». Поэтому с моей точки зрения, меньше чем с какой бы то ни было другой, отдельное

лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно». ¹⁰

«Субъективное возвышение личности» над условиями существования эксплуататорского класса придает ее конфликту с узко-классовым интересом самостоятельное моральное значение. В таких случаях вся мощь класса обрушивается на голову «виновного». И если человек не найдет в себе мужества порвать связь со своим классом и стать под знамена прогрессивных сил, то его ждет один конец — физическая или моральная смерть. Это подлинный конфликт, «трагическая коллизия между исторически необходимым требованием и практической невозможностью его осуществления». ¹¹ Вполне понятно, что этот вид морального столкновения сводится к непримиримой борьбе двух классов противоположных нравственных требований.

Коллизии в среде эксплуатируемых также возникают на почве конкурентной борьбы, ибо «конкуренция изолирует друг от друга не только буржуа, но еще более пролетариев». ¹² Преодоление конкурентной изолированности становится постоянной тенденцией развития эксплуатируемых, так как только сплочение может привести к успеху в борьбе с господством эксплуататоров. Поэтому конкурентные столкновения в рядах пролетариата, противореча интересам классовой борьбы, приобретают отрицательное моральное значение. Благодаря этому класс, вступивший на путь развития самосознания, все четче и яснее начинает рассматривать подобные коллизии как измену классовой солидарности. Да и сами столкновения по мере углубления классовых антагонизмов становятся все более острыми. Штрейкбрехер, ренегат, сикофант и т. п. — вот те качества, которые приобретает личность, игнорирующая классовые интересы. И не случайно морально разложившиеся люди, вступившие в конфликт со своим классом, оказываются в одной компании с волками конкурентной борьбы господствующего класса. В прогрессивной художественной литературе такие конфликты всегда изображаются как низменные, выражающие «субъективное принижение личности». Таковы, например, Тимон из «Очарованной души» Роллана, Лэмптон в романах Брейна «Путь наверх» и «Жизнь наверху».

Общие свойства моральных коллизий обнаруживаются и в отношениях между полами. Индивидуальная половая любовь, развиваясь как социальное чувство, стала предметом морального отношения, т. е. чувством нравственным. ¹³ Естественно, что ро-

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 10.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 495.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 61.

¹³ Следует заметить, что моральные коллизии, возникающие, например, в ситуациях неразделенной любви, «соперничества» в любви и т. п., становясь таковыми только в отношении к этим столкновениям, носящим по своей природе психологический, а не моральный характер. Поэтому Ф. Энгельс

дившись в условиях классовых антагонизмов, нравственное чувство любви восприняло социальные черты, присущие всем общественным явлениям своего времени, а отношение мужчины и женщины стало определенным показателем характера общественных отношений вообще.

Как нравственное чувство любовь может и должна руководствоваться только такими моральными требованиями, которые полностью позволяют проявление свободной индивидуальности человека, основанной на взаимной склонности. Но условий для этой система вещной зависимости людей дать не может. Лишь эксплуатируемые способы развивать моральные нормы и отношения, выражающие освобождение любви от имущественных, религиозных и т. п. оков. «Господствующий класс остается подвластным известным экономическим влияниям, и поэтому только в исключительных случаях в его среде бывают действительно свободно заключаемые браки, тогда как в среде угнетенного класса они являются правилом».¹⁴

Этим определяется характер коллизий, вырастающих на почве искажения нормальных отношений между полами. Такие коллизии всегда прямо или косвенно выражают столкновение чувства склонности с внешними обстоятельствами, мешающими полному проявлению этого чувства. Однако и здесь обнаруживается противоположность между характером коллизий у эксплуататоров и эксплуатируемых. Если для буржуа типичен конфликт, требующий первенства внешних условий его существования над личной склонностью, а последняя ему только мешает, то для пролетариев конфликт выражает необходимость борьбы против этих внешних условий, препятствующих взаимной склонности людей. Буржуа хочет подчинить свою личную склонность имущественному благополучию. Пролетарий хочет освободить свою личную склонность от соображений экономического порядка. В этом смысле поучительно сопоставление конфликта Лестера Кейна в «Дженни Герхардт» Драйзера и борьбы за свою любовь Иоганнеса Пиннеберга и Эммы Мершель в романе Г. Фаллады «Что же дальше, маленький человек?» Разумеется, самую острую форму принимает столкновение, при котором отдельная личность, ведя борьбу за свое чувство, убеждается в невозможности соединиться с любимым человеком из-за непреодолимых внешних преград. И если такая невозможность есть невозможность реализации прогрессивных требований морали, то она придает конфликту трагический характер. Не случайно подобные трагедии на

различает исторически изменяющиеся нравственные критерии для оценки любви и эволюцию самого чувства любви. (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 79—80.) Психологическое основание любви делает моральную коллизию только возможной. Эта возможность становится действительностью лишь в системе морального отношения, т. е. тогда, когда обнаруживает себя связь интереса личности и общественного интереса.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 84.

протяжении веков служат пищей для многих видов и жанров искусства.

Условия жизни классового общества таковы, что они не только порождают самые острые моральные столкновения — конфликты, но и придают вообще всем моральным противоречиям качество непримиримости. В таком обществе трудно различить простую моральную коллизию и конфликт. Только в среде эксплуатируемых, особенно у пролетариата, на базе развивающегося революционного сплочения нравственные столкновения начинают приобретать новый характер, дающий возможность коллективными усилиями разрешать их, не доводя до остроты, присущей конфликту, хотя враждебное классовое окружение уже одним своим присутствием мешает этому. Однако для развития такой тенденции обществу необходимо дописать последнюю страницу своей предыстории и начать историю.

Социалистическая революция ликвидирует последнюю антагонистическую форму общественной системы производства. В ходе и в результате этого процесса коренным образом меняется характер связи личности и общества, интереса личности и интереса общества. Весь переходный период от капитализма к коммунизму представляет собой непрерывное развитие единства общественных и личных интересов. Этот процесс будет завершен при коммунизме, когда «утвердятся гармонические отношения между личностью и обществом на основе единства общественных и личных интересов».¹⁵

Новое общество, вырастающее из недр буржуазного способа производства, не может сразу, одним приемом сбросить с себя груз старых отношений и взглядов, привычек и предрассудков. Поэтому устранение социальных условий для противопоставления интереса личности интересу общества не ведет автоматически к их единству. В новой формирующейся системе связи мера интереса личности находит свое высшее выражение в мере интереса общества. В моральных требованиях это проявляется прежде всего в признании первенства общественных интересов над личными. Этот принцип коммунистической морали определяется тем, что общественные интересы выступают не в качестве самостоятельной, противостоящей личным интересам силы, а их универсальным объективным содержанием. Любое нарушение высшей меры, даже чрезмерное раздувание ее, ведущее к принижению меры индивидуальной, порождает коллизии. Разумеется, математически точно определить каждый раз степень нарушения связи интересов не всегда удастся. Но безусловно одно: полный разрыв единства личных и общественных интересов ставит личность вне общества, реализует в ее поведении враждебные обществу устремления. Так возникают конфликты, названные К. Марксом индивидуальным антагонизмом. Эта достав-

¹⁵ Материалы XXII съезда КПСС. 1961, стр. 367.

шаяся по наследству новому обществу форма коллизии уже не может претендовать на доминирующее положение в противоречивом развитии, так как лишена социального основания, но она еще может угрожать каждой коллизии перерасти в столкновение такого рода.

Моральные противоречия в нашем обществе все более теряют связь с конфликтами, выражающими индивидуальный антагонизм, все дальше отходят от них. И это не удивительно. Новое общество несет новые закономерности развития, и последние, а не рецидивы умирающего старого, определяют характер изменения коллизий. Лицо моральных коллизий в обществе, лишенном социальных антагонизмов, определяется таким способом разрешения противоречий, при котором противоположности объективно переходят в различия, а последние в конце концов должны потерять качество элементов противоречия. Весь этот процесс обусловлен растущим совпадением тенденций развития взаимно совершенствующихся сторон всей социально-экономической и духовной жизни.¹⁶

На таком основании растет и развивается коммунистическая мораль. Ее требования все больше испытывают необходимость во внутренней логике, согласованности между собой. Показателем этого и явилось четкое выражение основных принципов морального кодекса строителя коммунизма в Программе КПСС. Преодоление социальных различий одновременно предполагает устранение из практической морали всего того, что объективно выступает тормозом этого процесса. Формирование единой всеобщей морали, освобожденной от всех чуждых ей элементов, вносящих разноречивость между различными требованиями, — такова одна из тенденций развития коммунистической морали, соответствующая закономерности формирования социальной бесклассовой общности людей.

Утверждение единства общественных и личных интересов выступает как процесс стабилизации объективно-необходимого уровня в соотношении этих интересов. Однако такая стабилизация осуществляется в борьбе с различными субъективными отклонениями от меры связи интересов. Если при этом крайность проявляется как индивидуальный антагонизм, то отклонения, не разрывающие единства интересов, становятся в переходный период к коммунизму источником типичных моральных коллизий. Природа таких коллизий отражает процесс перехода моральных противоречий с уровня противоположности на уровень различия. И хотя на этом уровне внутренние стимулы, мотивы поведения все в большем объеме воспринимают и выражают требования общественного интереса, сохранение различия между ними таит возможность столкновений разной силы.

---

¹⁶ См. Б. С. Украинцев, А. С. Ковальчук, В. П. Чертков. Диалектика перерастания социализма в коммунизм. 1963, стр. 38 и сл.

Переплетение всех моментов, рождающих моральные коллизии, свойственные переходному периоду от капитализма к коммунизму, четко обнаруживается в жизни нашего общества. Интересно выражена сущность моральных столкновений наших дней в романе Д. Гранина «Иду на грозу». Взаимоотношения трех персонажей — Агатова, Тулина и Крылова — с окружающими их людьми олицетворяют моральные коллизии различного уровня. Поведение Агатова, этого подхалима, карьериста и даже провокатора, ставит его в такое противоречие с обществом, что назвать порождаемые им столкновения иначе чем конфликтом нельзя. Его поступки — типичное проявление индивидуального антагонизма, они подлинно враждебны обществу. Иной характер моральных столкновений Тулина. Тулин любит себя, свой талант в большинстве случаев он тратит на службу собственной личности. Ради этого он иногда готов на сделку с явно нечистоплотными людьми. Его поступки часто нарушают гармонию общественно-необходимой связи личного и общественного интересов. За это Тулин заслуживает морального осуждения, но он не враждебен обществу, ибо не разрывает единства личного и общественного интересов, хотя по временам бывает близок к этому. И, наконец, Крылов. Он добр и искренен, он целен, ибо не может представить себя без служения делу. И если он оказывается в противоречии с окружающими, то главным образом из-за индивидуальных особенностей, не всегда принимаемых людьми. Но это такие индивидуальные особенности, которые не противоречат правильному сочетанию интересов личности и общества в наши дни. Очевидно, последовательный ряд моральных столкновений, представленных Агатовым, Тулиным и Крыловым, показывает эволюцию характера коллизий от прошлого через настоящее в будущее.

Людям зрелого коммунистического общества уже не требуется специально признавать и в соответствии с этим требовать признания первенства общественных интересов над личными. Само первенство будет естественным способом моральной жизнедеятельности. Это будет общество, «в котором общность интересов возведена в основной принцип, в котором общественный интерес уже не отличается от интереса каждого отдельного лица». ¹⁷

Такая связь интересов на основе полного социального единства делает людей «разными» не по их отношению к общественным интересам, а по степени проявления всесторонне и гармонически развитой человеческой личности, по степени проявления ее индивидуальности. Условие существования индивидуальности — органическое взаимодействие каждого с каждым, взаимодействие на принципе взаимодополнения. При этом каждая индивидуальность реализует в своем поведении один и тот же общественный

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 538.

интерес. Поэтому умение соразмерять свои поступки со стремлениями и склонностями других станет важнейшим критерием при выполнении нравственного долга. По-видимому, источником моральных коллизий при коммунизме и будет возможность нарушения этой соразмерности. Но уже сегодня можно твердо сказать, что это будут коллизии, имеющие глубокий внутренне-психологический и в то же время общественный характер.

Естественное единство личности и общества превратит моральную коллизию отдельного человека в дружескую заботу всего общества. «При *человеческих* отношениях наказание *действительно* будет не более как приговором, который провинившийся произносит над самим собой. В *других* людях он, напротив, будет встречать естественных спасителей от того наказания, которое он сам наложил на себя, то есть отношение будет прямо-таки противоположным».¹⁸

Итак, моральные коллизии — детища социальных условий своего времени. В их эволюции отражаются все черты и свойства, которые несут с собой закономерности общественного развития. Общий взгляд на характер исторических изменений, претерпеваемых моральными коллизиями, обнаруживает в этом процессе своеобразное проявление закона отрицания. Столкновения родо-племенной организации с внешним для социальных функций проявлением инстинктивных влечений у членов общины выступает делом всего коллектива. Эти столкновения сменяются моральными конфликтами, внутренний и внешний смысл которых определяется противопоставлением человека общине на базе социальных антагонизмов. И, наконец, при коммунизме моральные коллизии как бы повторяют черты столкновений первобытного строя (коллизии — дело всего общества), но на более высокой основе (индивидуальный, внутренний характер)

Поступила в редакцию 15 сентября 1966 г.

---

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 197.

КРАСОТА КАК ЦЕННОСТЬ И ЦЕННОСТЬ КРАСОТЫ

Л. Н. Столович

У некоторых философов можно встретить следующую характеристику категории ценности и ценностного отношения: «Ценность — это негативное определение культурного феномена, как спасаемого условным «табу» от свирепого нигилизма, от разгула утилитаризма»¹; «Ценностная точка зрения есть поэтому точка зрения «доброго» архивариуса или музейного хранителя, ютящегося в закоулках отчужденного мира, идущего к своему закату буржуазного общества».² Если иметь в виду то конкретное содержание, которое в понятие «ценность» вкладывали некоторые представители так называемой «философии ценности» или аксиологии со второй половины XIX столетия, то эта яркая характеристика выглядит справедливой. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что такое понимание ценности и ценностной точки зрения является единственно возможным и составляет сущность категории ценности и ценностного отношения. Это становится совершенно очевидным при исследовании такого рода ценности, как красота, и такого вида ценностной точки зрения, как эстетическое отношение человека к действительности. Конечно, закоулки отчужденного мира буржуазного общества не могут не воздействовать на эстетическое отношение. Но эстетическое отношение и его объект — эстетические ценности — возникли задолго до этого отчужденного мира, и только после его ликвидации получают невиданный простор для своего развития.

Разумеется, при аксиологическом подходе к изучению эстетического отношения и его важнейшей категории — прекрасного необходимо учитывать возможность различной интерпретации самого понятия «ценность». Идеалистическое осмысление этого понятия, как показывает современная буржуазная эстетика, ло-

---

¹ Г. С. Батищев. Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963, стр. 56.

² Там же, стр. 56—57.

гически приводит к идеализму и в трактовке прекрасного.³ Поэтому марксистская эстетика должна методологически опираться на диалектико-материалистическую и историко-материалистическую теорию ценности. На наш взгляд, неправильно утверждение о необходимости дополнить марксизм учением о ценности. Неправильно потому, что марксизм в этом не нуждается, так как в трудах его основоположников задолго до буржуазной аксиологии на конкретном материале различных наук (прежде всего политической экономии и, в частности, эстетики) были превосходно показаны пути действительно научного исследования ценностного отношения и категории ценности.

Что дает эстетической науке осознание ценностной природы категории прекрасного? Конечно, само отнесение прекрасного к миру ценностей еще не определяет его специфику, поскольку сами ценности могут быть не только эстетическими, но и нравственными (добро), познавательными (истина), практическими (польза), экономическими (стоимость) и т. п. Однако, если трактовка прекрасного как ценности и не характеризует еще его специфику, то такая трактовка несомненно прокладывает путь к познанию всей сферы эстетического и прекрасного, ибо, во-первых, ограничивает свойство прекрасного от других, неценностных свойств явлений, и, во-вторых, дает возможность на уровне категории «ценности» выявить соотношение между эстетическими ценностями, с одной стороны, и неэстетическими, с другой.

Понимание прекрасного как ценности является, по нашему глубокому убеждению, условием разрешения такой остро дискуссионной проблемы, как объективность прекрасного. Правда, в нашей эстетической литературе можно встретить мнение, согласно которому рассмотрение прекрасного в качестве человеческой ценности, обусловленной общественно-исторической практикой, означает вообще отрицание объективности прекрасного. Такой вывод можно сделать лишь априори, считая ценностное свойство чисто субъективным, т. е. вольно или невольно солидаризуясь в трактовке категории ценности с субъективно-идеалистической аксиологией.

Любая ценность обуславливается практикой и практика выступает как объективный определитель ценности. В качестве одного из важнейших требований диалектической логики В. И. Ленин отмечал необходимость учитывать то, что «вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку».⁴ Ценность

---

³ См. превосходный обзор аксиологических концепций в современной зарубежной эстетике в статье Стефана Моравского «О художественной ценности». — «Kultura i Społeczeństwo», Warszawa, 1962, nr. 4.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290.

ведь как раз и характеризует то, «что нужно человеку» и практика выступает как ее основание. Материалистически интерпретируя Гегеля, В. И. Ленин пишет в «Философских тетрадах»: ««Доброе» есть «требование внешней действительности», т. е. под «добрым» разумеется *практика* человека = требование (1) и *внешней* действительности (2)». ⁵

Конечно, если исходить из идеалистического толкования самого понятия «практика», то, бесспорно, идеалистической будет и трактовка ценности, в том числе эстетической, как это можно видеть в эстетике прагматизма. Например, в «Эстетике» К. Гордон, написанной с позиций философии прагматизма, формально даже не отвергается объективность прекрасного, но при этом сама объективность рассматривается как общезначимость, как совокупность чисто субъективных опытов «других людей». А поэтому «объект, который кажется прекрасным многим людям, и является прекрасным». ⁶ Сам Джон Дьюи, считая эстетическую ценность качеством опыта в прагматистском его истолковании, сводит прекрасное к «обозначению характерной эмоции». ⁷ Таким образом, субъективистское понимание практики приводит к субъективистскому пониманию красоты. Но было бы глубоко ошибочно полагать, что иной интерпретации практики не существует.

Марксистская эстетика исходит из марксистского понимания общественно-исторической практики, которое не приводит к какой-либо субъективизации эстетической ценности. Конечно, практическая деятельность людей невозможна без участия их сознания и воли. Однако, сознание и воля человека в практической деятельности не могут не исходить из объективных закономерностей природы и общества для достижения желаемых результатов. Если же сознание и воля не исходят из этих закономерностей, то результаты практической деятельности будут складываться стихийно, демонстрируя тем самым с очевидностью объективность практики. Практика объективна как закономерное взаимоотношение объекта и субъекта, при котором доминирует объективное начало как в процессе деятельности, так и, в особенности, в ее результатах. Этим практическая деятельность человека отличается от познавательно-теоретической. Если бы общественно-историческая практика не была объективным процессом, она не могла бы рассматриваться как объективный критерий истины. Следовательно, именно практическая обусловленность ценности дает ключ к уяснению ее объективности.

Объективность общественной ценности была блестяще обоснована основоположником марксизма на примере анализа такого

---

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 195.

⁶ Kate Gordon. *Esthetics*. N. Y., 1922, p. 62.

⁷ John Dewey. *Art and Experience*. N. Y., 1934, p. 129.

вида ценности, как стоимость.⁸ Рассмотрение этого вопроса представляет тем больший интерес для темы настоящей статьи, что К. Маркс в период работы над экономическими трудами много занимался проблемами эстетики, делая выписки из «Эстетики» Ф. Т. Фишера. Характеризуя эти выписки, один из крупнейших знатоков эстетического наследия К. Маркса М. А. Лифшиц отмечает, что «значительная часть выписок из Фишера посвящена вопросу о взаимоотношении между естественной природой предметов и их эстетическим значением».⁹ Интерес К. Маркса к этой проблеме вполне понятен, т. к. без понимания взаимоотношения природных и общественных свойств предметов нельзя раскрыть сущности ни экономической, ни эстетической ценности. По словам М. А. Лифшица, «как и эксцелпты боннского периода, выписки из книги Фишера обнаруживают определенную тенденцию к критике грубого натурализма, принимающего человеческое за вещественное и обратно. Связь этого отношения Маркса к вопросу об эстетической ценности с его раскрытием товарного фетишизма и разрешением вопроса о субъективном и объективном в экономике — слишком очевидна».¹⁰

Нам уже доводилось обращать внимание на методологическое значение для эстетики исследования Марксом сущности экономической стоимости, которая обладает объективностью как «общественное свойство» вещей.¹¹ Аналогия между экономической стоимостью, с одной стороны, и эстетическим значением предметов, с другой, не является внешней и случайной. Ведь и то и другое представляют собой ценности. И общие закономерности, характерные для ценности вообще, не могут не проявляться и в экономических и в эстетических ценностях. Мы полагаем, что этим-то и был вызван интерес Маркса к эстетическим ценностям в период разработки теории стоимости — интерес, проявившийся не только в штудировании «Эстетики» Фишера, но и в прямых высказываниях по эстетической проблематике, содержащихся в экономических работах Маркса. Анализ же стоимости раскрыл важнейшую особенность всякой, в том числе и эстетической, ценности — общественную обусловленность ценностных свойств предметов и явлений, причем общественную обусловленность, обладающую объективным характером.

Сопоставляя эстетическую ценность со стоимостью, мы ни в коем случае не считали их тождественными ни по их общественному «субстрату», ни по времени функционирования, ни по отношению к чувственной стороне явлений. Имея в виду последнее

---

⁸ Обратим внимание на то, что в немецком языке понятие «ценность» и «стоимость» обозначаются одним и тем же словом «Wert».

⁹ М. А. Лифшиц. Вопросы искусства и философии. М., 1935, стр. 255.

¹⁰ Там же.

¹¹ См. Л. Н. Столович. Некоторые вопросы эстетической природы искусства. Л., 1955; Л. Н. Столович. Эстетическое в действительности и в искусстве. М., 1959, стр. 61—64.

отношение, К. Маркс прямо противопоставляет эстетическую ценность и меновую стоимость предмета: «торговец минералами видит только меркантильную стоимость, а не красоту и не своеобразную природу минерала». ¹² Однако это противопоставление ни в коем случае не означает выведение красоты и вообще эстетического значения предмета за сферу ценности. В «Критике политической экономии» эстетическая функция алмаза прямо названа его потребительной стоимостью. ¹³

Эстетическая ценность как вид потребительной стоимости существенно отличается от меновой стоимости. Если последняя совершенно равнодушна к физической стороне вещей, так как в нее не входит «ни одного атома вещества природы», ¹⁴ то потребительная стоимость зависит от свойств товарного тела, «она не существует вне этого последнего». ¹⁵ В «Критике Готской программы» отмечается, что «*природа* в такой же мере источник потребительных стоимостей (а из них-то ведь и состоит вещественное богатство!), как и труд...». ¹⁶ Но из этого не следует, что потребительная стоимость является категорией, отражающей лишь природные свойства вещей. В этой категории сами природные свойства берутся лишь в связи с человеческими общественными потребностями, лишь постольку, поскольку естественные качества вещей выступают в отношении полезности для человека и общества, ибо «полезность вещи делает ее потребительной стоимостью». ¹⁷ Заметим, что речь идет не только о материально-утилитарной, но и о духовной полезности. ¹⁸

Потребительная стоимость, в отличие от меновой, не выражает «никакого общественного производственного отношения». Однако она «является предметом общественных потребностей и потому включена в общественную связь». ¹⁹ Потребительная стоимость — «дело исторического развития». ²⁰ И все это относится также и к таким потребительным стоимостям явлений, полезность которых для человека «не опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т. д.» ²¹ Таким образом, на уровне категории ценности разрешается проблема эстетических свойств нетронутой чело-

---

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 594.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 14.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 56.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 44.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 13.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 44.

¹⁸ По словам автора «Капитала», потребности, определяющие потребительные стоимости, могут порождаться не только желудком, но и фантазией (см. Соч., т. 23, стр. 43).

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 14.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 44.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 49.

веком природы. Она безусловно может ими обладать, но само понятие «эстетические свойства» указывает на то, что обладающие ими девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т. д. находятся в определенной связи с общественно-человеческими потребностями. Касаясь вопроса об эстетических свойствах золота и серебра, К. Маркс прямо говорит о соответствии и цветовых качеств золота и серебра, включенных в их эстетические свойства, человеческому «чувству цвета», являющемуся формой «эстетического чувства вообще». ²² (Вспомним при этом, что образование человеческих чувств, в том числе «пяти внешних чувств», Маркс назвал «работой всей до сих пор протекшей всемирной истории». ²³ И значит в практике «всемирной истории» определилось, почему именно эти, а не другие цветовые отношения представляются эстетически значимыми.) Если бы эстетические свойства золота и серебра были просто тождественны цветовым, то не было бы вообще необходимости в употреблении термина «эстетическое свойство». Электромагнитные колебания, лежащие в основе цветовых ощущений, существуют, несомненно, сами по себе. Эстетические же свойства потому и называются эстетическими, что «адресуются» к эстетической потребности человека. Отождествлять эстетическое свойство с блеском, как это делают некоторые эстетики, — значит, вопреки пословице, считать золотом все, что блестит.

Трактовка объективности прекрасного как природного свойства игнорирует ценностную природу красоты и других эстетических свойств. В эстетической литературе уже многократно показывались «ахиллесовы пяты», внутренне присущие такого рода концепции эстетического. ²⁴ Однако уязвимость этих пят не мешает использованию их в качестве средства передвижения. Но в какую сторону? Отвергая как якобы порочный субъективизм общественно-человеческое, т. е. ценностное, значение, прекрасного, сторонники так называемой «природнической» концепции логически неумолимо приходят к утверждению значения прекрасного не только для млекопитающихся, но также для насекомых и растений. Так, И. Астахов требует не забывать, что «притягательная сила природных ароматов, ярких форм и красок цветов, которые все называют прекрасными, служат одно-единственной, но вместе с тем высшей природной «цели» — продолжению жизни, размножению через опыление». ²⁵ А В. Романенко, доказывая существование красоты «до и независимо от человека» совершил большое открытие: обнаружил эстетическое восприятие у растений. Из действительно интересного эксперимента индийских ученых Сингха и Паниаха, в котором «озвученная» мимоза в

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 136.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 594.

²⁴ См., например, остроумную характеристику четырех «ахиллесовых пят» этой концепции в книге Ю. Борева «Введение в эстетику». М., 1965, стр. 69.

²⁵ И. Астахов. Искусство и проблема прекрасного. М., 1963, стр. 32.

полтора раза превзошла по интенсивности роста «неозвученную», В. Романенко сделал следующий вывод: «Но поскольку практически невозможно отделить звуковой фон музыки от его смыслового, эстетического, поскольку растения, очевидно, вообще «не подозревают» о существовании этих «двух планов» и на них воздействовала музыка сама по себе, постольку мы вправе говорить о действительно сложной взаимосвязи эстетического и материального». ²⁶

Как сообщалось в печати, индийские ученые обнаружили в протоплазме листьев растения типа элодеи соответствие «жизненных ритмов развития растения и музыкального на него воздействия». ²⁷ При всей удивительности этого эксперимента, у нас нет оснований рассматривать его как опыт эстетического воспитания растений. Нам не кажется кощунственным предположить, что растения подвергались воздействию не музыки как эстетического явления, а ритмически определенного потока звуковых колебаний, который и вызвал наблюдаемый эффект. Интенсивность же роста не является показателем эстетического воздействия даже у людей. И мы смеем выразить сомнение в том, что учение Лысенко сможет помочь обнаружить прекрасное в природе до появления человека, как полагает болгарский эстетик Б. Ценков. ²⁸

Эти примеры хорошо показывают альтернативу ценностного (и тем самым гуманистического) понимания прекрасного. Концепция, выражающая эту альтернативу, предстает не только на всех своих «ахиллесовых пятках», но (если перефразировать одно высказывание Тютчева) как такой Ахиллес, у которого повсюду пятка. Ценностная интерпретация прекрасного при марксистском понимании сущности ценности показывает объективность прекрасного, не превращая его в объективированное сознание в духе объективного идеализма или в извечные природные качества в духе вульгарного материализма.

Однако в нашей эстетической литературе существует точка зрения, по которой ценностный подход к эстетическому вообще и к прекрасному, в частности, несовместим с признанием объективно-эстетического, объективно прекрасного. Казалось бы, на самом деле разве можно говорить об объективно-эстетическом, в том числе об объективно прекрасном как о ценности, если сама ценность есть взаимоотношение объекта и субъекта? По словам М. С. Кагана, «эстетическое в такой же мере свойство предмета, как и его оценка человеком. Красота — это ценностное свойство, именно этим оно существенно отличается от исти-

---

²⁶ Эстетика и современность. Редактор-составитель И. Б. Астахов. М., 1965, стр. 241.

²⁷ «Литературная газета», 16 апреля 1960.

²⁸ «Философска мисъл», 1963, № 6, стр. 116.

ны». ²⁹ И далее: «Эстетическую же свою ценность предмет приобретает лишь тогда, когда мы его созерцаем и переживаем» ³⁰

Сторонники объективно-субъективной концепции эстетического прежде всего не различают, на наш взгляд, такие далеко не тождественные понятия, как «субъект» и «субъективное». Вместе с тем, не все в субъекте и в его отношениях является субъективным. «Субъектом» в определенном смысле можно называть и общество в целом, но очевидно, что это не означает признания общества чисто субъективным явлением. Субъектом является и человеческая личность, но далеко не все в ней выступает как субъективное, т. е. зависящее от ее сознания и воли. Практическая деятельность и общества и отдельной личности, хотя и не существует без субъекта, представляет собой объективный процесс.

Мы полагаем, что следует различать как объективно практическое, так и субъективно оценочное отношения субъекта к действительности, поскольку второе отражает первое. Например, в субъективной оценке предмета в качестве «горячего» или «холодного» отражается объективное отношение температуры этого предмета к температуре человеческого тела. Или другой пример. Свобода потому и выступает как объективная ценность, что она выражает практическое отношение человека к действительности. И вместе с тем существует то или иное ощущение, осознание, оценка свободы, которое может соответствовать, но может и не быть правильным отражением свободы как объективно-практического отношения. ³¹

Для уяснения взаимоотношения объективного и субъективного в эстетическом отношении человека к действительности принципиальное значение имеет различение таких понятий, как «ценность» и «оценка». В эстетической и аксиологической литературе эти понятия порой смешиваются или даже первое ставится в зависимость от второго. Так, в известном «Философском словаре» Э. Радлова прямо говорится, что «ценность есть результат оценки». ³² В «Общей эстетике» Ионаса Кона прекрасное относится к области ценностей, но сама «область ценностей» определяется как «круг предметов, происшествий и деятельностей, поскольку он рассматривается с точки зрения общего рода оценки», ³³ т. е. ценность рассматривается как результат оценки. Конечно, не всякое различение ценности и оценки

---

²⁹ М. С. Каган. Лекции по марксистско-ленинской эстетике, ч. I. Диалектика эстетических явлений. Л., 1963, стр. 36.

³⁰ Там же, стр. 37.

³¹ Японский философ-марксист Янагида Кэндзюро совершенно правильно различает такие понятия, как «сознание свободы» и «бытие свободы», Философия свободы. М., 1958, стр. 101—105.

³² Э. Радлов. Философский словарь. СПб., 1904, стр. 265.

³³ Ионас Кон. Общая эстетика. Гос. изд-во, 1921, стр. 14.

можно считать методологически правильным. Такое различие может базироваться на объективно-идеалистическом понимании самой ценности, или же различие между ценностью и оценкой может проводиться в рамках субъективного идеализма.³⁴ Но сведение ценности к оценке безусловно ведет к отрицанию объективности ценности. К. Ясперс очень хорошо демонстрирует логику такого рода отрицания: «Так как человек является существом, которое оценивает, сравнивает, придает значение и тем самым творит, то нет абсолютных ценностей, которые существуют как бытие и могут быть лишь открыты».³⁵

Такое отождествление ценности и оценки или сведение ценности к оценке является неправомерным. Оно основано на спутывании практического и теоретического отношений людей к действительности, на неразличении объективного и субъективного. В замечаниях на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономики» К. Маркс четко различает практическое и теоретическое отношение человека к природе.³⁶ И в связи с этим резко критикует А. Вагнера за попытку вывести стоимость из стоимостной оценки.³⁷

Различие между ценностью и оценкой заключается в том, что ценность объективна, ибо она образуется в объективном процессе общественно-исторической практики. Оценка же есть выражение субъективного отношения к ценности и поэтому может быть как истинной (если она соответствует ценности), так и ложной (если она ценности не соответствует).³⁸ Сама проблема истинности или ложности субъективных оценок

---

³⁴ См. Говард Беккер и Алвин Босков. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961, стр. 167.

³⁵ К. Jaspers. Nietzsche. Berlin, 1936, S. 132. (Подчеркнуто мною. — Л. С.)

³⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 377.

³⁷ См. там же, стр. 376, 381.

³⁸ Различие ценности и оценки очень хорошо выражено в шекспировском «Гамлете». В разговоре с Розенкранцем и Гильденстерном Гамлет называет Данию тюрьмой. Розенкранц говорит о несогласии с таким определением. В связи с этим Гамлет замечает: «Значит, для вас она не тюрьма, ибо сами по себе вещи не бывают ни хорошими, ни дурными, а только в нашей оценке. Для меня она тюрьма». На первый взгляд может показаться, что Гамлет отождествляет ценность и оценку и отрицает объективность ценности. Но когда, как бы продолжая его мысль, Розенкранц заявляет: «Значит, тюрьмой делает ее ваше честолюбие. Вашим требованиям тесно в ней», Гамлет отвечает ему иронически: «О боже! Заключите меня в скорлупу ореха, и я буду чувствовать себя повелителем бесконечности». Вильям Шекспир. Избранные произведения. М., 1953, стр. 256.

Таким образом, вещи не бывают хорошими или дурными сами по себе, без отношения к человеку. Но они становятся дурными или хорошими не благодаря тому, что человек наделяет их такими качествами лишь своим сознанием («честолюбием», как говорит Розенкранц). Эти качества вещей зависят от практического взаимоотношения этих вещей с человеком. Сознание же отражает в оценке это объективное взаимоотношение, которое и является объективной ценностью.

может возникнуть только при различении понятий «ценность» и «оценка». Мы не можем разделить мысль Кроче о том, что суждения ценности и выражения ценности — «нисколько не способствуют познанию объектов». ³⁹

Мы никак не можем согласиться, что «оценочные выражения» (*die wertende Ausdrücke*) могут быть только меткими, разительными (*treffend*) или наоборот (*nicht treffend*), но не истинными или ложными, как об этом говорил в докладе на V Международном конгрессе по эстетике австрийский эстетик Рудольф Халлер, считая, что истинными или ложными могут быть только «описательные выражения» (*die deskriptive Ausdrücke*). И мы всецело солидарны с польским эстетиком Стефаном Моравским, утверждающим, что «противопоставление описания и ценности в основе своей ложно, оно а priori осуждает эстетику на субъективизм, так как предполагает область ценностей, не подлежащих описанию». ⁴⁰ Мы убеждены, что рассмотрение явлений в аксиологическом аспекте не может исключить аспект гносеологический. Именно в гносеологическом аспекте ценность отличается от оценки, поскольку ценность объективна, а оценка — субъективна. Нельзя ценности противопоставлять фактам, как это часто делается в идеалистической аксиологии, так как ценность — это тоже факт, правильно или иллюзорно отражаемый сознанием в ценностных суждениях. И ценностные суждения (оценки) являются истинными или ложными в зависимости от того, насколько правильно в них отражаются факты ценности — ценностные свойства вещей и событий.

Все то, что говорилось выше об отношении ценности и оценки, как мы полагаем, характеризует также взаимоотношение прекрасного как объективной ценности и ее субъективной оценки, осуществляемой в процессе эстетического восприятия эстетическим вкусом и идеалом.

В связи с этим представляется необходимым различать такие понятия, как «ценность красоты» и «красота как ценность». «Ценность красоты, — как правильно отмечает проф. В. П. Тугаринов, — прежде всего в доставляемой ею духовной радости. Она заключена и в ее *социальном* значении, именно в воспитании чувств и мыслей, их очищении и возвышении». ⁴¹ Таким образом, понятие «ценность красоты» характеризует субъективное (индивидуальное и общественное) значение оценки красоты, значение, раскрывающееся только при ее восприятии. «Ценность красоты» как значение эстетического восприятия красоты поэтому не может существовать без единства объективного и субъ-

---

³⁹ Бенедетто Кроче. О так называемых суждениях ценности. — «Логос», кн. II. М., 1910, стр. 25.

⁴⁰ «Kultura i Społeczeństwo», 1962, т. 4, с. 35.

⁴¹ В. П. Тугаринов. О ценностях жизни и культуры. Л., 1960, стр. 140.

ективного.⁴² Понятие же «красота как ценность» означает объективно прекрасное, прекрасное вне зависимости от того, воспринимается ли оно в данный момент или нет. Например, «Венера Милосская», будучи произведением художественного творчества, очевидно являлась прекрасной и тогда, когда она покоилась в земле. Следовательно, ей была присуща красота как ценность. Но тогда, когда ее никто не мог видеть, «ценность ее красоты» была, также очевидно, равна нулю. Поэтому, на наш взгляд, если «ценность красоты», или иначе говоря, значение эстетического восприятия красоты, не есть объективное эстетическое свойство, то «красота как ценность» им несомненно является.

«Реабилитация» категории «ценность» и начавшаяся разработка этой категории с марксистских позиций показывает ценностную природу объекта эстетического отношения, эстетических свойств. Хотя в пределах разделяемой нами концепции «эстетические свойства» всегда, по сути дела, рассматривались как ценностные свойства, однако терминологически мы неправомерно противопоставляли понятие «эстетическое свойство» и «ценность», не проводя различия между «красотой как ценностью» и «ценностью красоты».⁴³ Мы полагаем, что термины «эстетическое свойство» и «эстетическая ценность» равно употребимы для характеристики объективно-эстетического. Ведь эстетическое свойство непременно является ценностным, а ценность предмета представляет собой не самостоятельную сущность, а его свойство. В. И. Ленин в числе бесконечного количества свойств, качеств, сторон, взаимоотношений, которыми может обладать стакан, замечает: «стакан может иметь ценность, как предмет с художественной резьбой или рисунком...»⁴⁴ Единственное возражение, которое можно было бы сделать против наименования объекта эстетического отношения эстетической ценностью, заключается в следующем. Эстетический объект включает в себя и безобразное, и низменное, и комическое. Называть эти эстетические явления ценностью как-то неловко, хотя некоторые аксиологи считают возможным ввести такое понятие, как «отрицательная ценность»⁴⁵ В этом отношении понятие «эстетическое свойство» безупречно.

Подчеркивая принципиальное различие между эстетической ценностью и оценкой и утверждая тем самым объективность эстетической ценности и, в частности, прекрасного, мы исходили из

---

⁴² Обратим внимание также на то, что понятие «ценность красоты» может характеризовать не только эстетическое значение, которым обладает красота.

⁴³ См. нашу статью «Проблема объекта эстетического отношения» — «Философские науки», 1961, № 4, стр. 171.

⁴⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 289.

⁴⁵ В. А. Василенко. Ценность и оценка. Киев, 1964, стр. 6.

общих закономерностей ценностного отношения. Однако можно встретить мнение, по которому отрицается объективность эстетической ценности, исходя из ее специфики. По этому мнению объект эстетического сознания нельзя определять в качестве эстетического объекта и прекрасное в качестве объективной ценности потому, что сама специфика эстетической ценности выводится из единства объективного и субъективного, реального и идеального, ценности и оценки.⁴⁶

Мы не думаем, что специфика эстетической ценности заключается в том, что она есть единство субъективного и объективного. Любой вид человеческого познания есть «субъективный образ объективного мира» (Ленин) Эта специфика не улавливается также конкретизацией единства объективного и субъективного в единстве реального и идеального. Нет сомнений в том, что эстетическое отношение человека к действительности предполагает оценку явлений с точки зрения идеала. Но констатация только этого факта без раскрытия как специфики объекта эстетического отношения, так и обусловленной им субъективной стороны этого отношения (в том числе самого эстетического идеала) не в состоянии обнаружить специфику эстетического. Ведь любое развитое ценностное отношение немыслимо без оценки реальных явлений с позиций идеала! Достоинно внимания, что и в этике существует концепция, совершенно аналогичная субъективно-объективной концепции эстетического, по которой моральное качество «является результатом нашей моральной оценки». ⁴⁷

В чем же состоит специфика эстетического объекта? По нашему убеждению, определить специфику объективной эстетической ценности — значит выявить ее отличие от других ценностей и показать то, каким образом она детерминирует специфические особенности субъективной стороны эстетического отношения человека к действительности.

Ключ к специфике эстетической ценности — прежде всего в самом ее содержании, которое и находит свое выражение в соответствующей форме. Этим содержанием не может быть природное содержание предметов и явлений. Как в свое время отметил Иван Виноградов, «объективные свойства, связи, отношения предметов выступают как проявление жизни предмета, как проявление содержания, единого с содержанием общественной жизни, и в этом виде становится эстетической ценностью.» ⁴⁸ Мы по-

⁴⁶ По взгляду И. Паси, в области прекрасного оценочный момент сливается с установлением ценности (И с а к П а с и. Оценъчни съждения. — «Философска мисъл», 1962, № 5, стр. 136), — а «красота есть выражение своеобразного отношения между объектом и субъектом, осуществляемое в социально-исторической плоскости» — там же, стр. 142.

⁴⁷ Я. Энгст, Некоторые проблемы научной этики. М., 1960, стр. 85. Кстати, И. Паси считает, что характер эстетических суждений такой же, как и этических оценочных суждений («Философска мисъл», 1962, № 5, стр. 136).

⁴⁸ Иван Виноградов. Вопросы марксистской поэтики. Л., 1936, стр. 83 (цитировано без курсива).

лагаем, что содержанием эстетической ценности предмета и является образующееся в процессе общественно-исторической практики объективное отношение его к общественному человеку и к человеческому обществу, к развитию свободы и к свободному развитию человека и общества. Такое понимание содержания эстетической ценности объясняет и особенности ее формы. Формой этого содержания выступают вещественные качества предмета, причем, главным образом, качества, воспринимаемые зрением или слухом человека, так как из всех органов чувств зрение и слух преимущественно обслуживают людей в их общественных отношениях, и потому именно эти ощущения в наибольшей степени способны в вещественных качествах предмета улавливать его общественное значение.

Такая трактовка эстетической ценности, как нам представляется, вполне учитывает ее специфику. В этой интерпретации эстетическая ценность противопоставляется объекту религиозного сознания, который как раз выражает бессилие человека перед природой и общественными закономерностями. Правда, сама свобода может быть объектом и морального и политического сознания. Однако, во-первых, для свободы как моральной или политической ценности несущественно ее предметное воплощение; во-вторых, здесь берется только тот или иной аспект свободы, свобода лишь в ее проявлении в политической или моральной области, в то время как свобода входит в содержание эстетической ценности в своем универсальном значении; в-третьих, именно благодаря отношению к свободе в конкретно-чувственной форме сами политические и моральные явления могут обладать эстетической ценностью, которая отнюдь не автономна. Что же касается взаимоотношения эстетической ценности и утилитарной, то первая, хотя и не исключает вторую (не говоря уже о том, что исторически утилитарное предшествует эстетическому; достаточно напомнить гармоническое сочетание этих ценностей в прикладном искусстве и архитектуре, в «производственной эстетике» и в промышленном искусстве). однако выражает не просто узко эмпирическую полезность вещи для человека, но ее самую широкую общественно-человеческую значимость. В эстетической ценности утилитарное присутствует поэтому только в «снятом» виде, и она даже выступает в известной противоположности к утилитарной ценности, что выражается в бескорыстности эстетического восприятия и переживания.

Эстетическая ценность в таком ее осмыслении детерминирует основные черты, определяющие субъективную сторону эстетического отношения: его чувственно-образный и идейно-эмоциональный характер, его бескорыстность, эстетическое наслаждение как результат духовного утверждения человека в действительности. Венгерский философ и психолог Ласло Гарай в своей статье «Психология прекрасного» убедительно показал,

что «переживание прекрасного является символическим удовлетворением потребности в свободе». ⁴⁹ Объект эстетического отношения потому и является эстетическим объектом, объективной эстетической ценностью, что именно им обусловлено возникновение самой эстетической способности — эстетического вкуса и идеала, ⁵⁰ творчества «по законам красоты», в том числе художественного творчества. Сторонники объективно-субъективной концепции эстетического полагают, что эстетическая ценность — результат взаимодействия объективной действительности и идеала. Но если «раскрыть скобки» — показать объективные основания самого идеала, то это неизбежно приведет к признанию объективности эстетической ценности, которая выступает как объективный источник эстетического идеала и как критерий его истинности или ложности.

Явление обладает достоинством прекрасного в той мере, в какой оно в своей чувственно-конкретной целостности и совершенстве выступает как общественно-человеческая ценность, способствует гармоническому развитию личности, возникновению и проявлению всех лучших человеческих сил и способностей, свидетельствует об утверждении человека в действительности, о расширении границ свободы общества и человека. Таким образом понимаемая красота как ценность определяет ценность красоты, которая дает людям радость, пробуждает бескорыстную любовь, чувство свободы, обогащает и подтверждает лучшие идеалы.

Поступила в редакцию 15 сентября 1966 г.

---

⁴⁹ Garai László. A szép pszichológiája. — «Magyar Filozófiai Szemle», 1962, № 4.

⁵⁰ Об обусловленности эстетического идеала объектом эстетического сознания, понимаемом как «свобода человеческой деятельности», см. в книге О. В. Лармина «Эстетический идеал и современность». Изд-во Моск. гос. ун-та, 1964.

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В АКСИОЛОГИИ МАКСА ШЕЛЕРА

Л. А. Чухина

Концепция личности имеет особенно важное значение для шелеровской аксиологии. Это подчеркивает и сам Шелер, называя свое учение этическим персонализмом и давая своей книге «*Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik*» подзаголовок «Новый опыт основоположения этического персонализма». Кроме того, в предисловии ко второму изданию своей книги он пишет: автор считает, что все ценности подчинены ценностям личности.

Шелера чрезвычайно интересует сущность человека, качества целостного человека — «*das humanum des homo*» («человеческое в человеке»), как любил он говорить. «Вопросы: «что такое человек и каково его положение в бытии». — пишет философ, — с пробуждением моего философского сознания стали для меня наиболее существенными и центральными среди всех других философских вопросов»¹ Человек, — читаем мы далее у Шелера, — всегда был огромной, неразрешенной проблемой, но «... ни на одном этапе истории он не казался сам себе настолько проблематичным как в настоящее время»² Эти шелеровские мысли перекликаются с высказываниями многих современных буржуазных философов. Так, например, Г. Кюн писал: «в современную эпоху проблема человека является величайшим вопросом нашего времени»³. Известна также фраза Х. Ортеги-и-Гассета: «быть человеком — означает как раз быть живой проблемой, абсолютной и рискованной авантюрой...»⁴ Такое настойчивое подчеркивание проблематичности, неустойчивости человека свидетельствует о глубоком кризисе человека и его внутреннего мира в буржуазном обществе. Но эти высказывания говорят и о том, что

¹ M. Scheler. Die Stellung des Menschen im Kosmos. Darmstadt, 1928, S. 9.

² Там же, S. 14.

³ H. Kühn. Persönlichkeit und Gemeinschaft. Berlin, 1959, S. 7. — Цит. по «Вестник ЛГУ», 1966, 5, 74 (серия экономики, философии и права), вып. 1.

⁴ Цит. по журналу «Философские науки», 1964, № 6, стр. 134.

проблема человека, подобно проблеме ценности, находится в центре философских интересов современных буржуазных мыслителей и что в нашу эпоху, когда идет ожесточенная идеологическая борьба за человека, его идеалы и ценности, эта проблема становится особенно важной, настоятельно требующей философской разработки.

Ценности и личность. Здесь, в этом аспекте проблемы встречаются и пересекаются две ведущие линии мысли Шелера — аксиология и философская антропология, — две его излюбленные, центральные темы — ценности и человек. Присмотримся, как философ решает вопрос о соотношении ценностей и личности и что подразумевает он под личностью.

Понятие «личность», по Шелеру, нельзя применять там, где имеется только одушевленность, ибо существует крайняя противоположность между «*Persönlichkeit*» (личность) и «*Drang*» (жизненный порыв). Но, говорит философ, понятие «человек» не охватывает собой всего круга существ, принадлежащих к личностям. Само понятие «личность» указывает на определенную ступень человеческого существования, ибо личность появляется лишь на определенной ступени бытия. Шелер прав в том, что он не отождествляет понятий личности и человека. Человек есть носитель признака, свойства личности. Личность же — это общественная сторона человека, взятая во всей совокупности его социальных и индивидуальных свойств, выработанных в общественно-историческом процессе. В понятии личности акцентируется ее общественно значимая трудовая деятельность и определенные социально-психологические и духовные черты. Однако Шелер в силу своих порочных общеполитических исходных позиций не сумел уловить характерных черт личности. Так, несмотря на то, что он старается подчеркнуть «социальность» личности, эта «социальность» является у него лишь абстрактной и пустой фразой, она не наполняется конкретным содержанием, ибо личность у него оторвана от общественно-исторических условий и от трудовой деятельности.

Самым существенным признаком личности философ считает то, что она всегда дана как исполнитель интенциональных актов. Другим характерным признаком личности (по отношению к человеческой личности) объявляется способность властвовать над своим телом. Только там, где тело дано как вещь, принадлежащая индивиду, может появиться личность и, таким образом, с идеей личности у Шелера тесно связывается идея собственности, ибо, замечает он, к личности принадлежит не только воля, но и сознание мощи. По Шелеру, институт рабства не означал порабощения личности, ибо раб и для себя и для других не был личностью. Далее, идея личности не имеет ничего общего с идеей «я» (*Ichheit*), так как личность может быть там, где нет никакого «я» и никакой одушевленности (например, личность бога)

Личность для Шелера — это не частица общества, не звено в цепи бытия, она мыслится как вершина бытия, непосредственно связанная с абсолютом, с божеством. Таким образом, идея личности носит у Шелера теологический характер и основана на идее бога.

Шелер остро критикует кантовскую концепцию, в которой разум акцентируется как ведущее начало личности. Личность, говорит он, это вовсе не субъект разума, не «*Vernunftperson*», но это также и не субъект разумной воли. Личность — это прежде всего «*ens amans*» (любящее бытие), а не «*ens cogitans*» (мыслящее бытие), не «*ens volens*» (желающее бытие). Философ полагает, что определение личности, в основу которого положен разум, равносильно ее обезличиванию, ибо разум идентичен у всех людей, и акты разумной деятельности надиндивидуальны. Кроме того, из такого определения вытекает не автономия, а полная гетерономия личности через ее «логономию». Если бы были возможны существа, разъясняет Шелер, деятельность которых исчерпывалась бы разумом, то эти существа были бы не личностями, а лишь логическими субъектами, совершающими разумные акты. Но личность, по Шелеру, — это конкретное единство, сущность которого состоит во всевозможном разнообразии актов.

Таким образом, Шелер отвергает разумность как важнейшую черту личности, ее ценностное качество, мотивируя это тем, что выдвижение разумности на первое место нарушает конкретное единство личности. Так ли это на самом деле? Во-первых, разумность, как показал В. П. Тугаринов в своей книге «Личность и общество»⁵, действительно заслуживает того, чтобы поставить ее на первое место среди важнейших черт личности потому, что разумность тесно связана с проблемой ответственности и воли человека. Далее, Шелер отвергает разумность для того, чтобы на ее место поставить «эмоциональность духа», которая у него отождествляется с алогическим и знаменует собой построение иррациональной конструкции человека. Следовательно, *homo sapiens* превращается в шелеровской аксиологии и антропологии в *homo insapiens* и, совершая это превращение, философ, противореча самому себе, уже не опасается, что выдвижение эмоций в роли ведущего начала личности нарушит ее целостность как конкретного единства разнообразных актов.

Человека как личность, по мнению Шелера, отличает от животных «дух», особый принцип, дающий возможность созерцания изначальных сущностных содержаний. Главный критерий определения «духа» — это его экзистенциальная отрешенность, оторванность от органического, свободная форма его жизнедеятельности. Особое положение человека в космосе определяется именно тем, что человек есть личность, т. е. центр эмоциональных

---

⁵ В. П. Тугаринов. Личность и общество. М., 1965, стр. 45—60.

актов. Но именно как личность, человек — это прежде всего «ordo amoris», и этот факт, доказывает философ, определяет сущность личности, ее структуру и природу. «Ordo amoris» («порядок любви») в шелеровской аксиологии рассматривается как ядро личности, ее как бы основная «ценностная формула», в соответствии с которой протекает вся духовная жизнь человека. «Кто понял «ordo amoris» данного человека, тот понял всего этого человека»⁶ — заявляет философ. Как концентрат духовной жизни, «ordo amoris» «... имеет для субъекта то же значение, что и формула кристалла для кристалла, ибо открывает основные линии чувств, которые являются для человека как духовного существа в большей степени его ядром, чем интеллект и воля»⁷ Но роль «ordo amoris» как ядра личности не исчерпывается этим. Шелер заявляет, что правильность и неправильность жизни и поведения человека определяются «порядком» движения его любви и ненависти и, таким образом, склонности и интересы человека, нравственность или безнравственность его поведения зависят от его «ordo amoris», представляющего собой высший регулятор нравственной жизни личности. Следовательно, личность показана здесь прежде всего как сознание человека, ядром которого выступает мистифицированная эмоциональность, наделенная универсально-онтологическим значением.

Яркая и характерная черта шелеровского персонализма — выдвижение аксиологической концепции личности. Для Шелера личность — и это ее важнейшая характеристика — есть средоточие, центральное ядро «царства ценностей». Соотношение ценностей и личности рассматривается в феноменологической аксиологии в нескольких аспектах. Во-первых, личность сама по себе есть ценность, и, более того, все ценности подчинены ценностям личности и основаны на ценности «бесконечного личного духа». Во-вторых, Шелер является автором интересной типологии моделей ценностных личностей, где в извращенной и мистифицированной форме поставлена проблема идеала личности.

Мы вполне можем согласиться с Шелером, что личность представляет собой ценность. Так, мы часто говорим, что человек есть высшая ценность. Но в качестве ценности человек выступает не как родовое существо, не как индивид, а как носитель ценностных свойств, которыми являются определенные социальные и духовные черты и признаки личности (например, разумность, трудовая деятельность, воля, индивидуальность и т. д.). Далее, связь между ценностями и личностью может рассматриваться еще и в другом аспекте. Человек, как творец ценностей, выступает прежде всего как личность, создающая своим трудом материальные и духовные ценности. Следовательно, исследуя философский аспект проблемы личности, необходимо

⁶ M. Scheler. Schriften aus dem Nachlaß. Berlin, 1957, S. 348.

⁷ Там же.

здесь выделять и аксиологическую сторону, как это, например, делает В. П. Тугаринов в упомянутой выше работе «Личность и общество». где в общих чертах показан тот мир ценностей жизни и культуры, творцом и носителем которого выступает человек как конкретно историческая личность. Конечно, у Шелера мы не найдем сколько-нибудь рациональной разработки проблемы соотношения ценностей и личности, ибо у него крайне извращены, мистифицированы и ценности, и личность, и связь между ними, а единственное, что заслуживает внимания, — это сама постановка данной проблемы.

Аксиолог рассматривает взаимосвязь ценностей и личности еще и в следующем аспекте. Всей сфере актов, связанных с бытием ценностей, по его мнению, соответствует термин «дух», охватывающий все, что заключено в интенциональности. Но «дух» имеет личностный характер по необходимости своей природы, ибо идея безличного «духа» бессмысленна, пишет Шелер в своем главном труде. Впоследствии, в связи с переходом к пантеизму, философ несколько изменил эту точку зрения, но, тем не менее, выдвинутое положение знаменательно для его аксиологических построений в двояком смысле. Во-первых, оно служит обоснованию концепции личности бога как высшей и абсолютной ценности. Личность рассматривается Шелером как «единственная форма существования духа, вытекающая из его сущности»⁸ А поскольку бог есть «дух», следовательно, он есть личность и, более того, как абсолютная и священная личность является и высшей, абсолютной ценностью, на которой покоится и которой обосновывается все «царство ценностей». Во-вторых, утверждение, что вся сфера интенциональных актов, связанных с бытием ценностей, находит свое выражение и воплощение в личности как носителе «духа», это утверждение содержит в себе скрытый смысл, невольно опровергающий шелеровское положение об абсолютно независимой от человека онтологической природе ценностей. Именно тот факт, что философ связывает ценности с личностью, с ее интенциональными актами, служит вопреки его намерениям косвенным аргументом в пользу того, что без человеческой субъективности нет и не может быть ценностей. Сама фраза о неразрывной связи ценностей с интенциональными актами, которые показаны как важнейший признак личности, свидетельствует о том, что Шелер оказался в тупике, ибо, отвергнув субъективный фактор как неотъемлемый компонент ценности, он вместе с тем был вынужден ввести этот фактор, но уже с другого, скрытого хода и как бы в «зашифрованном» виде.

Личность рассматривается в феноменологической аксиологии Шелера как отдельная личность (Einzelperson) и как совокупная личность (Gesamtperson, например, церковь, государство).

---

⁸ M. Scheler. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Halle, 1921, S. 404.

причем различаются совершенные и несовершенные, духовные и недуховные формы совокупной личности. Совокупную личность отличают от других общественных образований следующие признаки: совокупная личность есть первичное единство духовного центра актов, не связанное с территорией, традициями, происхождением, она суверенна в своем бытии и отлична от социальных единств.

Совокупная духовная личность связывается у Шелера с двумя модальностями ценностей — с духовными ценностями и с ценностями святыни. Так, духовным ценностям и их разновидностям соответствует совокупная личность в области культуры (*Kulturgesamtperson*) а ценностям святыни соответствует высшая форма совокупной духовной личности — церковь. Совокупная духовная личность в области культуры находит свое выражение в нации.

Государство, по Шелеру, не является в полном значении совокупной духовной личностью, так как в нем реализуется только один вид духовных ценностей — ценность справедливого, — поэтому оно есть несовершенная совокупная личность и не чисто духовная. Народ, в отличие от нации, вообще не есть духовная совокупность, а только лишь общность жизни. С презрением высказывается Шелер о народных массах, заявляя, что само понятие массы аналогично понятию стада в животном мире.

Сущность совокупной духовной личности в области культуры философ видит в реализации духовных ценностей, сущность государства — во властвовании, сущность церкви — в служении общему благу и счастью, в осуществлении идеи спасения всех конечных, отдельных личностей. Коренное различие между совершенными формами духовной совокупной личности и государством усматривается в том, что только эти формы имеют этос, тогда как государство не имеет этоса. Характерно, что, по Шелеру, народ также не имеет этоса, а только обычаи и нравы.

Высшей формой совокупной духовной личности объявляется церковь, имеющая поэтому право выполнять специфические функции в отношении совокупной личности в области культуры. Задача церкви, заявляет Шелер, состоит в осуществлении контроля за тем, чтобы структура предпочтения ценностей в соответствующей области (например, стиль искусства, методологические основы науки) не противоречила идее общего блага и душеспасительной миссии церкви. Философ отмечает, что религиозные ценности не являются производными от ценностей культуры, а имеют свою, особую сферу бытия и свой собственный источник «опыта»: милость (*Gnade*) для отдельной личности и откровение для совокупной духовной личности.

В соответствии с принципами своей аксиологии, видящей высший и окончательный нравственный смысл мира в существовании возможно наиболее полноценных личностей, Шелер считает вопи-

росом величайшей важности обоснование идей качественно полноценных и положительных типов личности, имеющих значение образца или идеала. Он выделяет следующие идеальные модели таких образцовых типов личности, расположенные в порядке убывания ценностей: святой, гений, герой, «ведущий дух цивилизации» (*der führende Geist der Zivilisation*) и «художник наслаждения» (*der Künstler der Genusses*)

Ценностные модели личности также образуют иерархию, основанную на модальностях ценностных рядов, но расположенную в обратном порядке. Философ рассказывает, как он пришел к идее типологии моделей ценностных личностей: «Я свел основные ценности, которые уже Аристотель обозначил как *τὸ ἡδύ*, *τὸ χρηδμιον*, *τὸ καλόν*, пяти основным видам: к ценностям приятного, или ценностям наслаждения; ценностям полезного, или ценностям цивилизации; ценностям благородного или витальным; духовным ценностям (истинное познание, красота, право). или ценностям культуры; ценностям святости или основным религиозным ценностям»⁹ Далее, Шелер полагает, что каждому из этих видов ценностей соответствует качественно определенный образец личности, наиболее полно воплощающий их в себе. Так возникли упомянутые выше модели.

Относительно онтологического статуса типов ценностных личностей у Шелера имеются разногласия между его первоначальным замыслом, кратко изложенным в его главном труде, и осуществлением этого замысла в работе «*Vorbilder und Führer*».

Первоначально философ полагал, что идеальные модели ценностных личностей не являются обобщением конкретного исторического материала. Подобно тому, пишет он в «Формализме в этике», как идея треугольника предшествует реальным треугольникам, которые лишь более или менее адекватно соответствуют этой идее, также и идея «чистых» типов ценностных личностей не выводится из свойств реальных людей, а является лишь идеальной моделью. Типы ценностных личностей не могут воплощаться в реальных исторических личностях, они выполняют лишь роль регулятивного принципа или идеала. Если эти модели действуют правильно, то они выполняют двоякую роль: в отношении к будущему они действуют в качестве образца становления личности, образца ее надежд и стремлений, в отношении к прошлому становятся предметом почитания и культа.

Структура идеальных типов личности такова, что ценность определенной ступени иерархии заполняет здесь единство ее типа, и поэтому идеальные модели имеют абсолютно положительный характер. Так, бывают хорошие и плохие государственные деятели и полководцы, но не бывает хороших или плохих святых и героев.

Эти положения впоследствии подвергались значительному,

⁹ M. Scheler. *Schriften aus dem Nachlaß*. Bern. 1957, S. 268.

хотя и не вполне последовательному пересмотру в уже упомянутой работе «*Vorbilder und Führer*». Так, например, Шелер полагает здесь следующее: «В каждом образце содержатся эмпирический и априорный моменты, сущее и должное, компоненты наглядности и ценности»¹⁰ Таким образом, здесь уже признается наличие реального, эмпирического материала в идеале личности. И все же полной ясности в этом вопросе у Шелера нет, ибо буквально рядом мы читаем следующее: «Образец в соответствии со своим имманентным смыслом есть всегда ценностное понятие. Идеи образцовых моделей являются понятиями, эмпирически абстрагированными не из случайного всемирно-исторического опыта, а, напротив, из сущности человеческого духа и соответствующих ему высших ценностных категорий. Эти идеи образцов создаются исключительно из идей личности, во-вторых, из лежащих в их основе идей ценностей. Великие реальные исторические личности часто являются смешанными типами: мы измеряем их этими идеями. С другой стороны, образцовые модели личностей только в соединении с эмпирическим материалом обретают подлинную силу своего воздействия».¹¹

Последнее положение особенно знаменательно для эволюции, наступившей в философских взглядах Шелера в двадцатые годы. Если в период создания «*Формализма в этике*...» идеальное бытие, наделенное «метафизическим» статусом (ценности, идеальные модели личности), изображалось обладающим самостоятельной творческой и отрешенной от связи с материальным, эмпирическим миром силой, то сейчас эти положения подверглись радикальному пересмотру. Эти изменения в философских взглядах мыслителя еще более ярко выступают в его последней работе «*Die Stellung des Menschen im Kosmos*». Здесь уже скорбным, трагическим аккордом звучат слова о немощности духа и всех идеальных образований, со всей силой вырисовывается грозная и зловеще могучая стихия «жизненного порыва» (*Drang*). Мир представляется Шелеру уже не «космосом»¹² возглавляемым иератическим «царством ценностей», а необузданным, лишенным закономерности хаосом, в который брошен одинокий и трепетный человеческий дух. «Самые мощные в мире центры, — пишет мыслитель, — это слепые, неорганизованные силы, это низшая арена деятельности жизненного порыва (*Drang*). Эти центры, по данным современной физики, не подчинены вообще онтической закономерности, а лишь случайной закономерности статистического характера. И только человек не из рациональной, а биологической необходимости, чтобы действовать, вносит «законы природы» в мир, которые затем читает рассудок. Ибо

¹⁰ M. Scheler. *Schriften aus dem Nachlaß*. Bern, 1957, S. 263.

¹¹ Там же, S. 269.

¹² Здесь слово «космос» применяется в его древнегреческом этимологическом значении.

не является законом то, что лежит за хаосом случая и произвола в онтологическом смысле, напротив, хаосом является то, что возносится за законами формально-механического порядка!»¹³ Итак, под впечатлением величайших открытий в физике в начале нашего века, которым Шелер пытается дать агностически-кантианское истолкование, у него рождается мысль о слабости, о бессилии идеального, духовного начала. И вслед за Н. Гартманом он повторяет: «Самые высшие категории бытия и ценностей по своей природе являются наиболее слабыми»¹⁴.

Пафос безысходного трагизма, которым насыщены эти размышления Шелера, по своему идейно-мировоззренческому тону напоминающие экзистенциалистическую тему «заброшенности» человека и человеческого духа в страшном и чуждом ему мире, имеет свои причины не только в том мировоззренческом кризисе, который переживала буржуазная философская мысль под влиянием революционных открытий в области естественных наук. Гораздо более глубокой, но скрытой причиной была здесь Великая Октябрьская социалистическая революция, этот величественный пролог преобразования мира и человека, провозвестивший торжество научного, материалистического мировоззрения и триумфальное шествие народных масс к историческому творчеству. Все это превратно отразилось в сознании Шелера как торжество косных, инертных и слепых материальных сил над возвышенно-хрупкими силами духа и вылилось в концепцию, утверждающую бессилие духовного начала, немощность и неустойчивость идеальных образований.

Как показали классики марксизма, идеи и идеалы возникают на основе потребностей общественного развития, являются отражением объективных процессов и становятся великой материальной силой, овладевая массами и претворяясь в действительность. Глубоки также мысли Г. В. Плеханова о животворной роли и могучей силе идей. В статье «Внутреннее обозрение» он писал: «... идея — великая вещь! Но для того, чтобы она могла сыграть свою великую роль, она должна быть разумной идеей, она должна уметь схватить и выразить действительный ход истории. При этом условии идея является непреодолимою силой. В противном же случае она служит источником слабости, разочарования, умственного и нравственного падения»¹⁵. Подчеркивая колоссальную силу идей и в особенности передовой идеологии для общественно-исторического развития, Плеханов сравнивал идеи с динамитом, взрывающим обветшалые устои старого, видел в них величайшее могущество человека.

Мысли Шелера о немощности идеального являются косвенным свидетельством нежизнеспособности ценностей и идеалов

¹³ M. Scheler. Die Stellung des Menschen im Kosmos, S. 67.

¹⁴ Там же, S. 65.

¹⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 262.

старого мира, они характеризуют общий идейный кризис уходящего общества, а не природу идей и идеалов как таковых. И беда здесь, следовательно, не в самих идеях и ценностях, а в тех конкретных идеалах и ценностях, которые этот мыслитель проповедует и отстаивает.

Освещая проблему ценностных типов личности, философ попутно затрагивает и проблему «фюрерства», имеющую, по его мнению, исключительное значение для современности. И ценностные типы личностей и «фюреры» представляются ему таинственными, различными по своей природе, но взаимосвязанными силами. Различие между ними Шелер видит в том, что отношение между образцом, идеалом личности и подражателями является идеальным, независимым как от реальной действительности, так и от реального существования самого образца, тогда как «фюреры» — это реальные люди. Если ценностными моделями являются часто мифологические, или «поэтические» существа (Фауст, Гамлет), а их сущность заключена в их аксиологической природе, то сущность «фюреров» лишена ценностного содержания, и поэтому «фюрерство» — это «неценностное социологическое понятие» (*ein wertfreier soziologischer Begriff*).

Все приведенные положения показывают, что Шелер не смог выявить природу идеала личности, и причина этого кроется прежде всего в установленном здесь разрыве между идеалом и действительностью. Ведь идеал имеет конкретно-исторические черты и, будучи отлетом от действительности, возникает и формируется на ее основе. Далее, идеал в той или иной мере отражает запросы и потребности жизни, более или менее полно выражает, закрепляет и обобщает направление общественного развития (конечно, если это прогрессивный идеал). Сознательно отрывая природу ценностных моделей личностей от реальности, Шелер не только противоречит некоторым своим собственным положениям (например, верному положению, что идеал есть синтез сущего и должного), но заведомо переносит всю эту проблему в мифологическую плоскость, окутывая ценностные модели мистическим туманом и приписывая им роль таинственного начала, направляющего развитие человеческого общества.

Философ подчеркивает огромное значение идеала для формирования реальных личностей. Так, пытаясь осмыслить основные функции идеала ценностной личности, он справедливо отмечает, что по образу, т. е. идеалу, мы измеряем ценностные качества реальных людей. Далее, подчеркивая роль ценностных моделей для формирования конкретных личностей, он пишет следующее: «Учение об образцах имеет особенно важное значение для этики: оно является предпосылкой всякой оценки. Невозможно, чтобы в одном человеке были сосредоточены все добродетели и не было пороков. Всякий человек «истинен» по-своему и на своем месте. Он должен найти в себе свои лучшие сильные

стороны, должен искать соответствующие ему образцы личности. Ибо только наглядно созерцаемые образцы, а не абстрактные, общезначимые моральные правила, формирующие воздействуют на человеческую душу»¹⁶

Таким образом, здесь правильно выделяются две органически взаимосвязанные стороны идеала личности — нормативная и целевая, определяющие его основные функции. Идеал выполняет функцию нормы, выступая как мера оценки реальных личностей, и одновременно служит целью человеческих стремлений как побуждающее начало формирования личности.

Идеальные типы личностей Шелер называет «схемами», выражающими основные линии любви человека и его ценностного мира в личностной форме. Однако, обладая лишь идеальным, метафизическим бытием, они не могут сами по себе питать наш дух и нравственные чувства. «Эти нежные, тенеподобные образы, — пишет философ, — должны черпать свою плоть и кровь из быющего ключом исторического опыта, и только тогда они становятся конкретными образцовыми моделями: так, каждая положительная религия имеет свой собственный идеал святого, homo religiosus, один в буддизме, другой — в христианстве»¹⁷ У каждого народа, продолжает Шелер, своя идея святости, имеющая конкретно-историческую окраску и выражающая вечную идею святости, лежащую в их основе. Каждый народ, каждая эпоха имеют своих особенных гениев, героев, вождей. И благодаря тому, что воплощенные в историческом развитии образы ценностных моделей взаимопроникают и дополняют друг друга, — «устраняется их односторонность, уплотняются их положительные ценности и возникает возможность испить до дна ту ценностную полноту, которую эти модели собой представляют»¹⁸

Значение ценностных моделей личности Шелер видит еще и в том, что в них проявляется и воплощается историческое прошлое во всем величии и чистоте своих нравственных ценностей, которые посредством моделей личности становятся современными, живыми, действенными.

Как же представляет себе Шелер «ценностную материю» и конкретные особенности идеальных моделей личности?

На первом плане у него святой, воплощающий в себе «вечную идею святости». Характерная черта структуры личности святого — это совпадение и синтез идеи образца (Vorbild) и «фюрера» (Führer), и этим философ объясняет то обстоятельство, что религиозные модели личности являются источником так называемого «харизматического господства». Прообразом всех религиозных ценностных моделей личности выступает ценностное содержание идеи бога, и поэтому все другие модели, включая

¹⁶ M. Scheler. Schriften aus dem Nachlaß. Bern, S. 263.

¹⁷ Там же, S. 269.

¹⁸ Там же, S. 269.

гения, героя и «хозяйственных вождей» (wirtschaftliche Führer) прямо или косвенно зависят от господствующей модели святого. Это объясняется тем, говорит Шелер, что религия как фактор исторического развития духа первичнее, чем искусство, философия и наука, ибо религия предшествует всем формам духовной культуры, и этот факт подтверждается самой историей, ибо господство конфуцианства, буддизма и христианства пережило и государства и целые культуры. «Первоначальный святой (der ursprüngliche Heilige), — пишет философ, — окружен таинственным мраком, сумерками истории, но совсем в ином смысле, чем гении, герои и ведущие духи. Его как бы покрывает неимоверный блеск, исходящий из его существа. К нему как к исторической личности трудно проникнуть, будь это Иисус, Будда, Магомет, Конфуций, Лао-цзы. И этот факт свидетельствует о невероятной жизненной силе, исходящей от святого»¹⁹.

Развивая идею ценностной личности святого, Шелер стремится подкрепить свой тезис об абсолютности религиозных ценностей, якобы обосновывающих все другие. Желая показать религию как изначальный и определяющий фактор «исторического развития духа», философ явно грешит против фактов, уже установленных наукой и практикой. Так, например, имеются доказательства в пользу того, что религия вовсе не является более древней формой общественного сознания, чем искусство. Напротив, существуют данные, показывающие зависимость религиозного сознания от процесса художественного освоения мира, и нет никаких археологических доказательств для утверждения, будто искусство порождено религией. На наш взгляд, М. С. Каган справедливо отметил, что здесь, «по-видимому, речь должна идти о синкретичности, диффузности, нерасчлененном изначальном единстве и взаимопроникновении художественного познания мира и его религиозно-мистического истолкования. Однако при этом представляется бесспорным, что религиозное сознание могло пустить корни, развиваться и укрепиться только на той духовной почве, которую представляло ему художественное мышление, художественно-образный способ осмысления мира первобытным человеком»²⁰.

Что же касается соотношения морали и религии, то существуют данные в пользу большей древности морали, чем религии. Без морали невозможна жизнь даже первобытного общества, а религия, как говорил Г. В. Плеханов, не создает нравственности, а лишь освящает ее и приспособливает к своим целям, к обслуживанию эксплуататорского общества. Как показывает история и свидетельствует практика социалистического общества, связь между моралью и религией не является необходимой, мораль

¹⁹ M. Scheler. Schriften aus dem Nachlaß. Bern, 1957, S. 287.

²⁰ М. С. Каган. Лекции по марксистско-ленинской эстетике, ч. II, Т., 1964, стр. 38.

вполне может обойтись без искусственных подпорок в виде божественной санкции. Далее, если философия была поставлена и ставится еще сейчас в зависимость от религии, выступая в форме теологической спекуляции, то этого нельзя сказать о такой сфере духовных ценностей, как наука, изначально выступающей непримиримым антагонистом религии. На самом деле, религия является лишь пустоцветом на живом древе человеческого познания (В. И. Ленин), и только окончательно освобождаясь от религиозных пут, человеческий дух становится подлинно творческим, могучим, беспредельно дерзающим, способным создавать величайшие духовные ценности. А факт существования мировых религий вовсе не свидетельствует о вечности и неисчерпаемости религии как формы общественного сознания, а лишь о косности, огромной силе инерции, связанных с ее преодолением.

В основе ценностной модели гения, по Шелеру, лежат ценности красоты, чистого познания и справедливости, от которых выводятся и образуются типы художника, философа-мудреца и судьи-законодателя. Воздействие гения совершается через его творения, в которых запечатлена духовная индивидуальная сущность его личности. Признавая могучую силу воздействия гения, Шелер вместе с тем считает, что по своему размаху оно гораздо уже, чем воздействие святого, ибо содержанием личности святого выступают «весь мир и сверхэмпирическая сфера»²¹ Далее, в отличие от бытия и деяния святого, творчество гения носит более временной характер, и хотя глубина содержания гениального произведения бесконечна, «... вечными и вневременными по своей сущности, строго говоря, можно называть только ценности святыни»²². Это объясняется тем, что к сущности духовных ценностей принадлежит их прикрепленность к материи, и благодаря воплощению в материальном гениальное творение все же несет на себе оковы времени. Итак, здесь Шелер отступает от своего фундаментального положения о вневременности всех ценностей и, противореча самому себе, оставляет привилегию вечности лишь для ценностей святыни.

Гений, по Шелеру, обладает сверхнормальной мощью духовных функций и поэтому неисчерпаем. Он живет в своем творении, через которое мы вглядываемся в его «микрокосм» Философ отмечает, что в области духовных ценностей мы встречаемся с оригинальным явлением, неизвестным в других областях ценностей, а именно, с явлением ренессанса гениальных произведений, кажущихся мертвыми, что свидетельствует о неисчерпаемости их содержания. И это объясняется следующим образом. Область духовной культуры, т. е. ценностей красоты, мудрости, добра и справедливости, где царствует гений, в известном смы-

²¹ M. Scheler. Schriften aus dem Nachlaß. Bern, 1957, S. 288.

²² Там же.

сле все же надвременна и отрешена от сферы исторического прогресса. Прогресс, по мнению Шелера, существует только в области ценностей полезного, и понятие прогресса следует применять лишь к благам цивилизации. Ренессанс «технических», т. е. материальных ценностей, выражающих прогресс, Шелер считает невозможным и полагает, что это привело бы к регрессу. Отличительная черта высших духовных благ — области творчества гения — от благ цивилизации — области труда ученых — усматривается философом в том, что духовные блага вырастают на почве истории, но не развиваются и не зависят от исторического прогресса. Так, в сфере высшего, «чистого» искусства и в сфере «чистой» философии, по Шелеру, нет прогресса, а имеет место лишь приращение общего здания духовной культуры, которое возносится над сменой поколений человечества. Поэтому гениальные творения сферы духовной культуры не могут утратить своей ценности, тогда как блага цивилизации постоянно отрицаются и обесцениваются в ходе развития в связи с историческим прогрессом.

Утверждая, что наука и блага цивилизации обесцениваются на каждом новом этапе общественного развития, философ тем самым отрицает преемственность в сфере научного знания, не видит великой эстафеты поколений человечества, делающих свой вклад в общую сокровищницу науки и цивилизации и, следовательно, находится в вопиющем противоречии с историческими фактами. В науке и технике старое отрицается новым, но новое вырастает не на голом месте, а на основе старого, включая в себя его достижения. Далее, в развитии науки существует глубокая преемственность идей и методов познания, а научно-технический прогресс вовсе не отрицает начисто всего созданного и накопленного человечеством, как это представляется Шелеру.

Сложнее обстоит дело с проблемой прогресса в области таких ценностей, как, например, великие произведения искусства. Существует ли прогресс в сфере искусства и каковы его закономерности, почему великие произведения художественного гения далеких веков сохраняют значение нормы и недостижимого образца, — вот вопросы, которые вызывают дискуссии и требуют обстоятельного исследования. Не затрагивая здесь этих сложных проблем, можно, однако, заметить, что вечное и непреходящее в ценностях культуры вовсе не отгорожено непроходимой стеной от временного и исторического, что эти ценности не представляют собой замороженного и застывшего царства, как это кажется Шелеру, и что в области искусства в общем и целом также наблюдается прогресс.

Положение об отрешенности духовных благ и гениальных творений от исторического прогресса служит Шелеру аргументом для обоснования сверхъестественной природы гения как идеального типа ценностной личности. Так, аксиолог выступает с требова-

нием уточнить смысл понятия «гений» и не злоупотреблять им, применяя его к полководцам, государственным деятелям, колонизаторам, ученым и изобретателям. Шелер категорически отказывает ученым и изобретателям в ранге гениев на основании следующих аргументов: «...Благородное слово «творчество», — пишет он, — следует употреблять только в отношении гения, в отличие от слова «труд», которое применимо к науке, производству и ремеслу»²³. Таким образом, философ не хочет признать, что творчество и труд могут быть неразрывно связаны, полностью отрицает творческий характер труда и ту непреложную истину, что гениальность немыслима без творческого труда. Ученые, изобретатели новых технических форм (орудий, машин), доказывает Шелер, в процессе своего труда соотносятся с законами природы, повинуются им. Только гений и его творения свободны от послушания законам природы, и поэтому гениальное произведение сохранило бы свою ценность даже в мире, где царят совершенно отличные от наших законы природы. Ибо «гений, как уже справедливо заметил Кант, — это существо, творящее образцы совершенства без всяких правил»²⁴. Таким образом, творчество гения представляется Шелеру уникальным и неповторимым таинством, «игрой» чистой эмоциональной субъективности, стихией духа, отрешенного от мира, от общественной жизни, создающего только из самого себя новые формы и объективирующего их в материи. Творчество гения, по Шелеру, уникально, неповторимо индивидуально и носит национальный характер, тогда как труд ученых лишен печати личности и неповторимости. В качестве аргумента здесь приводятся такие факты, как одновременное открытие дифференциального и интегрального исчисления Ньютоном и Лейбницем, открытие «математических геометрий» Риманом и Лобачевским.

Общественно-историческую роль гения Шелер видит в том, что гений раздвигает границы миропонимания, дает оценку цели и смысла мира. Научное миропонимание, доказывает аксиолог, всегда относительно и неадекватно, тогда как в миропонимании гениальных философов содержится абсолютное познание, выражающее «тотальность мира» как «макрокосм» через индивидуальный мир личности, т. е. «микрокосм». И это возможно потому, что гению доступна полнота данностей, а именно — полнота «чистых феноменов», и, таким образом, гений является для всего мира тем, чем святой является для бога, а герой для непосредственно окружающего нас мира (Umwelt): он входит в мир и неизмеримо расширяет для нас ценностные грани мироздания. Но гений достигает этого благодаря чистоте своих эмоционально-духовных актов, благодаря своей отрешенности от целеполагающих жизненных функций, от телесности и потребностей. Дух

²³ M. Scheler. *Schriften aus dem Nachlaß*. Bern, 1957, S. 298.

²⁴ Там же, S. 300.

гения, говорит Шелер, его чувства оторваны от «службы жизни», тогда как в процессе «цивилизаторской» деятельности ученого и изобретателя дух пребывает в оковах этой службы.

Основополагающее начало в творческих актах гения аксиолог видит в любви к миру, в глубочайшей заинтересованности созерцания гениальной личности. Неправда, говорит он, что гениальность отрешена от интересов, как это утверждали Кант и Шопенгауэр. Напротив, гениальность теснейшим образом связана с интересами духа, но не с материальными, практическими интересами жизни. Гений постигает мир через любовь, через «тайное содрогание своего духа», дающее ему возможность, созерцая такие простые явления и вещи, как «пространство и время, в которые заключен мир, как воздух, вода, земля, облака, дождь и сияние солнца, — чувствовать радость и любовно проникать в огромное, всеохватывающее богатство сущности мира»²⁵. Гений, продолжает Шелер, свободен от «цивилизаторского духа» осторожности, разумности, от практических житейских забот, он преодолевает страх земного существования, он свободен от стремлений подчинить себе природу и преобразовать мир в соответствии с практическими целями человека. Ибо гений есть воплощение экстатической и героической любви, и только мир, не обработанный цивилизацией, заслуживает любви гения.

Шелеровская концепция гениальной личности узка, ограничена и построена на крайней абсолютизации субъективного момента сферы творчества (а точнее — на абсолютизации эмоционально-созерцательных элементов этой сферы). Для Шелера характерна трактовка творческого акта как иррационального, истолкование творчества — как алогического процесса, вследствие чего гению придается абсолютно мистический смысл. Мыслитель чрезвычайно сужает сферу деятельности гения, исключая из нее область науки и техники, эту важнейшую арену творчества гения. Справедливо отвергая положение Канта о «незаинтересованности» творчества гениальной личности, он вместе с тем неправомерно сужает понятие «заинтересованности», ограничивая это понятие лишь сферой «чистого созерцания», что, по сути дела, сближает его с позицией Канта, против которой он выступает. Гений в представлении Шелера — это некое бесплотное, отрешенное от жизни и ее запросов существо, погруженное в экстатическое созерцание мира и творящее по наитию свыше, что придает этому образу черты специфического духовного автоматизма и фактически лишает того ореола сверхнормальной духовной мощи, который ему приписывается. В структуре духа гения мыслитель особо выделяет эмоциональную интуицию. Проблема творчества гения, подобно проблеме интуиции и эмоциональности, еще недостаточно исследована и содержит в себе много невыясненного. Тем не менее, можно согласиться с Шелером,

²⁵ M. Scheler. Schriften aus dem Nachlaß. Bern, 1957, S. 308.

что интуиция в творчестве гения действительно играет важную роль. Но интуиция «работает» не в отрыве от «службы жизни», от интеллекта и не является сплошным сгустком созерцательности и пассивных эмоций, как это представляется Шелеру. Для гения, на наш взгляд, характерно скорее высшее и соразмерное единство эмоционального и рационального, единство деяния и мысли.

Вслед за гением Шелер рассматривает ценностную модель героя. Идея «героя» в соответствии с установками шелеровской аксиологии подчинена витальным ценностям, которые по своему рангу ниже духовных ценностей, но выше ценностей полезного. Среди витальных ценностей здесь различаются чистые витальные ценности и «технические» ценности жизни, выполняющие служебную роль по отношению к первым. «Герой», по Шелеру, — это тот идеальный, полубожественный тип человеческой личности (например, «герос» древних греков), центр бытия которой выражен в реализации «благородного», т. е. «чистых», а не «технических» витальных ценностей. Главная добродетель «героя» — естественное благородство тела и души. Шелер заявляет, что «героями» нельзя называть людей, деятельность которых направлена на свое или общественное благополучие (например, врачей большого стиля, хозяйственных руководителей и «техников» в противоположность государственным деятелям, полководцам и колонизаторам). Герой, подобно гению, должен обладать сверхнормальной мощностью духовных специфических функций. Но мощь героя заключается «... не в раскрытости души, приемлющей милость бога (как у религиозного человека), не в полноте созерцательности духовного «мышления» (как у гения) ... а в изобилии «духовной воли», в ее могучей концентрации и устойчивости по отношению к инстинктам»²⁶ Герой — это человек воли и мощи, причем героическая душа может обитать и в немощном теле. Однако героическое начало никогда не бывает связано со слабой витальностью.

К сущности героя принадлежат: сила, стремительность, мощь, внутренняя полнота и как бы автоматическая упорядоченность витальных инстинктов, которые он способен необычайно концентрировать, овладевать ими для осуществления своих целей. Ценностный ранг «героя» характеризуется высокой гармонией между инстинктами и волей, стремительностью и полнотой. Если полнота инстинктивных импульсов недостаточна, то образуется не герой, а агрессивная, фанатическая личность (например, герцог Альба), а если нарушена гармония, то возникает дуалистический, раздвоенный тип героя (Зигфрид, Лютер). Если же полнота инстинктивных импульсов в отношении духовной воли слишком слаба, то образуется односторонне аскетический, трагический тип героя. Сюда Шелер относит «героев страдания», «героев непро-

---

²⁶ M. Scheler. Schriften aus dem Nachlass. Bern, 1957, S. 313.

тивления злу» и все пассивно-оборонительные типы героев, к которым причисляет, например, Кутузова.

Герой — это человек реальной действительности. Смелость, мужество, присутствие духа, решительность, любовь к борьбе и опасностям, — его характерные черты. «Герой, — пишет Шелер, — это всегда человек отдачи. Он добродушен в своей расточительности, он весь — жажда жертвы в отношении людей и общества»²⁷. Главные типы героев — это полководцы, государственные деятели и колонизаторы. Высшие типы активного героизма философ видит там, где в героической личности сочетаются в единстве государственный деятель и полководец (Цезарь, Александр Македонский, Наполеон). Герой, по Шелеру, выполняет и биологическую функцию как образец расы, определяющий половой отбор и качества наследственных ценностей для последующих поколений.

Шелер дает правильную в некоторых моментах психологическую зарисовку героического как сознательного и длительного напряжения духовных сил и способностей человека, утверждающего его духовную мощь и величие, правильно подчеркивает готовность к подвигу, к жертве. И тем не менее, как же мелок и ничтожен, как поражающе агероичен шелеровский «герой»! Воплощение высшей формы героизма философ видит в полководцах, государственных деятелях и колонизаторах. Последнее особенно красноречиво говорит само за себя.

Шелеровский «герой» двулик. Две противоположные, но знаменательные для буржуазного сознания эпохи империализма черты переплетаются в этом «герое»: обреченность («герой — всегда жертва») и апология воли к могуществу и власти, хищнической по своей природе, нищенской по своим философским истокам. От симбиоза этих двух, на первый взгляд, противоположных элементов и рождается шелеровская концепция «героя». Из этого двуликого облика, в котором нет ни священных дерзаний, ни горения во имя великого подвига, зияет страшная нравственная пустота. С одной стороны, здесь проглядывают черты империалистического хищника, с другой — существо ничтожное, обреченное на страдания, жертва иррациональных, равнодушно жестоких социальных сил, болезненное воплощение идеи христианского мученичества и пассивности. Вот почему шелеровский «герой» — это нечто несуразное, почти карикатурное, образ, лишенный внутренней стройности, цельности и логики.

Характерно, что, правильно указывая на форму проявления героического (мощная концентрация воли, духовное напряжение), Шелер не показал, на что направлена воля героической личности, во имя каких идеалов и целей совершает она свой подвиг. Таким образом, «аксиологический статус» героя в этой концепции фактически отсутствует, в силу чего героическая личность

²⁷ M. Scheler. *Schriften aus dem Nachlaß*. Bern, 1957, S. 314.

выглядит здесь очень убого и бледно по сравнению с той концепцией, которую породила социалистическая действительность и которую выразила и обобщила наша художественная практика.

Для нашей концепции героического характерна органическая, неразрывная связь в герое этического и эстетического, прекрасного и возвышенного, утверждение содержательной, дерзающей и могучей человеческой личности. Эпоха строительства социализма и коммунизма по-новому переосмыслила содержание идеала героической личности, поставив акцент на ее этической и эстетической активности, выявив ее духовное могущество и показав направленность ее деяния и воли на благо людей труда, на службу общественному прогрессу. Бессмертные образы реальных героев и образы героев, воплощенные в нашей литературе и в искусстве, получили всемирное признание (Власов, Корчагин, Чапаев, Давыдов, Карбышев и др.), они сияют немеркнущим светом подвига. И недаром Ромен Роллан так пламенно высказывался об образах и людях, порожденных социалистической революцией, называя их «гимнами пылкой героической жизни», призывы которых «звучат, как гимны, сотрясающие воздух нашей эпохи, и продолжают отдаваться эхом по Вселенной, еще долго после того, как люди исчезли»²⁸.

«Ведущий дух цивилизации» (*der führende Geist der Zivilisation*) рассматривается в шелеровской аксиологии как следующая за героем, но низшая по своему рангу модель ценностной личности. Сюда относятся ученые, изобретатели и хозяйственные руководители. Эта модель как личность лишена врожденных ценностей, ибо все ее личности находятся в сфере практических действий и труда. Наиболее характерная черта этого типа личности — служение прогрессу.

Приведенные положения знаменательны своей аристократической направленностью: оказывается, что высота ранга ценностной личности зависит от врожденных, наследственных и чисто биологических, а не от социальных факторов, формирующих личность, не от ее индивидуальных устремлений, т. е. не от того, что может сделать из себя сам человек в процессе своего деяния и труда. Далее, по Шелеру, воплощенные в этом типе ценности полезного не носят духовный характер, им не присущ атрибут вечности, вследствие чего они не могут «расти» и подвержены постоянному обесцениванию в процессе развития цивилизации.

Итак, ученые, такие величайшие гении, как Эйнштейн, Дарвин или Менделеев, оказываются у Шелера лишенными духовности и стоят рангом ниже, чем колонизаторы и полководцы. Правда, философ называет их двигателями прогресса, заявляет,

---

²⁸ Ромен Роллан. Собр. соч., т. XIV. М., 1958, стр. 605.

что там, где «ведущий дух цивилизации» не исполняет своей миссии, воцаряется «реакция», что этот тип личности также движим любовью, хотя и более низкого «сорта», ибо это любовь не к богу и идеям, а к человечеству. Но дело в том, что и прогресс и наука и человечество выступают в шелеровской аксиологии обесцененными и обескровленными, лишенными социальной значимости.

Шелер различает три вида этой ценностной модели: 1) представителей точных наук; 2) «техников», стремящихся к обретению власти над природой и наиболее полно воплотивших в себя понятие прогресса; 3) хозяйственных руководителей, т. е. предпринимателей «большого стиля» (а точнее — крупных капиталистов) «Хозяйственные вожди», замечает Шелер, не являются обыкновенными буржуа. Они полны кипучей энергии, наиболее полно воплощают в себе предпринимательский размах нашей эпохи, кроме того, они «лишены эгоизма и не являются гедонистами»²⁹ Эта апологетика капитализма, зачисление в один ценностный ранг великих ученых, изобретателей и капиталистов «большого стиля», красноречиво раскрывает социальную направленность типологии моделей ценностных личностей, срывая с нее маску христианского благопристойного лицемерия и показывая под маской евангелия «евангелие» крупного предпринимательства.

«Художник наслаждения» (а более просто и точнее самый обыкновенный гедонист) причислен Шелером также к моделям ценностных личностей. Сущность этого типа личности заключается в том, что «наслаждение приятным становится для него суверенной силой, а принципом существования только одно: предпочтение приятного неприятному. Все ценности, даже ценности святости, духовные ценности, ценности благородного и неблагородного становятся у него только лишь предметом наслаждения»³⁰ Следовательно, центр интересов этой модели ценностной личности — сам процесс наслаждения. По Шелеру, всякий материалист в соответствии со своей системой предпочтения ценностей является гедонистом и эгоистом.

Роль «художника наслаждения» в системе ценностей жизни и культуры философ видит в том, что этот тип личности открывает новые источники приятного, которые посредством труда затем воплощаются в благах. Таким образом, «художник наслаждения» использует плоды деятельности «ведущего духа цивилизации» и устанавливает цели прогресса.

Гедонист как тип ценностной личности представлен бегло и примитивно. Шелер не дает в работе «Vorbilder und Führer» критики этого типа и не вскрывает серьезных противоречий, содержащихся в гедонизме как определенной нравственной докт-

²⁹ M. Scheler. *Schriften aus dem Nachlaß*. Bern, 1957, S. 316.

³⁰ Там же. S. 317.

рине. Кроме того, остается непонятным, почему «художник наслаждения» вообще включен в типологию моделей ценностных личностей. Ведь в своем главном труде и во введении к работе «*Vorbilder und Führer*» Шелер подчеркивал значение ценностных моделей личности как регулятивного нравственного принципа, как идеала личности. Далее, он акцентировал возвышенный характер и надэмпирический статус бытия идеальных моделей личности, тогда как тип «художника наслаждения» (как это показано в работе «*Vorbilder und Führer*») построен из чисто эмпирического материала.

Если предыдущие типы идеальных личностей (отвлекаясь от того, правильно ли они поняты) включали в себя определенные положительные ценностные качества, то, спрашивается, какие положительные качества могут быть в гедонисте, эгоисте и бонвиване? На наш взгляд, дело здесь в том, что героизм как моральная доктрина, подчищенный и слегка облагороженный, выступает как основная разновидность практической буржуазной морали. И теоретически отвергая в «Формализме и этике...» гедонизм как теорию добра и зла, Шелер все же включил гедониста как модель ценностной личности в свою типологию. Этот факт симптоматичен еще и в другом аспекте. Наделение гедониста (кстати, несколько напоминающего «*homo consummens*» Э. Фромма) рангом ценностной модели показывает, что идеальные типы личностей взяты частично из реальной действительности буржуазного мира, и это опровергает шелеровское положение об их надэмпирическом статусе.

За настойчивым подчеркиванием идеального, вневременного бытия ценностных типов личности, за всеми путанными и противоречивыми попытками вскрыть природу идеала личности у Шелера вполне ощутимо выступает гнетущее противоречие между идеалом и действительностью в буржуазном мире. Это особенно видно при осмыслении Шелером соотношения между абсолютным идеалом личности — идеей личности бога, — чистыми типами ценностных личностей и человеком. Несомненно, говорит философ, что эти типы не могут служить образцом для бесконечной личности бога, который в своей всеблагости и своем совершенстве лишь охватывает их, содержит в себе и таким образом косвенно становится содержанием этих моделей. Конкретная конечная личность никогда не может достигнуть совершенства идеальных типов, и в этом — трагизм несовершенной природы человека, трагизм всех нравственных столкновений и конфликтов. Судьба человека, заключает Шелер, трагична и трудна.

Но все же, несмотря на разрыв, установленный в шелеровской аксиологии между идеалом и действительностью, реальная жизнь врывается и в сферу идеальных моделей, наполняя их содержание фактическими ценностями буржуазного мира, как это видно на примерах типов «героя», «ведущего духа цивили-

зации» и «художника наслаждения». Итак, страстные поиски идеала личности заканчиваются у Шелера фактически полным фиаско: представленные здесь модели — это либо сухие и абстрактные полумифологические схемы, либо духовно убогие реальные типы буржуазных характеров, возведенные в ранг идеала. И, видимо, поэтому философу так и не удалось обосновать аксиологический статус идеальных моделей, вскрыть «ценностную материю» идеала личности. В шелеровской типологии сосуществуют два компонента: схематизированная мифология и плоская, тривиальная реальность, но нет идеала личности, нет великолепного и могучего образа человека грядущего, человека с гуманистическим пафосом, с неумной жаждой добра, красоты и справедливости. И шелеровская типология идеальных моделей — это яркое *testimonium pauperitatis*, отражающее катастрофу духовного бытия при капитализме, кричащее об ужасающей утрате идеалов и невозможности их обрести.

Поступила в редакцию 23 октября 1966 г.

ОБСУЖДЕНИЕ ВАЖНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В КЯЭРИКУ

А. И. Горячева

В Кяэрику в течение четырех дней шло оживленное обсуждение проблем массовых коммуникаций. (Коммуникация — от лат. слова *communicatio* — сообщение.) Сообщение идет от какого-то источника через канал связи к определенной (например, обращение к молодежи, работникам сельского хозяйства и т. д.) или неопределенной (анонимной, достаточно большой численно и разнородной в социальном отношении) группе людей. Сознательный обмен информацией в обществе происходит при помощи сигналов личной и коллективной обращенности. Весь исторический период характеризовался теми или иными видами господства способа связей путем личной обращенности, когда личностные коммуникативные процессы имели для членов общества несравненно большее информативное значение, нежели массовые. На протяжении последних 30—40 лет скачкообразно увеличился объем информации, циркулирующей в обществе. Значение массовой коммуникации колоссально возросло и имеет тенденцию к дальнейшему росту. Радиовещание, пресса, кинематография, телевидение неимоверно расширили возможности передачи сигналов коллективной обращенности. Социология, социальная психология позволяют использовать эти мощные средства с исключительной эффективностью.

Интересный доклад о природе и функциях массовых коммуникаций был сделан Ю. А. Шерковиным (Москва), отметившим такие свойства процесса передачи информации, как публичность, быстрота передачи и преходящий характер информации. Публичность означает, что передаваемый коммуникатором материал доступен всем членам общества. Содержание информации не должно противоречить законодательству, моральным и политическим принципам, господствующим в данном обществе, а должно учитывать существующие традиции, состояние общественного мнения и т. д. При этом цель передачи определенного материала может быть самой различной: от отражения суще-

ствующего порядка вещей и информирования о нем до изменения традиций, формирования общественного мнения по тем или иным вопросам политического, морального или иного характера в соответствии с принятыми в обществе нормами. Такие средства массовой коммуникации, как газета, радио, телевидение, способны очень быстро откликаться на события внутренней и внешней жизни страны, показывать новое, раскрывать перспективы развития, мобилизовывать силы для достижения общей цели, для выполнения ближайших и более отдаленных задач коммунистического строительства. Однако цели использования средств массовой коммуникации и достигаемые результаты часто не совпадают. Иногда люди сознательно или бессознательно стараются избежать такого воздействия или воспринимают главным образом то, что соответствует их социально-психологической предрасположенности. Более эффективное воздействие средств массовой коммуникации возможно при конкретном учете состояния духовной жизни людей. Большую роль играет здесь учет потребностей определенных групп людей. От потребностей утилитарного характера до потребностей духовных (к которым относятся и познавательные потребности) и, наконец, просто «снятие эмоционального личностного напряжения», по выражению Ю. А. Шерковина, «эмоциональная разрядка», необходимая для людей, живущих в условиях современного общества, когда возрастает число точек соприкосновения со средой и необходимость решения множества логических задач. При решении этих задач не только требуется умственное напряжение, но и напряжение всей эмоциональной сферы, которая приходит в возбужденное состояние.

Для удовлетворения своих многочисленных потребностей читатель, слушатель, телезритель выбирает те средства, от которых они ожидают наибольшего и более быстрого эффекта. Так, простая информация лучше воспринимается через радио, более сложная — через телевидение и еще более сложная — через печать, когда имеется возможность вернуться к тому, что оказалось невоспринятым или непонятым. Различные условия жизни, быта людей также оказывают влияние на выбор средств. Так, сельское население предпочитает радио, а затем уже газету, тогда как у городского населения возникло почти ритуальное отношение к газете.

О классификации потребностей и необходимости их удовлетворения с помощью средств массовой коммуникации говорил В. А. Ядов (Ленинград). В. А. Ядов отметил необходимость следования трех, казалось бы на первый взгляд не очень связанных друг с другом и с вопросом массовых коммуникаций теорий: теории личности, теории массовой культуры и теории структуры и функций общественного сознания! Все это теории, которые необходимы для построения общей теории коммуникативных процессов.

Проблеме личности посвятил свое выступление В. Ольшанский (Москва) выдвинувший интересную мысль о связи теории ценностей с проблемой массовых коммуникаций. Ценность — специфический тип значения, который служит эталоном, с которым соотносится информация при выборе решения. Ценности имеются различных уровней: от низших до конечных ценностей. Ценности, усваиваемые от группы людей, с которой данная личность непосредственно связана, управляют поведением людей. Выступавший привел в качестве примера эксперимент, проведенный ленинградским психологом А. А. Бодалевым: двум группам студентов были показаны два портрета с просьбой описать их. При этом одной группе один портрет был назван портретом героя, другой преступника. В другой группе портреты были охарактеризованы противоположным образом. Результат опыта показал, что при одной реальности (портреты) к которой был добавлен оценочный элемент (герой и преступник), произошло искажение восприятия, и портреты были описаны в соответствии с их предварительной оценкой. Таким образом, избирательное введение ценностного элемента, с учетом тех ценностей, которые господствуют в данной группе, обществе и т. д., позволяет влиять на сознание, поправляя его в желательном направлении. Средствами массовой коммуникации можно апеллировать к высшим ценностям, усиливать ниже расположенные ценности. В этом отношении и идеология представляет собой систему организации ценностей, хотя, как известно, только к этому она не сводится.

В свою очередь, связь системы ценностей с реальностью очень сложна. Поведение индивида изменяется в соответствии с различными ситуациями. Имеются две структуры социального опыта: роль и Я. В теории социальных ролей есть формула, согласно которой личность равняется роли плюс Я. При этом Я можно рассматривать как сумму прошлых ролей. Существуют различные системы ориентации. Социальная ориентация — это система отношений к другим людям, или, более конкретно, к другим социальным группам. В систему коммуникативных отношений входят различные уровни взаимодействия: уровень непосредственного общения, уровень опосредствованного общения, который, в свою очередь включает в себя общение внутри страны и на международном уровне. В зависимости от этих различных уровней определяются и средства, которыми человек может пользоваться. Конфликт между ролью и Я — это конфликт внутри личности. Рамки (нормы-рамки) социальной группы накладываются на мир, индивид видит мир через эти рамки. В процессе социального взаимодействия складываются отношения между людьми, происходит согласование представлений, вырабатываются нормы поведения. Средства массовой коммуникации способствуют прежде всего такой выработке согласованных представлений,

норм поведения, сходного понимания ценностей, особенно ценностей более высокого уровня.

Живому обсуждению подвергся вопрос: не ведет ли развитие массовой культуры к снижению уровня ценностей культуры? На теории массовой культуры остановился в своем выступлении Ю. А. Левада (Москва)

Массовая культура вызвана колоссальным развитием коммуникаций, индустрией стандартизированных культурных потребительных стоимостей. Происходит нивелировка вкусов, потребностей и, связанная с этим, обезличенность людей. Однако явление массовой культуры имеет не только отрицательное, но и положительное значение. Положительными свойствами массовой культуры являются дешевизна и общедоступность ее, при которых широчайшие слои населения становятся причастными к культурным ценностям.

Выступавшие на дискуссии указывали, что в условиях демократического, социалистического общества распространение массовой культуры может регулироваться таким образом, что она не только не приведет к упадку ценностей, но может превратиться в своего рода общий фон их дальнейшего развития. Это, однако, не означает, что определенные трудности, связанные с явлением массовой культуры, не возникают и в социалистическом обществе.

Промежуточному звену, т. е. каналу коммуникации, было посвящено выступление А. Мурутара (Тарту). Об исследовании телезрителя рассказал Б. М. Фирсов (Ленинград) Об исследовании читателя газеты «Эдаси» дал информацию Ю. Вооглайд (Тарту). Исследование читателя «Комсомольской правды» было освещено в выступлении Е. П. Прохорова (Москва) Результаты проведения анкеты среди абитуриентов, поступающих в университет, были изложены М. Титма (Тарту), который остановился также на методике обработки анкеты.

При недостатках работы таких средств массовой коммуникации, как газета, радио, телевидение, включаются и другие средства, например, слухи. Слух относится к социально-психологическим явлениям и представляет собой сообщение (исходящее от одного и более лиц) о некоторых событиях, еще ничем не подтвержденных, устно передающееся в массе людей от одного лица к другому. Слухи касаются важных для определенной социальной группы явлений, отвечают направленности ее потребностей и интересов. Только такие сообщения и могут подхватываться, распространяться, приводя в возбужденное состояние массы людей.

С точки зрения современного уровня развития средств связи слухи являются в настоящее время анахронизмом. Однако в тех условиях, когда основные средства связи, каналы информации находятся в руках враждебной народным массам верхушки гос-

подствующих классов, в результате чего трудящиеся лишены необходимой информации, слухи как форма передачи общественной информации являются социально неизбежными. Особенно восприимчивыми к слухам народные массы становятся в периоды социальных кризисов, войн, во время которых возрастает недоверие к официальной информации.

В наших условиях особый вред представляют собой слухи, искажающие внутреннюю жизнь страны и международную жизнь, слухи, которые возникают из получаемой информации не через официальную печать, радио и т. д., а через другие каналы, например через иностранные радиопередачи. Возможность появления такого рода слухов значительно снижается, если имеется своевременная и объективная информация о происходящих событиях, если имеется гласность. Об огромном значении гласности в воспитании масс много писал В. И. Ленин. С гласностью В. И. Ленин связывал сознательное участие трудящихся масс в строительстве новой жизни. Отсутствие гласности, своевременной объективной информации является причиной возникновения слухов, стихийному процессу распространения которых гласность может быть противопоставлена. Массы и сила движения слухов в среднем обратно пропорциональны степени информированности населения о внутренних и внешних событиях.

Таким образом, роль средств массовой коммуникации в жизни общества велика. Их значение не сводится только к насыщению информацией, повышению интеллектуального уровня, удовлетворению познавательной потребности, снятию эмоционального напряжения. Это значение заключается также в осуществлении функции воспитания, функции вовлечения широких масс трудящихся в активную жизнь страны, функции мобилизации сил, функции корреляции реагирования отдельных частей общества и, наконец, функции передачи моральных, политических и других ценностей следующему поколению.

Серьезное исследование этих проблем у нас только начинается. Надо заметить, что в работах буржуазных социологов по данному вопросу имеется довольно много ценного, что должно быть внимательно учтено, как показал ход обсуждения на семинаре. Зарубежная коммунистическая печать придает указанным проблемам немалое значение. Сравнительно недавно, например, «Унита» писала о том решающем значении, которое имеют сегодня «центры руководства и ориентации процессов информации и социализации культуры, смены манипуляций «массовой культурой» (29 октября, 1966).

До новой встречи в Кяэрику! — прощались гости, отдав должное эстонскому гостеприимству и красоте Кяэрику.

**Авторы XI тома «Трудов по философии»
Тартуского государственного университета**

- Макаров М. Г. — зав. кафедрой философии ТГУ, доктор философских наук.
- Ребане Я. К. — доцент кафедры философии ТГУ, кандидат философских наук.
- Кард П. Г. — зав. кафедрой теоретической физики ТГУ, профессор, доктор физико-математических наук.
- Лиллелехт В. — аспирант кафедры биохимии ТГУ,
- Лооне Э. Н. — старший преподаватель кафедры философии ТГУ, кандидат исторических наук.
- Блюм Р. Н. — доцент кафедры философии ТГУ, кандидат философских наук.
- Горячева А. И. — старший преподаватель кафедры философии ТГУ, кандидат философских наук.
- Титма М. Х. — преподаватель кафедры философии ТГУ
- Хайкин Я. З. — доцент Челябинского политехнического института, кандидат философских наук.
- Столлов Л. Н. профессор кафедры философии ТГУ, доктор философских наук.
- Чухина Л. А. — научный сотрудник сектора философии и социологии Института истории Академии Наук Латвийской ССР, кандидат философских наук.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Макаров. Категория цели в современной буржуазной философии	3
Я. К. Ребане. О влиянии языка на категориальную структуру мышления	54
П. Г. Кард. Тожественность массы и энергии	64
Р. А. Вихалемм. О характере знаний в древней химии	76
Р. А. Вихалемм. Движение познания от бытия (непосредственных явлений) к сущности в истории учения о химическом сродстве	77
В. Лиллелехт. К категориям части и целого в современной биологии	93
Э. Н. Лооне. Возможность философии истории	107
Р. Н. Блюм. Отчуждение и революция	119
А. И. Горячева. Аспекты социальной психологии	132
М. Х. Титма. Методологические проблемы социологического исследования выбора профессии	145
Я. З. Хайкин. Проблема моральных коллизий	158
Л. Н. Столович. Красота как ценность и ценность красоты	170
Л. А. Чухина. Проблема личности в аксиологии Макса Шелера	184
А. И. Горячева. Обсуждение важной социологической проблемы в Кяэрику	206